

попaдaнeц

TOYBUSHKI

Виталий Храмов

ПО ТУ СТОРОНУ
ЖИЗНИ,
ПО ТУ СТОРОНУ
СВЕТА

Виталий Иванович Храмов

По ту сторону жизни, по ту сторону света

Серия «Попаданец (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69467785

Аннотация

Он пытался прожить обычную жизнь в этом страшном и жестоком мире. Мире магии и меча, пережившем апокалипсис. Голод, запустение, средневековье с мечниками и магами. Но, кроме них, в мире разлита Скверна, бродят её порождения – мутанты, ожившие мертвецы. И рядом с этим всем божественные сущности, играющие в какие-то свои вечные игры. И он оказался пешкой в этих играх. Он пытался избежать участи пешки в играх богов, хотел просто жить, просто любить. Преданный, изгнанный, разочаровавшись в своих помыслах и желаниях, решил завершить свой путь в этом мире самым радикальным способом, какой смог придумать. Забыв, что то, что уже мертво – умереть не может. Ведь он мертв, он уже фигура на доске божественной партии. Он – инструмент, оружие. Орудие Смерти. Он уже по ту сторону жизни, по ту сторону света. И его ждут новые тёмные тропы. А на них его ждут тёмные личности и мрачные сущности, слишком долго скрывавшиеся в этой тьме. Смерть их слишком долго ждёт.

С мрачной усмешкой орудие Смерти идёт тёмными тропами в самую тьму. Во имя света и жизни.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Дороги Смерти	14
Глава 1	14
Глава 2	39
Глава 3	76
Глава 4	111
Глава 5	161
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Виталий Храмов

По ту сторону жизни, по ту сторону света

Пролог

Она была полноправной хозяйкой этих мест. И никто не осмеливался оспаривать её права на эту землю. Никто. Тем более – сейчас. Всяк знал, что свирепее Скверного Медведя может быть только – Скверная Медведица, защищающая логово медвежат. Вся Чаша Погибели Богов знала, что она – принесла сразу трёх медвежат. Никто не смел нарушать её покой. До тех пор, пока медвежата не вырастут и не покинут берлогу в поисках своего места, своей земли, своих охотничьих угодий и всего удела ответственности.

Потому что кроме охотничьих угодий Чаша Погибели Богов была и зоной ответственности Скверной Медведицы, пока единственного медведя в чаше после гибели медведя. И всё, что жило в этих мрачных, топких и влажных лесах чаши, надеялось на её защиту. И Медведица стояла на страже этого неустойчивого равновесия жизни в этих Скверных Чашах. Это была её земля. Охотиться на них могли только те, кому Медведица – позволила.

Опасность она почувствовала сразу же. Едва на самой опушке леса погибли первые Живущие, Медведица грозным рыком загнала медвежат в укрытие берлоги и побежала навстречу опасности, проламываясь прямо сквозь влажные заросли скверных растений. Все звериные тропы были заняты спасающими свои жизни её поднадзорными. В их мыслях была паника, они смердели – ужасом. В этом парализующем страхе даже не замечая Хозяйку, влетая ей прямо под лапы, визжали, разрывая свои связки и мускулы, вырывая свои когти – рвались прочь.

Когда Медведица увидела *его*, её тоже охватил ужас. Смертный ужас. Все, у кого хватало ума или Чувства Жизни, многим заменяющего ум, с одного взгляда на *него* – ощущали этот смертный ужас.

Но Клыккан не обладал ни тем, ни другим. Толстая шкура, длинные клыки, большая масса и необузданная свирепость заменяли ему и ум, и чутьё. И Клыккан принял Смерть за того, на кого он был похож только внешне – на Двуногого. На одного из тех двуногих, что забредали сюда, надеясь на свои острые холодные Длинные Зубы. Потому Клыккан сделал то, что делал всегда – атаковал, надеясь разорвать, растоптать Двуногого. И отведать его мягкой и нежной плоти. Пустоголовые Клыкканы атакуют даже ходячие кости, каждый раз надеясь отведать плоти двуногих, которой на ходячих чаще всего уже не бывает.

Медведица залегла, смотря на атаку Клыккана сквозь сме-

женные веки. Клыккан ожидаемо промахнулся. Двухногие ловкие. Если сразу в страхе не побежали от опасности, то для охоты на них нужно терпение и ловкость. Клыккану выносливость и свирепость заменяли ловкость, а упрямство у него было вместо терпения.

Но в этот раз Клыккану не помогло ничего из того, что обеспечивало его выживание и свою собственную нишу в тесной взаимосвязи пищевых цепочек мира. Короткий пронзительный визг достиг Медведицы одновременно с нестерпимой вспышкой смертельной опасности. И Медведица, впервые за всю свою жизнь, издав рёв ужаса, рванула к берлоге.

Медведица уже не старалась ступать тихо, вкрадчиво, не припадала к земле, не обнюхивала воздух, не прислушивалась к разлитой в воздухе жизни, как она делала, подкрадываясь к этому Двухногому. Медведица уже поняла, кто пришёл в её землю. Смерть. Неотвратимая Смерть. Которую невозможно остановить, невозможно убить. От Смерти можно только сбежать. И Медведица спасалась бегством. Впервые с тех времён, когда она покинула берлогу своей матери. Медведица не бежала даже от тех двухногих, которые убили медведя. Она добила тех двухногих, оставив их тела муравьям.

Но Несущий Неотвратимую Смерть Двухногий настигал её огромными прыжками, подобно тому насекомому, за прыжками которого так любят наблюдать её медвежата. Двухногий

уже не обращал внимания на прочих живущих. И леденящее кровь понимание, что Несущий Смерть пришёл именно за ней, охватило Медведицу. Хозяйка Чаши Погибели Богов прямо на ходу облегчилась, опорожнив мочевой пузырь и кишечник, рёвом подзывая медвежат из берлоги.

Медвежата были, как и Медведица, как и их буйный отец, очень сообразительными, хорошо чувствующими течения потоков жизни, потому они выбежали из норы, пристроились за матерью и пушистыми комками катились по прокладываемой Медведицей тропе в зарослях изломанных Скверной деревьев.

С облегчением она заметила, что Двуногий отстал, наткнувшись на камень Алатырь возле берлоги. И у Медведицы появилась надежда, что удастся спасти своё потомство, вывести медвежат из Чаши, переставшей быть им Домом.

Но все надежды рухнули, вместе со светом жизни, когда Двуногий встал прямо на её пути. Встал уже на самой опушке леса. Медведица, ревя от злости и отчаяния, поднялась на задние лапы, выпрямляясь во весь свой гигантский рост, вознося над Двуногим мощные лапы с когтями, больше похожими на мечи. Мир для гигантского зверя сжался до размеров этого Двуногого.

Медведица не питала никаких надежд на исход поединка. Она лишь надеялась вырвать для медвежат шанс спастись. Дать им время убежать.

Но в тот момент, когда невидимая стена ударила Медве-

дицу, отшвыривая её, придавливая к земле, вдавливая её во влажную топь Чаши, до ушей Медведицы донесся отчаянный крик боли её младшего медвежонка, лапа которого провалилась в расщелину скрытой под дёрном скалы и застряла.

В гаснущем сознании Медведицы вспыхнуло отчаяние. Но даже крик отчаяния не смог вырваться из её горла, стиснутого невидимыми, но жесткими, как скалы, обручами.

И когда от мира в глазах Медведицы осталось только маленькое-маленькое пятнышко, меньше, чем глаз пушистого ушана, оковы, стискивающие её горло и вдавливающие Медведицу в топь, пропали. В ярости Медведица рванулась. Двуногий, что стоял на её груди, комком шерсти взлетел в воздух, с чавканьем ломая стволы деревьев, упал на землю. Медведица оказалась прямо над ним прежде, чем руки Двуногого закончили падение. Её пасть распахнулась, чтобы одним движением сломать этого невеликого телом, ненавистного Двуногого.

Но медвежонок опять взревел от боли. Медведица отпрянула от Двуногого. Его маленькое тело уже не источало той Неотвратимый Смерти. Медведица посмотрела в его маленькие глаза на маленькой голой жабьей мордочке, полностью лишённой шерсти, как и у этих болотных жителей. Глаза Двуногого ждали.

И, казалось, нужно одно движение. Лишь одно. И все страхи позади. Весь ужас останется лишь воспоминанием. И Медведица вновь будет Хозяйкой Чаши Погибели Богов.

Но...

Смерть пришла в Чашу. Смерть. Чистая, ничем незамутненная Смерть. Медведица задрожала всем своим великим телом, сжавшись, отпрыгнула от тела Двуногого. Подбежала к медвежонку, что продолжал жаловаться, что земля не пускает его. Медведица ткнула малыша носом, толкнула лапой, лишь вызвав отчаянный крик боли.

Смерть была рядом. Смерть ждала. И глубинная, всепоглощающая Смерть проснулась, поднимаясь со дна Чаши Погибели Богов. Двуногий, против накатывающих волны ужаса Смертей уж совсем безопасный, поднялся, достал блестящий зуб, какие используют эти прямоходящие сородичи болотных жаб. Медведица отпрыгнула, оскалив зубы, каждый из которых был много, много больше зуба Двуногого. Но гололицый всё одно шёл. И чем ближе он подходил, тем больше Медведица сходила с ума. Он сам был Смерть. Его зуб – Смерть. И сзади – Смерть, снизу накатывало ощущение всепоглощающей Смерти.

Медведица жалобно закричала, металась, не в силах преодолеть ужаса, но не в силах и оставить своё потомство.

Двуногий подошёл. Взмахнул зубом, несущим Смерть. Медведица опять поднялась на задние лапы, взревела. Но рёв получился не угрожающим, а каким-то жалобным, хотя и оглушительным. Рука Смерти рухнула. Целый кусок скалы, спрятанный в переплетении дёрна, исчез. Рвущийся из западни медвежонок кубарем покатился под брюхо Медве-

дицы.

В ту же секунду устрашающая пасть Медведицы сомкнулась на холке медвежонка, поднимая его, рывком, в воздух. И вот уже громадина Скверной Медведицы огромными прыжками несётся прочь от этого места.

Лишь миновав опасное место, Медведица обернулась, бросив взгляд, на ходу, через плечо.

Чудовищно огромное тело всепоглощающей Смерти Дна Чаши Погибели, источающее волны липкого ужаса, вырвалось из глубин Погибели Богов, поглотив не только маленького Двунюгого, но и изрядный кусок чащобы. И рухнуло обратно. Над огромной воронкой, что осталась от норы всепоглощающей Смерти, смыкалась чёрная болотная жижа.

Медведица остановилась, опустила комок медвежонка. И, неспешно переставляя лапы, пошла обратно к чёрному зеркалу норы. Опасность миновала. Всепоглощающая Смерть редко поднимается со своих глубин. Память о всепоглощающей Смерти пришла только из самых глубин памяти предков, из наследственной памяти, генетической, из самых тёмных пещер инстинктивных чувств. Сама Медведица никогда не ощущала подобного.

Но теперь надо пометить это место как непроходимое, топкое. И будет оно таким до следующей смены лун. Медведица метит заросли вокруг неестественно ровной и неестественно круглой лужайки, выглядящей обманчиво зелёной и безопасной. Надо оградить поедающих растущее от этой без-

мятежной западни. Это долг Хозяина Чаши Погибели Богов.

Спасённый Двуногой Смертью медвежонок деловито брызгал на стволы, во всём повторяя мать. Он тоже рождён для доли Хозяина. И повторение действий предков единственный для него способ научиться выполнению своих обязанностей.

Закончив свои дела, Скверные Медведи неспешно, как и полагается Хозяевам, покинули это место, заставившее их понервничать.

Покрытое зеленою водорослей зеркало следа всепоглощающей Смерти пошло волной, выпуская пузырь воздуха, вынесший почти новый сапог, набивший такие неприятные болячки своему хозяину. Перевернувшись, сапог наполнился чёрной водой и скрылся под ряской. И всё опять стало безмятежным.

Жизнь продолжалась. Странная, непривычная, крайне жестокая, но жизнь.

* * *

Только недалеко, всего в паре дней пути верхом, девочка с огненно-красными волосами плакала навзрыд. А юноши и девушки, что пришли проститься с ней, поняв причину отчаянного горя своей названной сестры, преклонили колени, сняв шлемы, склонили головы, уперев мечи в пол, положив руки на гарды. Преклоняясь перед оплакиваемым, выражая

ему своё почтение и признание.

Но через минуту молчания воины встали, бросили мечи в ножны и вышли во двор, где их ждали снаряжённые кони, а на улице в нетерпении колыхались стройные ряды тяжело-вооружённых всадников с золотыми пиками на щитах.

Последней выходила высокая девушка. Её огненные косы были убраны под кольчужный наголовник.

– Хорошо, мать не знает, – вздохнув, сказала девушка юноше с волком на груди, что ждал её, – пусть он для неё будет ещё жив. Ещё хоть немного. Но – жив.

Вооружённые люди в пламенных накидках закрыли за ними ворота. Один из них, самый пожилой, тяжело вздохнул. Ему было очень жаль, что погиб тот человек. Ему было очень жаль, что эти отважные юноши и девушки идут на погибель. За жизнь. За свет. На тьму. Но кто-то должен сражаться за жизнь. Сгорая в сражении, светом подвига своего – разгонять тьму.

Часть первая. Дороги Смерти

Режим сложности: Смерть – не преграда

Глава 1

Я не хочу жить.

Я ищу смерти.

И одним этим я несу смерть. Потому что я сам – Смерть!

А всё потому, что я не могу элементарно забиться в угол и просто сдохнуть. Просто не могу. С таким же успехом я мог бы и от святош не бегать. Они бы мою проблему решили быстро и ярко, с большим погребальным костром сожжения меня заживо. Но меня такой исход не устраивает. Человек, мужчина, воин должен закончить жизнь в бою. В жаркой схватке, получая раны, разя врага. Только такой исход я считаю достойным.

А сражаться с белобалахонными я уже не хочу. Хватило тех двоих. Это не то, что глупо убивать этих святош. Это больше, чем глупость, это – преступление. Просто потому, что служители этого культа несут важную общественную функцию. Они, как лейкоциты в живом теле – борются с грязью, гноем, чужеродными организмами, неорганиче-

скими включениями в живом организме общества, не жалея себя сражаются с вредоносными формами жизни – двуногими вирусами, человекообразными бактериями и прочей гадостью. И зачастую только они и остаются один на один с мерзостью человеческого общества.

Вот, что я увидел той ночью в Столице? Утырки издевались, а потом и убили женщину. Кто противодействовал им? Стража? Нет. Не видел. Добропорядочные горожане? Опять же нет. Лишь пара пареньков с дубинами и старик с вязанкой хвороста. Всё! Только эти трое и не побоялись выйти на тёмные улицы охваченного беспорядками города. И разве это не полезная функция этой структуры? Незаменимая! Так за что их убивать?

Да, они сразу же набросились на меня. Но ведь я, по определению – их «работа». Чужеродный вредоносный элемент в организме живого человеческого общества. Нежить, питающийся кровью и жизненными силами жертв, Тёмный маг, часто применяющий различного рода проклятия, маг Смерти, лично прикончивший сотню человек. И для мира этого, для этого общества я – чужой. Кто-то чуждый, подселённый в тело умершего уroda. Чужеродное включение в ткань их реальности. И они это почувствовали. Профессиональным чутьём. Почувствовали они и Силу мою, сразу поняв, что я не их уровня противник. Но не показали мне спины своей. Не сбежали. А атаковали. Уважаю!

И пусть я не согласен с их методами работы, но цели их

достойные. А по методам? Не мне, чужаку, судить их. Это их мир. И не мне судить его устройство, с моей, чуждой этому миру нравственностью. Моральные критерии которой, в данных конкретных условиях, могут оказаться навеянными иными реалиями, натянутыми за уши на глобус, а значит – ложными. Мало, что окажутся нежизнеспособными, это полбеды, которая коснётся только меня. Но могут быть просто смертельными для общества, вредными и токсичными, как вирус, только информационный.

Тот же мой спор с Падом, по детям и старикам. Как говорил Пад, «все так делают!». Но меня это утверждение и сама подобная моральная установка просто выморозили! Но ведь может стать и так, что не моя, а только их, такая вот, жесткая моральная позиция и обеспечивает выживание мира в целом.

У меня в памяти лежит ненужный кусок воспоминаний о негативном опыте «гуманности». Больных детей не топили, как котят. Где это происходило? Не знаю. В том-то и беда всех моих воспоминаний, что они не имеют никаких привязок – ни к личностям, ни ко времени, ни к местностям. Просто обстоятельства, набор отвязанных от ориентиров событий.

Забота о больных, нежизнеспособных детях это же хорошо? Безусловно! Гуманно же, по-человечески. Особенно, если заботу о беззащитных берёт на себя надличностная организация, государство. Только вот годы шли, десятилетия

отлетали, как листочки отрывного календаря. Больные дети выживали. Но работать и самообеспечивать себя они по-прежнему не могли. Да и не хотели. А зачем? Паразитировать же легче и приятнее, так ведь? И они плодились. А чем им ещё заниматься? И этот их изъян, их нежизнеспособность передавалась по наследству. И число уродов относительно здоровых людей росло. И их право на нормальную жизнь защищалось государством, со всеми его обдирающими и карательными структурами. И незаметно, с годами, инвалиды становились настолько массовым явлением, что под нужды неполноценных людей силой, ломая через колено, подстраивается жизнь всего общества. Те же пандусы вместо лестниц, подъёмники для колясочников, удорожающие любое (повторяю – любое!) строительство. Ломая привычную среду обитания под нужды уродов. И всё прежде здоровое общество становится обиталищем уродов. Вместо попыток сделать инвалидов полноценными. Не массовое протезирование, развитие и совершенствование способов и методик возвращения инвалидов до нормы, а именно слом «нормы» под неполноценность!

Ещё спустя некоторое время начинаются уже не умозрительные или морально-этические проблемы, а вполне себе реальные и материальные. Начнётся всё с того, что «тягловое сословие» – физически и психически полноценные люди, тоже начнут вырождаться. Физически здоровые люди, обложенные всё возрастающим и возрастающим гнѐтом за-

боты обо всё возрастающем поголовье паразитов, чтобы сохранить хоть какой-то уровень жизни для себя и хотя бы пары детей, прекратят размножаться.

Придёт время, и ребёнок в семье будет только один. А нереализованная тяга к размножению, нерастроченная любовь и забота о потомстве начнут подавлять подспудно психику, затеняя личность, разъедая её коррозией стрессов и раздражительности.

А потом появляется мысль, что и без детей тоже неплохо. А и даже зашибись! Свобода от детей! Живи и радуйся жизнью! Ты же один раз живёшь, так ведь? Зачем терять время на мелкие пищащие недоразумения? Делай круче, делай красивше, кайфуй! Чайлдфри! Да и зачем связывать себя с одной-единственной особью противоположного пола? Тебе не нужно более строить совместное общежитие-детдом, не требуется обеспечивать женщине заботу, защиту и уход на время её беззащитности на период вынашивания и грудного вскармливания? Свобода отношений. Не напрягаясь. Живи для себя!

Тем более что это ещё и выгоднее. Не требуется столь упорно и продолжительно работать, чтобы обеспечить себя, её и их. Для себя, родненького, много ли надо? Больше времени для приятного времяпрепровождения, такого сладкого ничегонеделания.

А это уже морально-нравственный вывих. Община уродов пополнилась ещё некоторым количеством уродов. Те-

перь уже нравственных. Физически полноценные люди, которые не хотят быть «тягловым сословием». Они тоже хотят жить хорошо, ничего для этого не делая. Жить на подачки и пособия.

И хорошо, если рядом находится общество людей более «диких», менее гуманных. В таком случае сообщество «дикарей» просто уничтожит всё это нежизнеспособное сборище уродов и трутней. Ведь защита людей с оружием в руках, бой с риском для жизни – высшая форма общественного труда. А потомственные лентяи не то что воевать, они трудиться не желают. И паразиты быстро исчезают с занимаемой ими земли.

Но вот если нет здоровых, голодных, потому агрессивных соседей? Голодных потому, что в семьях «дикарей» рождается столько детей, сколько сможет родить женщина. А здоровая женщина может родить немного больше одного ребёнка. Не все из них доживут до половозрелого возраста, конечно. Но, выжившие будут сильными, здоровыми и агрессивными. Потому что население растёт прогрессивно. И всего на всех тупо не хватает. Дикари уже привыкли, впитали с молоком матери, инстинктивно отталкивая от титьки конкурента, что за право дышать надо бороться. Никто из них не ждёт подачки «сверху». Наоборот, как бы то, что есть – не отобрали! Более ушлые и энергичные. «Дикие» – всегда «на взводе», всегда «в тонусе», всегда готовы кулаками отбивать своё право на место под небом, зубами его вырывать из гло-

ток остальных. И для таких «дикарей» положить конец бессмысленному существованию паразитов – акт высшего человеколюбия.

А вот если уже нет никаких дикарей? Если уже все кругом цивилизованные, уже по самое «не балуйся» «отцивилизованы», безнадежно и хронически заражены тленом паразитизма? Если физические недостатки, морально-этические извращения считаются нормой? И «нормальность» – не нормальна? И не осталось никого, кто силой может вскрыть этот гнойник? Если даже Природа плотно загнана в рамки ненормальности, уничтожена, закатана в камень и законсервирована в стекле? И никакого буйства стихий не допускается? Представить страшно!

Но мне не надо представлять. Я – помню. Я жил во всём этом гное? Наверное. Мне почти физически больно думать о том, как у меня, моих здоровых детей отбирают средства к существованию в пользу детей с врождёнными пороками, с лишними хромосомами, конечностями, головами! Мне больно вспоминать рожи напояженных уродов, на столе лекарей делающих из мужа, из воина – нечто бесполое. Нечто «оно», не желающее нести бремя Мужа, Воина-Защитника, Человека, но и не способное, да и не желающее, давать жизнь, не способное родить. Не способное вообще ничего дать миру. Способное только взять. Да и то только то, что вложили в руки, а лучше вставили прямо в пасть, как слепому кутёнку. Мне больно вспоминать многое из подобных

безумств.

Мне ли судить мирян? Мне? В котором тоже плотненько так сидит вирус «цивилизатора»? Со всеми его «слезами ребёнка»...

Мир пока самими условиями беспощадного существования избавлен от паразитизма. И слава их богам, какие бы они ни были! Хоть трёхликие, хоть трёхочковые.

И я должен сражаться с теми, кто защищает этот мир от гнили и мерзости? Нет! Я не желаю боя со светлыми. Но и тупо сгореть на костре не желаю.

Ищу врага. Ищу боя. Мне – больно. Мне, чужаку, не место в их мире. Ищу боя, ищу смерти.

Мне – больно. Но я никого не виню.

Кто виноват, что я Чужак? Я? Я – сам? Как я мог повлиять на моё появление в мире? Никак. Никто не виноват. Никто. Но больно!

Кто виноват, что я – нежить? Я? Она?

Да, я полюбил! Как человек, а не как оживлённый труп. В чём она виновата? Что использовала меня? Нет! Всё она сделала верно! Так и надо было! Я же орудие Смерти. Орудие! Инструмент! Готовый к использованию. Не воспользоваться – грех. Нет её вины!

Вот тут я сам виноват. Прекрасно же осознавал, кто я, что я, зачем я! Всё знал, отдавал себе отчёт. Некоторое время. Помнил, что я инструмент, функция. На что обижаться? Что меня использовали по назначению? Сам же помнил, что я

– временное явление. Прекрасно же видел, что горизонты моего бытия никак не просматривались дальше этой зимы. Видел же!

А потом счастье и радость от видимости обычной человеческой жизни, всего лишь – видимости, дало надежду, что это и есть жизнь. Мечтать стал, как юноша в период полового созревания, в облаках грёз летал, парил! Раскатал губу на долгую и счастливую жизнь! Жизнь! Ха-ха!

Я виноват. Сам. В самообмане. Некого винить, кроме самого себя! Но! Как же больно! Невыносимо больно! Думать об этом больно! Вспоминать невыносимо! Не то что находиться рядом, видеть её!

А всё потому, что я неживой Чужак, возомнивший, что он Человек. И право имеет. На любовь, на своё мнение, на своё место под Светилом, на тепло человеческих душ, на внимание людей. Чушь! Всё – чушь! Даже если заточенной полосе стали и кажется, что, разговаривая с клинком, трепетно ухаживая, Хозяин относится к мечу как-то иначе, чем как к инструменту – это чушь! Самообман!

Как же больно! А больно мне потому, что отрастил в себе человеческие чувства. Весьма напрасно! Напрасно! Всё это человеческое во мне обернулось против меня, ударило нестерпимой, обжигающей, испепеляющей болью. Все чувства, все мои эмоции прошли, пролетели весь путь от начала до конца. И оказалось, что все они завершаются болью. Нестерпимостью разлуки, невыносимостью сожаления, об-

жигающей ледяным дыханием безответностью любви, пылающей и испепеляющей злостью и обидой ощущения себя использованным одноразовым резиновым изделием. Обиды на весь мир, что он, мир этот, живой, а ты – нет. Зависть к людям, что они любят, а ты страдаешь. Что они живут и строят планы, а ты прекрасно знаешь, что твоё существование временное явление. Причем очень ограниченно временное. И это – больно!

Они строят планы на жизнь, готовятся к сражениям за Жизнь, горят страстью и предвкушением боя и победы, а ты лишь испытываешь сожаление, что не находишь отклика их чувств в себе. Потому что точно знаешь, что всё это напрасно. Леденящее равнодушие в тебе к их страстным побуждениям вызывает злость в душе. Потому что ты тоже хочешь испытать азарт боя, превозмогания, победы. Но, тяжестью неизбежного висит над тобой понимание, что всё это калейдоскоп цветных картинок на экране телевизора, к тебе не имеющий никакого отношения. И зависть. Растёт чёрная зависть. К ним, живым, страстным, целеустремлённым.

У них есть Жизнь. Пусть короткая, но яркая, насыщенная. А повезёт, да сами исхитрятся, выкрутятся, то и жизнь их будет долгая, ещё более яркая и ещё более полная.

А у тебя – программа. Рельсовая колея. От пункта № 1 – до конечного пункта. И на местности, и по времени, и по целям. Столица – конечный пункт, тупиковая станция. Временной разбег – зима. Конечная цель – Живчик. Всё! И этот

путь пройден! Во мне больше нет надобности. Потому за мной и явился чрезвычайно сильный Светлый. Для утилизации. Миру я больше не нужен.

И я испугался. Правда испугался. За свою никчёмную жизнь. Плохое чувство. Крайне негативное и крайне неприятное. К тому же теперь ещё и горько-досадное.

Бежал к *ней*! А там опять этот Светлый. Тот самый, Утилизатор! И к моему страху прибавилась жгучая обида. Они, все – преклонили колени перед тем, кто просто обязан меня сжечь!

Ещё одно крайне болезненное чувство – обрушающегося мира. Я с испуга и соскочил с рельсовой колеи целевой программы моего существования. Сам себя выбросил из жизненной ниши, в рамках которой и была хоть какая-то логичность моего существования. Оттуда, где я был нужен, ценен, где во мне был смысл.

И вдруг оказалось, что вне этих рельсов – пустота. Нет меня, нет смысла во мне, мне больше некуда и незачем идти. Не для кого и не для чего жить. Не к кому и незачем испытывать эмоции и чувства.

Кроме жалости к себе. Ещё одно крайне болезненное, весьма неприятное чувство – жалость к себе. Я – жалок. Ничтожен. Как же это мерзко!

Я не хочу больше испытывать эмоции! Не хочу. От былой приятности чувств осталась лишь их чёрная, негативная изнанка. И мне больно! И не унять эту злую боль!

Противоречивость и нелогичность моих чувств, эмоций и мыслей, их несвязанность и даже разнонаправленность, их конфликтность тоже причиняют боль. Боль! БОЛЬ!!!

И я не вижу иного выхода, иного избавления себя от этой боли, кроме как убить в себе всё человеческое. Если человеческое во мне от меня не отделится от остального, что составляет меня, то убить всё вместе!

И подойти к этому надо комплексно. И решить все мои проблемы разом. Небытие... Х-хм! Как оно манит! Забыть, забыться. Не быть!

Встреченные мною люди не вызывали во мне ничего, кроме жалости. Драться с ними было сродни хладнокровному убийству. А я не убийца. Я боец. Да, я не хочу жить. Но и убивать заведомо слабых, беззащитных у меня нет стремления, нет желания. Нет в этом никаких светлых эмоций, кроме сожаления и досады. Погибнуть я хочу, как воин, в схватке с более сильным противником. Сражаясь до последнего дыхания, испытав, хоть раз, ещё хоть разок – азарт боя!

А где найти таких противников? Святоши? Опять вернулся к ним. Но выводы те же. Их-то за что? А кто ещё настолько крут, чтобы сразиться со мной? Могучие воины? Маги? А если я их убью? Или покалечу? Они-то тут причём? Моя боль станет их болью?

Тёмные? Безусловно! А где их искать? Если они прячутся столь тщательно, что их днём со светом ищут и не находят.

Твари?

Да! Твари Скверны! Вот уж кто – монстры! И по ком никто плакать не будет! Ну, Твари, дрожите! Иду на Вы!

Стою на срезе Пустоши, смотрю на курящиеся внизу облака. Чувствую себя как в Большом Каньоне. Там тоже так – как провалы в земле невероятных размеров. И эта Чаша Погибших Богов как невероятных размеров яма в глинозёмном неровном зеркале Пустошей. Настолько большая яма, что другого её края просто не видно. Видно только, как стена среза Пустошей, плавно изгибаясь, теряется в дымке облаков, не поднимающихся из Чаши.

А внизу целая неведомая страна. Полная неведомых чудес. И чудищ. Так говорят в столовом зале местного заведения. Весь город живёт с Чаши. Регулярно в ней пропадают люди, часто целыми отрядами, но поток адреналиновых маньяков не иссякает. С этого город и живёт. С тех, кто пришёл попытать своего счастья, и с того, что счастливики оттуда выволокут.

Но добыча меня не интересует. Это удел мелких людишек – тащить артефакты ушедших эпох, диковинные растения и тушки неведомых зверьков. Я – Смерть. Я иду убивать. И умереть. Если повезёт. Судя по названию, Чаша Погибели Богов – мой выбор верный. И долго искать не пришлось – прямо на моём пути оказалось это явление мира.

Подхожу к подъёмнику. Отдаю серую монетку. Старший

группы людей, обеспечивающих работу подъёмника, осмотрел меня критическим взглядом. Поджал губы, спрятав их в усах. Он оценил мои шансы как ничтожные. Бывает! Я вот тоже имею склонность обманываться.

Качающаяся люлька вздрогнула и, мерзко скрипя, пошла вниз. Мне даже не стали зачитывать условия подъёма меня из Чаши, настолько уверенные, что мне не выжить внизу. И это всё, чего удостоили меня работники лифта. Даже удивления не было. Видать, я не первый такой экзотичный самоубийца. Не запоминают. Кому нужны лишние эмоции? Лишняя информация?

Посмотрев на облака под ногами, сел на дно люльки, равномерно скрипящей роликами. Спускаться – долго. А зачем стоять, если можно сидеть? А сидеть – зачем? Верно, лёг на спину. Размеры люльки позволяли. И смежил веки. Слишком мало прошло времени. Моё разбитое тело всё ещё было набором осколков, удерживаемых вместе только силой воли. Медитирую.

Возможно, я уснул, но удар люльки о землю последовал много раньше, чем я ожидал. Выкатываюсь из люльки. Вокруг туман. И тумане этом тонет всё вокруг. Сзади люлька, подпрыгнувшая, когда я освободил её, с ещё более противным скрипом поползла вверх, подгоняемая восходящим течением воздуха. Я оказался один на небольшом, метра три на восемь, каменном козырьке. В сплошной мутной взвеси.

Но это было больше, чем паровая взвесь тумана, как

я ожидал. И не облака. Вернее, да – воздушно-капельная взвесь, присущая как облаку, так и туману, но густо сдобренная такой нематериальной субстанцией, как Скверна. Так что дымка, принятая мною за облака – Скверна, а не облака. И глубина Чаши может быть значительно меньше, чем мне казалось.

Подхожу к срезу скалы. Крутая лестница из каменных ступеней без ограждения. Льнёт к стене, теряется в мути Скверны. Спускаюсь.

И опять же – спускаться пришлось много меньше, чем я опасался. Не люблю я лестниц, да и вообще ступеней. С того самого дня, когда пришлось целую бесконечность карабкаться по той бесконечной лестнице. Когда это было? Да, пару дней назад. И целую вечность позади. В прошлой жизни. Когда моё существование было хотя бы похоже на жизнь. Когда мне было для кого выживать.

Серая муть резко расступилась, будто откатившись в стороны, открывая взору уже окружность до полусотни метров. И заросли диких тропических растений из бредового и кошмарного сна психически больного человека. Звери и птицы, что набросились на меня, были под стать этим кошмарным растениям. Они падали на меня сверху, прыгали из высоких трав, прыгали из зарослей, справа, слева, спереди.

Их было так много, и набросились они так резко, что я даже не успел достать Штык. Потому отбивался тем же способом, каким контролировал расплавленные клинки. Каким?

Сам не знаю. Может быть – силовыми щитами, или полями, силовыми, может и ещё как. Я не теоретик этих неведомых мне сил. Я – боец. Практик. Потому молча бьюсь. Чувствуя, как азарт боя поглощает меня. И это радует. И даже слегка пьянит.

Жаль, но мало, вся эта страшно-мерзопакостная мелочовка, с криками, разбегается. Вокруг меня целая площадка для подвижных игр вычищена от растительности, но завалена частями тел этих монстров. В некоторых из них ещё угадывались привычные животные и насекомые. Некоторые были просто порождениями большой фантазии безумца. А некоторые просто мокрые куски раздавленной плоти. Ну, не стальные они, давятся, как перезрелые помидоры.

Иду вперёд. Натыкаясь на людские черепа и кости. Усмехаюсь. Прикормили зверушек! Кормушка у них тут. А сигналом к обеду у них скрип люльки. Но на то, что я не единственный, кто может отбиться от натиска этой мерзости, как бы намекает полное отсутствие вокруг людских костей каких-либо металлических изделий. Даже ржавого обломка, ржавого гвоздика нет. Хотя обломки щитов имеются в наличии. А вот гвозди из них извлечены. Извлекли, собрали и вынесли.

Металлы ценны в этом мире, зависшем в странной временной петле, где фантастические псевдоразумные сущности, обитающие в коробах без капли органики, в пирамидах, оплавленных буйством ядерных энергий соседствуют с ры-

царями с мечами и даже с дикарями в тряпье с дубинами и каменными наконечниками. И сверху, для полного отрыва головы от реальности – маги, силой мысли ломающие каменные колонны и бьющие молниями, лазерами, плазмой, читающие мысли и дозванивающиеся прямо в голову без каких-либо устройств связи. Блин! Да я и сам такой же!

Бред! О, боги! Дайте же мне выйти из этого дурдома!

Естественно, никто не отозвался. Боги же тут погибли? Это же Чаша Погибших Богов?

Потому иду дальше. Тропа заметна в этом буйстве странной растительности. А раз есть путь, то его надо пройти. За моей спиной начинается шум, рёв и писк. Осквернённая мелочь вернулась пожрать полуфабрикаты, которые я им нашинковал и надавил у подножия лестницы. Ко мне мелкое не лезет. Хотя пищат и шуршат вокруг. За стволами, в ветках, за кочками.

Почва под ногами стала более рыхлой, более влажной. Будто вхожу в болото. Да, так оно и есть! «Выйдя из себя», с удивлением понимаю, что всё, что вокруг вижу, как плот, свитый из песен и слов, тьфу! Свитый из толщи корней и стволов палых деревьев. А там, в десятке метров внизу – болото. И всё это тут плавает. Образовав плавучий остров из отходов жизнедеятельности самих себя.

Круто! И поразительно!

А откуда миряне берут артефакты минувшей эпохи? Точно! Возможно, там, дальше – есть земля. И обломки допо-

топной цивилизации.

Но мне стало не до отвлечённых тем, когда почувствовал, что стал объектом охоты.

Двое. Неразумные звери. Идут параллельно мне. Выжидают удобного момента. Бросятся разом. С двух сторон. И бросаются. Я отпрыгиваю. Один зверь визжит от боли, это я ему вскрыл бок от передних лап до задних. Второй осыпается кучей серой пыли, ведь Штык по-прежнему работает исправно. Зверь, размером с лошадь, но повадками больше похожий на что-то собачье-волчье, скуля, щёлкая пастью, пытается уползти. Иду к нему, разглядывая его. Понятно, когти, клыки большие. Но он и сам не пудель. Большая собачка! А вот уши у него странные. И вообще он странный. Шерсть сохранилась только на брюхе. Цвета выгоревшей травы. А вот голова, спина тёмно-коричневые. С зеленцой. Камуфляж. Бок – посветлее. Но не шерсть это. А что-то навроде рыбьей чешуи. Это у него ворс так сросся, роговыми пластинами, внахлёт? На голове рожки, как у ягнёнка. Вдоль позвоночника – тоже роговые шипы, как бывает у слипшейся, мокрой шерсти. Только это – не высохнет, не станет мягким ворсом.

Волк бросается. И осыпается серым прахом. И становится тихо. После гибели первого волка заросли вокруг взвыли. После гибели второго только треск ломающихся зарослей. И тихо стало.

Разбежались? Так сразу? Как же так? И это всё? А как же бой насмерть?! А как же покуражиться? Ей! Куда вы все?!

Вернитесь! Я всё прощу!

Иду. Звериными тропами. Проваливаясь в подтопленную почву. Мои новые, трижды клятые сапоги набрали воды, хлюпают. Болтаться на ноге стали, ненавистные. Вокруг даже змей нет. Только мелкие насекомые суетятся по своим неотложным делам, не замечая меня. Как, впрочем, и я их. Никто из насекомых меня даже укусить не пытается. Они совсем бестолковые. Как беспилотные дроны на управлении центрального процессора их коллективного разума муравейника. Там он где-то. Но мне он не интересен.

Заросли, стеной вставшие передо мной, расчищаю Штыком. Хорошо получается, только пыль летит. И опять заросли взвыли, как от боли. Хм-м! Бью в зелёно-коричневую стену Тараном, как меня научила та девочка с интересной стрижкой на животе. Тишина. Только грохот ломающихся гигантских папоротников и бульканье воды. Таран никакой реакции не вызвал. В отличие от... Так их пугает Штык! Ладно! Давайте уравнием шансы, и я и вы без артефактов. Ваши когти и клыки против моих рук и зубов! И разума. Умеющего ломать деревья пачками. Силы почти равны.

Нет. Сделку не приняли. Я уже устал идти по этой зыбкой почве плавучего острова, а всё никак не удаётся встретить достойного соперника! Невольно ухмыляюсь, придётся пробить себе яму в этом наслоении всего на свете и утопиться. Улыбаюсь уже во все оставшиеся зубы, я же – Нежить. А вдруг мне и отсутствие воздуха не фатально? А вдруг буду

вечность бродить там, на дне? Пинать сомов. Или кто там, на дне, живёт? Потому как не помню, умею ли я плавать? Хотя! Вечность, это долго. Будет шанс научиться не только плавать.

Грохот и чавканье ломаемых стволов. Наконец-то! Кто-то решился!

Ахудеть! Вылетает на меня такой бронетранспортёр клыкастый и с танковой грацией несётся прямо на меня! Круто! То, чего я ждал! Потанцуем?

Ну, так совсем не интересно! Такой большой, а так быстро умер! Так я совсем обижусь на местных! Пойду на болотце и наемся жабонят.

Ух, ты! Какая красота! А размеры! Вот кто действительно гигант! Ломится через заросли так, что повозки разъедутся в этом тоннеле, что образуется после его прохода. Жаль ломится прочь от меня, а не в атаку. Но хорош! Огромное тело, пышущее силой и грацией, в отличие от того вонючего кабана-переростка с метровыми клыками. И не воняет. Но бежит. Что не есть хорошо. А мне очень интересно рассмотреть это чудо поближе. Вижу только бурую чешуйчатую броню крупя и короткий хвостик с роговой шишкой, как у булав. Как и у волков – ворс верхней части шкуры сросся чешуйками. Вот и всё, что я успел увидеть. Остались только следы чудовищных когтей задних лап, что продавили глубокие борозды в дёрне плавучего острова. Ну, зверина, я принимаю твою игру! Не хочешь танцев, давай в салочки играть!

А сам виноват. Опять же! Обещал же Штык не применять! Но клыки кабана меня так впечатлили, что Штык почти сам прыгнул мне в руку и впился в шкуру зверя. Не знаю, что именно испугало того гиганта, но он взревел и дал дёру. Умный! Как я и люблю. С тупым кабаном было скучно.

Когда гигант взревел и вывалил прямо на дорогу содержимое своего кишечника, я вдруг с изумлением и весельем понял, что это медведь. Такой вот медведь. С его типичной медвежьей болезнью облегчился перед бегом. Пришлось обегать эти залежи удобрений.

И тут я натываюсь на нечто, что сбило меня с ритма прыжков и частоты дыхания. Огромный кусок кристалла. Чудовищно огромный! От изумления меня выкинуло «из себя». Камень, как айсберг, лишь кончик показал наружу. Покрытый разными, многолетними отложениями грязи, треснувший, неумело и коряво починенный. Именно от этого чудовищно огромного накопителя и тянулись следы Скверны. Когда-то. Видимо, пусть и корявый, но ремонт виброструктуры этого кристалла и положил конец истеканию Скверны. Хотя её тут! Скверны этой! Облака целые!

Но всё это, конечно, интересно, но зверь от меня чуть не сбежал! Скачу ему наперехват. Спешу. Не обращая внимания на ревуших в ужасе прочих обитателей этой чащи. Мне уже ясно, что этот медведь самое большое и самое сильное существо, что тут есть. Если и этот гигант мне не поможет, то можно просто и без затей выжечь всю эту Скверную Ча-

цу, к хренам! Всех этих уродов!

Догнал. Запыхался даже, но догнал. Всё же относительно малые размеры и вес имеют преимущества перед белазовскими габаритами и силой. Какой самосвал?! Эта животина встала на задние лапы! Да это же годзилла! Тиранозавровая, рексовая! Мне аж сыкотно стало от медвежьего рёва и его когтей с клыками! Чуть не заразился его медвежьей болезнью!

Бью, с испугу. И не спрашиваю себя даже, чем бью? Я, когда сильно волнуюсь, делаю чёрт-те что! Медведя сносит с лап. Прыгаю ему на грудь, утопая в густой и мягкой шерсти. Не буду Штыком бить! Шкурку портить! Отступлю от собственного правила не обрастать вещами, а шубу пошью! Зима близко! Сдавливаю горло зверя так же, как давил раскалённый клинок той волчьей девочки.

И вдруг слышу писк боли. Смотрю. Такие милые пушистые комочки маскирующей расцветки! Медвежата! Мими-мишки! Блин! Это же не медведь! Это же медведица!

Меня опять вышибает «из себя». Смотрю на себя со стороны. И мне мерзко. От самого себя мерзко.

Тут Жизнь. Такая вот странная, непривычная, крайне жестокая, но Жизнь. А я? Что я делаю? Я вломился в хрупкое равновесие этого маленького, но живого мирка, сею тут ужас, смерть и опустошение. И хотел всё это сжечь, к хренам! Весь этот живой мирок! Живой!

Это не они уроды! Они такими родились. Они не знают

другой жизни, кроме этой. Но они живут. Как могут, так и живут. Выживают. В этих запредельных условиях. Но выживают. Живут. В неустойчивом балансе жизни.

Это я урод! Вломился в их дом, крушу, ломаю, убиваю. Не из потребности, не для пропитания. А из развлечения! Просто никто из них не мог защититься от меня! Никто! Это не бой. Убийство. Ради забавы получается убийство!

Так мне стало мерзко от самого себя, что я прозевал рыбок туши подо мной. Лечу. С грохотом и чавканьем ломаю деревья. От боли ударов о стволы, удара о почву, пусть и мягкую, но динамического удара никто не отменил, спазмом схватило грудь и горло. Отрешённо смотрю на разевающуюся чудовищную пасть с огромными клыками.

Ну, вот и всё! Наконец-то! Отмучился!

Ну вот, наконец и Смерть моя пришла.

Но, как всегда, всё оказалось не тем, чем ожидалось.

Пасть не захлопнулась на мне. А чуть надо мной, прямо перед моим лицом. И глыба мяса и шерсти, жалобно заскулив, затряслась всем многотонным весом, отпрыгнула от меня, огромными прыжками помчалась к жалобно пищавшему комку шерсти, который ещё не обзавёлся чешуйчатым панцирем.

Я в недоумении и в шоке сел. Почему медведица не перекусила меня?

А это что? Приглядываюсь – исчезает. Смотрю куда-то

в сторону мерещится мне в углу зрения женский силуэт в длинном свободно ниспадающем плаще с длинными рукавами, полностью скрывающими руки и очень глубоким капюшоном, полностью закрывающем лицо. Приглядываясь снова, ничего не вижу.

И будто шёпот. Женский голос. Прислушиваюсь, не слышу ничего. Не слушаю, шепчет что-то, неразборчивое.

Медведица очень боится этого призрака. Гигантский зверь просто в отчаянии – медвежонок, милый пушистый комок бурой шерсти застрял. Как в капкан попал. Иду к ним. Ну, что я железный, что ли? И что, что убивали друг друга анадьсь? А теперь дитя попало в беду! А мать с ума сходит. Я же не зверь! Солдат ребёнка не обидит! Штык, ожидаемо, испаряет кусок камня, неведомо как оказавшийся в переплетении корней. Наверняка маг земли тут ворожил, скалой такой кабана какого-нибудь раздавив. Медведица подхватывает пушистый комок размером с годовалого телёночка и огромными скачками уносится прочь, прыжками своими вызывая колебания всего плавучего острова.

Нет, это не прыжки чудища вызывали колебания. Целый пласт чащи вокруг меня, вместе с почвой, с половиной того расщеплённого камня, всем гербарием сломанных медвежьими играми растений, вместе со мной и миражом женщины в плаще – взлетает вверх. Потом появляется частокол каких-то призрачных зубов, что схлопывается над головой полупрозрачной пеленой чего-то мутного, как бутылочное

стекло. Меня обжимает мешанина всего, что было чашей вокруг меня. Рот и носоглотка сразу же оказывается полна болотной жижей и грязи. Последнее, что я увидел – это женский силуэт в углу зрения, как и положено видению, никак не среагировал, никак не изменил своего положения, несмотря на то, что несколько сотен кубометров чащи были проглочены призрачной личинкой опарыша-переростка. Призрак просто стоял в ожидании, вложив рукава плаща друг в друга.

Глава 2

Естественно, что меня вышибло из меня же. Смотрю как бы со стороны, как мутно-бело-зелёная туша опарыша, как атомный подводный ракетоносец, погружается во тьму болотную.

– Тут был город, – слышу я тихий женский шёпот. Она! Стоит на округлом корпусе призрачного опарыша, размером с дизель-электрический ударный крейсер на подводных крыльях. Да-да! Меня опять, несёт. А кто не свихнётся, оказавшись в чреве опарыша такого размера под толщей болотных вод в мешанине компостной?

И я, к сожалению, опять не умер. Хотя опарыш, хоть и полупрозрачный и пышущий волшебными силами Скверны и Смерти, но выделяет вполне материальные реактивы, растворяя проглоченное. В том числе и моё тело. Даже тысячекратно клятый сапог растворяется. Всё же один, второй я таки потерял.

Блин! О чём я думаю! Дались мне эти сапоги! Тут мою плоть растворило до костей. А вот и кости тают, как кубик сахара в мутном кипящем кислотном бульоне!

Хорошо хоть никакой боли. Что-то устал я от боли.

– Самый большой и самый красивый город из всех, что я видела, – продолжает шептать женский голос.

А вот сам силуэт пропал. Зато я появился. Тот самый,

призрачный, каким я себя видел в том странном месте, когда допрашивал дух сожжённого колдуна.

И как в подтверждение слов этого призрачного женского голоса вода будто исчезла. Я увидел дно этого болота. И грандиозные руины мегаполиса. Будто опять с ребятами Пальмиру освободили и бродим среди развалин былой цивилизации. Но я-то помню, что это дно Чаши Погибели Богов. Только с водой будто исчезли и многолетние иловые отложения. Это руины города богов?

– Да, нас так называли, – далёкий женский голос полон печали.

Надо же! Даже поговорить можно! К сожалению, по обломкам невозможно представить себе величие архитектуры этого города.

– Я не могу восстановить видимость города. Это слишком больно для меня. Я и так слишком хорошо помню, чем это было. Видеть это будет нестерпимо!

М-да! Понимаю. Я тут уже тоже стал экспертом в душевных терзаниях.

А что, собственно, случилось? Если не секрет.

Ответ пришёл не сразу. Очень не сразу. Я призраком бродил среди развалин, своей дымчатой, нематериальной рукой прикасаясь к камням. Которые всё же отзывались. Материал, как в той пирамиде, у НЗ.

– Я тогда только прошла обряд посвящения, – тихо-тихо, печально говорил голос, – Мне пророчили удел Вместилища

Жизни, Воплощения Матери. Я была совсем маленькой девочкой. Сейчас уже не помню, сколько именно лет я встретила на тот момент. Я так старалась забыть всё это!

Я не знаю, зачем я здесь? Я не знаю, зачем мне всё это? Но я не испытываю никаких эмоций, ведь – наконец-то! Нет боли! И это хорошо. Зер гуд! Дастиш-фантастиш. Просто брожу в развалинах. Будто в сумеречном городе, освещённом рассеянным отражённым светом. Мне хорошо, спокойно. И это хорошо. Если мне предстоит вечность бродить в этих камнях, выслушивая эти сказки о делах давно минувших дел, я согласен.

– ...Когда пришли недобрые вести. И мы оказались в крайнем смятении. Сотни веков жизни в гармонии, тысячи лет жизни без каких-либо опасностей не могут не отразиться на мыслях живущих. Вторжение чужаков. Совсем чужих, злых, жестоких, непонятных. И гибли живущие. И никто не знал, как это исправить.

...И сначала все обнадёжились, когда враги прислушались к словам. Казалось, гибель Живущих удалось остановить. Но вторгшиеся существа оказались весьма коварны. От лжи Живущие в Мире тоже отвыкли. Никто не мог даже подумать, что слова и дела могут разойтись. И начавшееся жестокое истребление живущих всех повергло в отчаяние. Живущие бежали со своих жилищ, покидали родовые леса. Бежали к Высшим. За помощью. Но Высшие и сами не знали, что делать. Не могли помочь ни Жизнь Рекущие, ни Хранители

Истины, ни Мыслители, ни Праведники, ни Провидцы. Даже Воплощения не смогли ничем помочь. На беду, Воплощения Сына не было в мире, лишь его будущее Вместилище, но и оно, как и я, тоже было ещё чадом малым. А Воплощение Старца стало слишком древним. Но даже он не мог вспомнить ни одного Пути Войны.

Охотно соглашаюсь. Бывает. Так всегда и бывает. Всегда найдутся «дикари». Злые и жестокие. И война всегда приходит именно тогда, когда все точно уверены, что она, война, просто невозможна. Теперь-то точно войн не будет! И – бах! Полились реки крови. Горят города, плодородные сады и поля превращаются в лунный пейзаж. Ие-е-ех! И тут то же самое.

Хотя... Что-то в перечислении ответственных лиц я не услышал ни одного наименования, хотя бы отдалённо намекающего на представителя силовых структур.

– ...И Единое Поле Смыслов было переполнено болью и страданиями погибающих живущих, болью гибнущих Древ Жизни. Ничем не мог помочь им объединённый разум живущих. Он содрогался от боли, сводя с ума тех, кто жил в нём постоянно, заставляя остальных разорвать связующие узы, чтобы не сойти с ума от боли и ужаса. Что само по себе было парализующим шоком для живущих.

А вот и артефакты минувшей эпохи! Прямо под ногами валяются! Хм-м! Вот это – явно головной убор. Причём, судя по тянущимся проводкам штырей – это было вживлено

прямо в череп, прямо в мозг! А где – остальное? Или останки «убраны» с глаз долой вместе с илом и грязью?

Да-да, сей грустный рассказ я слушал вполуха. Отстранённо.

– Воплощение Сына прошёл пробуждение раньше срока, вне обряда, когда чадо ещё не было готово принять в себя Высшую Сущность. Воплощение погиб. Но успел подсказать, что искать надо в Хранилищах Былого. Самое крупное Хранилище Истины было как раз тут. В этом Сияющем поселении. Несчётное число живущих услышали слова Воплощения вместе с Хранителями. И все устремились сюда. С надеждой на спасение. Но ответ Хранителей Истины был не менее жесток, чем не знающие жалости Орды Вторжения. Хранители нашли, что когда-то имелась каста воителей. Каста защитников. Своим существованием обязанная жестокости и злобе. Всю свою жизнь готовящаяся к одному – к смерти в бою, сея боль и разрушение. Защищая от тёмной злобы тех, кто не способен причинять боль другому существу. Но за бесчисленные века гармонии стёрлась даже память о подобной касте.

А я о чём? На стадо рунных овец напали волки. А даже бараны рога спилили, за ненадобностью.

– Великая печаль охватила живущих. Сама мысль о причинении осмысленного вреда кому-либо была неприемлема. А мысль, что придётся лишать жизни кого-то, приводила к параличу мышления, как логический тупик.

Бывает! Безусловно, жить – хорошо. Хорошо жить ещё лучше. Жить в Раю среди добрых и пушистых заек вообще мечта! Только вот, чтобы кто-то жил, так вот розово и пукая радугой, кто-то должен всю жизнь провести по ноздри в навозе, грязи и крови. Если повезёт, то в чужой крови и чужом навозе, а не из своих вскрытых кишок. Но чаще бывает, что в своей грязи, в собственном дерьме, в собственной крови, да по уши! Зубами загрызая очередного бессердечного и злобного отморозка, скотину двуногую.

– Да. Так! – ответил мне далёкий и печальный голос. – Но понимание этого пришло к живущим слишком поздно. И то лишь к некоторым. К самым молодым, живущим свой первый век. Чаще вообще первые свои десятилетия. И они ушли. Учиться убивать. Учиться умирать в бою. Как мало их было! И живущие ничем им не могли помочь. Ничем! Сама мысль, что осмысленные усилия живущего могут принести вред живому существу, могла привести живущего к развоплощению. И бессчетные реки живущих стекались в Храмы Истины, как вода стекается в моря и океаны. Надеюсь, что Священные Камни Хранилищ Истины защитят их от злобы низких и злобных существ. И поначалу так и было.

А потом они нашли отмычку? К задней калитке? На каждую хитрую дыру всегда найдётся свой болт витой!

– Хранилища Истины стали похожи на светлые пузыри воздуха в мутной воде волн злобных зверей, захлестнувших мир. И когда уже стало казаться, что Щиты Истины выдер-

жат любой наплыв жестокости, любую чёрную злобу, поселения начали гибнуть одно за другим.

Пожимаю плечами. Не бывает неприступной обороны. То, что придумают тысяча мудрецов и построят сотня тысяч умельцев, сломать может один полудурок. Просто методом тыка найдя слабость. Или проломив грубой силой. Как известно, чем меньше мозгов, тем больше силы, решительности и злобы. И единственный способ защиты от этого – держать зверька в рамках. В загоне. Стены которого будут под током.

Стены могут быть и невидимыми. Например, стены Закона. Но в случае невидимых стен прописанных букв должны быть такие ребята, которые с этими зверьками будут жить, ничем от них внешне не отличаясь, в их дерьме тонуть. И иметь решимость остановить зверька методом пробития его бестолковки. То есть работать с ними, присматривать за ними. Если надо, выпороть. Если не помогает, то и привести приговор в исполнение. А если случай будет совсем запущенным, то встать на пути орды озверевших безумцев и погибнуть. Нанеся им неприемлемый урон. Если не остановить, то испугать, вызвать смятение, задержать. Пока за место павшего не встанет следующий. И не отомстит.

– Да. Ты прав. Но живущие забыли об этом. Им была неведома даже мысль, что кто-то может не разделять нашего образа жизни. Что кто-то может жить в злобе, наслаждаться жестокостью и страданиями других. Что кто-то может поль-

зоваться результатами чужого труда. Более того, считать, что именно кто-то другой и должен обеспечивать существование злобного паразита. Живущие не могли даже съесть пищу, выращенную чужими руками! Для живущих было непонятно, как можно что-то присвоить? Высшим благом у живущих было – дать! Посвятить своё существование – Жизни.

Всё это, конечно, хорошо. Но я вот не верю, что так бывает. Всегда найдётся кто-то, кто взять-то возьмёт, а вот на отдачу окажется тугой, как гранит этих вот развалин. В любом обществе, в любом народе найдутся такие хитролицы представители. Да что там, есть целые хитролицы народы, что даже на уровне вероисповеданий проповедают паразитирование! Да и болт на них!

Так как же эти развалины стали, собственно – развалинами?

– На тот момент Нашествие Злобных шло уже третье лето. Дела шли по-прежнему плачевно. Орды Вторжения сдерживала только их собственная скорость передвижения и способность переработать уже поглощённое. Но каста воинов продолжала расти, несмотря на невыносимые потери и повсеместные сражения. Каста творящих уже начала поставлять воинам средства защиты и оружие. Выращивание оружия у них получалось всё лучше и лучше. Молодые мыслители помогали воинам в продумывании, в осмыслении этого нового для живущих дела – боя. Провидцы помогали предвидеть действия врага. Даже Хранители и Жизнь Рекущие помога-

ли.

Долгая пауза, полная боли от взбудораженных воспоминаний.

– Но мир уже не принадлежал живущим. Лишь редкие островки ещё удерживались воинами и Щитами Хранилищ. Это поселение было крупнейшим. Сколько тут было живущих!

Голос пропал. Совсем. Как болванчик киваю головой, невесомым призраком бродя в развалинах. Дошла и до вас очередь?

– Вся злоба орд вторжения обрушилась на купол Храма. За несколько дней непрерывных ударов Храм был забит под землю. Хотя купол и выдержал. Но сотрясения от ударов непостижимой силы не выдерживали даже прочные строения касты творящих. Всё рушилось. Множество погибших, раненых. Непрекращающийся стон стоял над поселением всё это время.

Я невольно представил себе, чем надо молотить в купол, способный накрыть всё это? Так молотить, чтобы настолько заколотить его в землю, что образовалась Чаша? И мне стало жутко. А каково было этим блаженным обитателям райских садов? Мне, тёртому армейскому сапогу – жутко? А им, блаженным ангелочкам с нежной, детской психикой?

– И когда удары по куполу прекратились, в сердцах живущих появилась надежда, что удалось выжить. Но оказалось, что началось самое худшее! Среди злобных оказалась

одна раса, очень близкая, кровью к живущим. Это были люди. Щит не воспринимал их угрозой. И пропускал их. Люди выглядели очень похожими на живущих. Обнадёженные живущие сначала приняли их за новую волну спасающихся от уничтожения. Тогда и началась резня. В Храме почти не было воинов. Лишь находящиеся на излечении защитники. И их смели сразу. Остальные живущие просто не могли нанести вред своим убийцам, даже защищая свои жизни.

Мне показалось, что развалины поднялись, расступились, что всё вокруг заполнили лица. Обезумевшие лица. От боли, от ужаса, от злобы, от крови, от ярости. И вновь всё пропало. Я невольно осмотрелся. Тут должно быть до третьего этажа навалено тел! А там, где до самого плавучего острова возвышается Хранитель Истины – и того больше! Сколько же тут этих блаженных положили?

– Это не они, – замогильным голосом отвечает мне пространство вокруг, – это сделала я. Всех их убила – я! Всех!

Хоть я и призрак, а макушку попытался почесать. Эка! Я знал, что женщина по разрушительному действию страшнее полного залпа осколочно-фугасных снарядов армейского дивизиона артподдержки, но, чтобы – так! Тут же было...!

– Да! Всех! Всех, кто был в Храме! И даже всех, кто был в пределах дня пути, в принятых сейчас мерах счисления пространства.

Развёл руками – бывает! Я вот анадысь тоже – психанул...

– Высшие возлагали на меня большие надежды. Я была

самой сильной, самым подходящим Сосудом Воплощения на памяти живущих. И Воплощение случилось именно в момент падения Храма Истины.

Опять мхатовская пауза. Я просто иду по угадывающим-ся улицам бывшего Храма Истины. Моей собеседнице явно нелегко вспоминать всё это. И я, хоть и старый солдат и не умею говорить слов... хм-м! М-да! Но понятие о такте имею. И даже немного о стратегии. Имею. Понятие. Тем более умею ждать. А став призраком вообще стал жутко терпеливым и тактичным. И стратегичным. Даже стратегическим.

– Я должна была стать самым полным, самым мощным Воплощением Матери. Матери Жизни. Но я стала Воплощением Смерти. В тот момент, когда для меня всё изменилось, я захотела, чтобы все они умерли. И они умерли. Все. Даже Высшие. Даже Хранитель Истины лопнул.

Вижу. Но кто-то его чинил.

– Тогда впервые и появилась Скверна. Не сразу. Не сразу, но она появилась. И заметили Скверну не сразу.

Голос загрохотал. Всё вокруг завибрировало.

– Да причём тут Скверна! Я тогда стала Воплощением Смерти! Я даже не оглянулась на Храм Истины. Меня не задела все эти тела, все эти смерти! Я желала лишь одного – мести! Отмщения! Я стала Воплощением Отмщения!

Хожу по руинам, пинаю валяющиеся гаджеты неведомой высокоразвитой цивилизации, развитой по особому, альтернативному, сценарию развития. Совершенно иная цивили-

зация. Принципиально иная. Долго хожу, много артефактов пинаю.

– Очень не сразу я начала различать своих – от чужих. Очень не сразу. И слишком поздно. И очень долго не могла разобраться в ордах злобных пришельцев. И это стоило всей моей расе – Жизни. Я оставляла за своими крыльями мёртвую пустыню. Я не увидела, что Мыслители и Жизнь Рекущие уже приняли людей под защиту. Этим расколов Вторжение. И дальше Война Вторжения шла уже между людьми и демонами. К тому моменту не осталось ни Высших Живущих, ни Высших Демонов. Их я забрала первыми. Их сила была заметна на весь мир, их первыми я и увидела.

Опять брожу среди камней и артефактов. Почему оружия нет? Ни мечей, ни другого холодного оружия.

– Так погибла цивилизация живущих. Основания Истины были разрушены, Хранители, Рекущие, Провидцы, Мыслители, Творящие... Все Высшие... Никто из Высших не выжил после Вторжения. Да, демоны были уничтожены. Или загнаны в труднодоступные места. Но мир больше не был миром живущих. Он стал миром людей.

Все артефакты эти – игрушки, по большому счёту. Ни к чему не годные побрякушки. Всё же я – из людей. Самая лучшая, самая красивая игрушка – наиболее смертоносное оружие. Как это по-людски! Любить поколениями – меч, саблю, шашку, стремительные обводы истребителя, мощный и хищный силуэт танка. Это – по-нашему!

– Да, живущие и люди стали жить вместе. Всё больше и больше взаимопроникая в жизни друг друга. И даже остатки низших демонических рас сумели приспособиться, как-то наладить мирное сосуществование. Но былого расцвета и даже видимости былой Жизни было не достичь. И дело не в утере знаний. Слишком мало выжило живущих. Без Высших, без Святых для живущих мест не складывалось даже Единое Поле Смыслов. Это тогда мы так думали. Позже стали винить Скверну, природную противоположность силе живущих.

Пнул очередной каменный обломок. Призрачная нога ожидаемо прошла насквозь, почувствовал лишь лёгкое сопротивление, будто нога прошла не через гранитную шайбу, а через воду. Кстати, не вижу ожидаемых мною перекрученных стальных балок, швеллеров, паутины арматурных рёбер. Вся сталь истлела? Так в камнях должны остаться следы арматуры – этакие дыры, рвы и тоннели. А их – нет. Как не видно и других следов промышленной металлургии. Те гаджеты, что попадают, выглядят металлическими. Но не стальными.

– Но жизнь мира налаживалась. И я вновь стала Матерью Жизни. Очень, очень нескоро, но стала. И мы все были полны забот. Надо было исправить последствия моего безумия. Мир слишком пострадал от Вторжения, но больше пострадал от меня. Я старалась. Но меня боялись. Сторонились. И я сторонилась. Особенно людей.

Ещё бы!

– Новая Жизнь. Другая. Жизнь. Другой мир. Мир – людей. Незаметно и живущие стали жить жизнью людской. Многие постоянно жили в поселениях людей. Многие часть года проводили в лесах, часть года среди людей, стремящихся жить подобно муравьям – строя города, как муравьи строят муравейники. Неизбежные семейные союзы между живущими и людьми, в первые века особенно, были полны печали. Жизненный цикл живущих и людей просто не сопоставим. Но помески таких семей были уже больше люди, чем живущие. Да и сами живущие, живя жизнями людскими, тоже стали стареть и умирать. Чего раньше не бывало.

Оп-па! Всё же скрещивание было возможно! Ах, да, мои красноголовые друзья ведь помески людей и тех самых существ, которых пару минут назад назвали «остатками низших демонов». Это что же получается, что живущие, демоны и люди по сути один биологический вид? Дрожащая на руках собачка размером с морковку теоретически же тоже может скреститься с огромным волкодавом. И даже с волком. Один же вид! Биологический. Хотя выглядят разными. А вот кошка с собакой уже нет, не смогут. Так в чём отличие людей от живущих и от демонов? А я, собственно, призрак кого? Я человек? Или – право имею? Право налево?

– А потом стали стареть и умирать Древа Жизни, – продолжила рассказ Матьер Жизненной Смерти, Смертной Жизни. – Это было самой большой трагедией моего мира. После сотворения мира в Звёздном Храме живущие поки-

нули оставшиеся поселения. Руины храмов продолжали разрушаться без Жизненной Силы живущих. Мы же все жили в наших лесах. Люди нас называли Небожителями. Наши Древа Жизни, растущие многие века, вырастающие выше облачного покрова, стали стареть, умирать. Костенеть.

Ага! Так все их технологии биологические! Они и камни выращивали, как кораллы! И целые здания! Вот почему нет кирпичей и каменных блоков. Обломки показывают разломы по единой структуре! И тот треснутый, и спаянный супергигантский кристалл – не добыт и обработан, а выращен, как я в детстве выращивал кристалл соли в стакане рассола! Вот почему нет металлоконструкций! Ну, чё? Круто, ёпта!

– Видя закат расы, всё больше и больше живущих оставались в поселениях людей. Тем приближая собственную смерть и ускоряя гибель Древ Жизни. Мы ждали долгого и спокойного угасания нашего мира. Мы были полны торжественной печали. Потому и не заметили нового Вторжения. Ящеры оказались хитрее и людей, и демонов. Они пришли, как нуждающиеся, как спасающиеся от гибели. Их мир тоже погиб. Их трагедия нашла отклик в наших сердцах. И им позволили быть. Но их коварство было очень тонким и скрытным. И вся глубина их подлости выявилась только тогда, когда было уже поздно что-то исправить.

Да-да, бойся пресмыкающихся, дары приносящих! Не зря в школе всё ещё заставляют ознакомиться с историей того коня педального, которого сообразили на троих Гектор, Ге-

ракл и Ахиллес. А кобылицу звали Елена Прекрасная. Наверное. Была бы Премудрая эта Ленка, эти трое не построили бы город имени троих самих себя вокруг койки Елены и так бы и жили с ней поочереды, но по разным адресам прописки, не зная друг о друге и о своих ветвистых рогах. Но она была, наверное, блондинкой. Вот тебе и повод пободаться этими самыми рогами.

Жаль, что у меня нет рук. Не могу пощупать, из чего сделана эта красивая безделушка, а так хочется! Хотя в призрачном существовании есть свои плюсы. Например, меня совсем не парит, что я как бы умер. Сколько забот сразу забрал у меня тот опарыш! Ничего не жмёт, ничего не трёт, ничто не потеет, не мёрзнет, никуда не давит и никуда не тянет. Нет никаких нужд и потребностей, жажды и желаний не испытываю. Все тревоги, сожаления и переживания остались там, в переваренном опарышем бульоне. Думается легко. Свободно. Я – умер?

И – чё? Я же – вот он! И это... как его? А-а! Холодное сияние чистого разума! Во!

О, ама сори, мэм! Слушаю!

– Когда началось само Вторжение, то было, конечно, трудно. Но люди и демоны, не прекращающие войн и стычек меж собой все эти годы, дружно поднялись против новых захватчиков. Простой резни у новых чужаков не получилось. Новые народы мира сражались яростно. И даже слишком яростно. До безумия.

Ага! А вот это я уже слышал. Тоненькая, почти прозрачная девочка с красным даром часто рассказывала сказки про это. Это значит, что история этого мира близится к завершению. Ну, или хотя бы к настоящему моменту. Конец истории звучит слишком пафосно. До дрожи пафосно. Безнадёжно пафосно.

– С началом яростных битв я опять стала Воплощением Смерти. Жажда убийств настолько поглотила меня, что ничего разумного во мне не осталось. Возможно, что я опять стала убивать всех подряд, не разбирая. Потому я и не могу вспомнить, кто сбросил Рок на мир. Я оказалась прямо под ударом. И очутилась уже здесь. В таком же виде, как ты сейчас.

Останавливаюсь, кручусь в поисках силуэта в плаще, а не найдя, кланяюсь на все четыре стороны, приложив правую руку к тому месту, где раньше во мне билось моё сердце. Моё нынешнее состояние мне определённо нравится.

– И мне понравилось. Покой, которого мне не хватало многие, многие века. Только вот, весь Храм был завален телами. Они копошились, как куча червей. Я ужаснулась. Я вспомнила то, что так хотела забыть. И забыла, на века. Пришлось вспомнить. Что я их всех убила! Но они поднялись. Как молчаливый укор мне. Мрачная усмешка богов. Века не тронули никого из них тленом. И даже души всех этих людей и живущих оказались в тысячелетнем заточении этих тел. Они не помнили ничего, кроме бесконечного страдания. В

их глазах был только один день – день их гибели. По кругу, день за днём, лето за летом, века. Страдание их перерабатывалось осквернённым Камнем Истины, порождало Скверну. Это было ужасно. Я лишь прикоснулась к их боли. И от этого чуть ещё раз не развоплотилась. Уже навсегда.

Верю. Даже представить подобное страшно. Не то что прочувствовать! Тысячи и тысячи мгновений смерти. И ничего кроме смерти! Ох-хо-хо!

– Я создала Личинку. И она избавила их от их бранных оболочек. Но души их были всё ещё здесь. Купол Храма ещё стоял. И я – убрала его. Я не знала, что в мире – Потоп. Все Души ушли. И пришла Большая Вода.

Так вот почему Пустоши образуют круг стен Чаши! Купол сдержал селевые потоки. И они уже осели. Купол убрали, вода хлынула, но отложения уже легли там, где они сейчас и залегают. И люди теперь живут прямо на этих отложениях.

Ха-ха! Так это были не подземные тоннели в Столице! Это была сама Столица! Затопленная, скрытая многометровым слоем грязи! А поверх грязи – выстроили новый город! Сойти с ума, не вставая! Досталось миру! По самые гланды досталось! По ноздри!

– Может быть, что это всё моя вина. И именно из-за меня Рок пришёл в мир. Может, чтобы остановить Воплощение Смерти. Может, и нет. Но тогда я думала именно так. Потому я не стала себя Воплощать. Дала себе зарок, что в мире не будет Матери Смерти. Не будет и Матери Жизни, но и без

Матери Смерти!

Логично, ёпта! И самокритично. А эти, пресмыкающиеся?

– Да, чужие. Их коварство как раз и проявилось после обрушения Рока. Обездоленные изгнанники своего мира вдруг протянули руку помощи вождям выживших. Но с условиями. И мир перестал быть миром людей. А стал Миром Теней. Тебе надо объяснять, что это значит?

Нет, не надо. Технологии тайного манипулирования и невидимого управления мне знакомы. Знаю не столько, как их применять, сколько вникал в способы не попасть под их воздействие и методы по противодействию манипулированию. Особенно разрушительно теневое управление для тех, кто не догадывается о нём. Первое правило Клуба Теней – не упоминать Клуб Теней. Нигде. Никогда. Не упоминать Клуб Теней.

– Я и не догадывалась о нём. Была тут. Мне не хотелось даже смотреть на мир вне обводов Храма. Всё, что там было, погружало меня в тёмные пучины отчаяния. Любые мои попытки хоть что-то исправить приводили к обратным последствиям. И я совсем замкнулась в себе. Мне стало глубоко безразлично всё, что происходило. Всё это безумие!

Молчание Воплощения Смерти было долгим. Настолько долгим, что моя тактичность уступила место любопытству.

«Но что-то же положило конец самоизоляции. Или – кто-то?»

– Игривый. Люди и до него приходили в Храм. И вызывали лишь моё раздражение. Крысы! Приходили грабить!

Ну, да! Люди они такие. Сам такой. Всё, что плохо лежит – бесхозное. А вещь не должна быть бесхозной. Не зря говорится, нет хозяина – нет вещи. Да те же ваши леса взять. Твои сородичи покинули свои сады, решили дачную пастораль сменить на городские пейзажи, решили из хуторян превратиться в городских, надо ли удивляться, что не стало лесов. Так?

– Есть крупица истины в этой мысли. Жизненные токи людей малы. Но даже их хватает, чтобы с веками люди подметили, какое воздействие жизненная сила оказывает на окружающий мир.

Я тоже заметил. Стоит этакий чёрный бревенчатый шалаш, а не домик. Весь уже перекосялся. Крыша висит на одном честном слове. А в шалаше живёт бабушка, божий одуванчик. Уже и не ходит почти, разогнуться не может. Никак, ничем она не может поправить дом. Сил уже нет. Но как только божий одуванчик снесли на место вечной прописки, сложился и «шалаш», домик. Как только человеческий дух из него выветрится.

А этот Игривый, он какой-то особенный был? Не человек?

– Человек. Чужак. Пришедший из твоего мира.

Ох, ты! Вот где собака порылась, оказывается! Хотя сам знал. Чувствовал, что мир этот для меня чужой. Потому как

я сам – Чужой! Чувствовал себя иностранцем. Хотя и понимаю всех. Авось, язык тут общий для всех. В тех землях, какие удалось посетить. Так, небольшие отклонения в говоре. До наречий даже не дошли.

И – да! Мы, пришельцы – такие! Так в чём именно он был другой? Разрез глаз, цвет кожи?

– В делах его. Он пришёл не за вещами живущих, что выносит иногда наверх, не за жизнями зверушек. Он вообще не хотел никого убивать. Он не испытывал страха, не излучал злобу. На него и не бросался никто из неразумных. И он сажал семена эвкалипта и ольхи. Так эти деревья называются на вашем наречии.

Эвкалипт? Ольха? Он что, подумал, что тут простое болото? Да даже если и так, то ему-то что? Зачем ему осушать болото?

– Вот и мне стало любопытно. И об этом я его спросила. Но он не слышал меня. Засадив все семена, что у него были, он выглядел человеком, очень довольным собой и своей проделанной работой. Он сказал тогда сам себе, что этот мир слишком пуст. Пусть маленькая, но роща. И он ушёл. Просто ушёл. А я ждала его. Ведь должен же он вернуться за результатами своего труда? Он не возвращался. А я думала о нём.

Молодец, парень! Сумел расшевелить снежную королеву, пробить ледяной панцирь равнодушия, прервать её увлекательный процесс выкладки из ледяных обломков души слова «вечность». Ну-ну, а постельные подробности будут?

– Не будет. Но «ледяной панцирь равнодушия», верно, оказался разрушен. И спустя какое-то время я покинула Храм, впервые за многие и многие лета. Я нашла его. Я его опять спросила. И вновь он не услышал меня. Но сопровождать Игристого невидимым бестелесным Духом оказалось очень увлекательно. Его жизнь была насыщенной и очень отличной от жизни прочих людей.

Авантюрист? Так и знал!

– Нет. Он был человек-загадка. На первый взгляд он был прост, как и все прочие. Смены фазы Месяца не мог усидеть на месте. Как будто хотел обойти весь мир. Сунуть нос в каждую дыру, какая найдётся! Утащить всё, что, как ты сказал – плохо лежит. Но, в отличие от прочих крыс, он не присваивал себе почти ничего. Как и ты, он не обрастал вещами. Только знаниями. Я очень долго не могла разгадать его. И только много позже узнала, что всё это он делал ради одного – открыть переход в свой мир. Чтобы вернуться.

А парень-то – не промах! Погоди-погоди! Так можно вернуться?! Ха-ха!

А зачем? Собственно, зачем возвращаться из мира Скверны и Бродяг – в мир помойки и пид... и уродов?

– Из-за друга. Мамонта.

Хлопнул себя бестелесной ладонью по бестелесному лбу. Вот оно чё, Михалыч! Вот оно – чё! Старые Основатели! Ха! Мамонт, он же – Северная Башня, и его друг – Многоликий Пересмешник! Ха-ха! Из сказок пламеволосой девочки, что

называла Мамонта – Дедом. Какой он ей – дед? А вот Малышу – отец. И... Ей – муж. Как, гля, тесен этот мир! Как одна, пусть и большая, но – деревня! Куда ни пойдешь, всё одно встретишь знакомых, которые знают твоих знакомых. И все, всё и про всё, про всех – знают.

– Но я в тот момент – испугалась.

Он в тот момент явил свой истинный облик? Оказался обратным в погонах?

– Ты даже говоришь, как они! – голос, которым грохотал мир вокруг меня, выражал довольство и веселье. – Да, я увидела его истинный облик. Он был больше живущим, чем все люди. Он не думал о себе, не испытывал низменных страстей. Думал о других. О мире, о людях. Жизнь свою посвятил не себе, а миру. Даже об этих деревьях, которые сажал всюду, где они могли вырасти. Как живущий.

И чего тут страшного? Просто – нормальный мужик. Не эгоист. Немного альтруист. Такие, долбанутые создания, иногда встречаются. Бедолаги. Достаётся им всегда – по самое не балуйся! Гнобят их, режут, травят, а они, долбаные альтруисты, всё одно нарождаются, как грибы, от сырости и тепла, наверное.

– Испугалась я, что он уйдёт. В свой мир. А я полюбила его. Вот чего я испугалась.

Блин, смешно! Воплощение Смерти влюбилась в блаженного альтруиста, разыскивающего способ сквозануть из этого гостеприимного мира. Смешно. И грустно. Любовь бо-

гов ещё страшнее их нелюбви. И много-много страшнее ядрён-батона прямо в темечко.

– Что это ты наговариваешь на меня?! Хотя... Да, ты прав. Урок Рока я помню. Но в тот момент я, как девочка, потеряла от любви голову. Я вернулась сюда, обрела телесную оболочку и поспешила к любимому.

Были бы губы, улыбался бы. Вот мы и подошли к кульминации. Вся эта мировая история была лишь подводка. Мотивирующая подводка к выдаче невыполнимого задания. И выдаче рабочего инвентаря, спецодежды и инструктажа по технике безопасности при работах запредельной опасности.

– Опять наговариваешь на меня. Ты прекрасно справился с моим заданием. Даже лучше, чем можно было ожидать.

Ну, а я – о чём? Я – инструмент. Всего лишь – инструмент. Орудие Смерти.

– Орудие Жизни, – возразил мир вокруг. – Я бы объяснила тебе всё и в первый раз. Но ты бы меня не услышал. Я постоянно была рядом. Подсказывала, помогала. Разве ты видел, слышал?

Иногда. Слышал, чувствовал чью-то сверхъестественную помощь.

– Да? Об этом стоит поразмыслить. Но ты зря затаил обиду на меня.

Пустое. Не обижен я. На обиженных воду возят. Я лишь делаю то, что умею лучше всего – убиваю.

– Лучше всех убиваю я, – возразил мне голос, – убиваю

целые миры – разом. Целые цивилизации. А сейчас нужно сохранить Жизнь. Ну, может быть, немного совсем, свершить мечь. И в этом лучше тебя у меня нет. И так большая удача, что именно ты попался мне. Я же тогда действовала крайне опрометчиво. Пришлось спешить и использовать подвернувшееся под руку. Тело, какое было. Души, какие оказалась подле. Знания, какие задержались в Едином Поле. Большая удача, что именно твоя душа оказалась моей Рукой. Никак происки да насмешки моего избранника, Игрнстого Пересмешника! Удача – это его стихия.

А как мне-то повезло! Утопиться хотелось!

– Прошу простить меня, но покоя дать тебе я не могу, ты мне ещё нужен. Моё вмешательство может привести к очередной гибели Мира. Зло тоже учло уроки и теперь скрывается за народными толпами. А вот ты уже доказал, что умеешь действовать очень точно, на самой меньшей мере зла, из всех возможных. Возможно потому, что ты любишь жизнь, но должен убивать. Вот и делай, что должен!

Понял я уже! Надо заказать себе наколку на затылок. И деловой костюм. Ах, да! Голову же придётся брить. Иначе никакого смысла. Хитман же должен быть лысым! Или сразу заказать у нового тела отсутствие волосяного покрова? А что, нормально! Никогда не любил ежедневный ритуал с мылом и бритвой! А новое тело – будет. Я уже услышал, хотя и слушал вполуха, как слушают любой инструктаж, что она обрела телесную оболочку прямо тут. И я тут. Совпадение

или – не думаю? Вот я и пришёл, куда глаза глядят. Прямо в нужное место. Повезло? Или вновь Пересмешник забавляется?

– И кого я должен убить? – хотел спросить я, забыв, что у меня теперь нет речевого аппарата. И, как ни странно, мой голос эхом звучит вокруг.

– Не знаю, – эхом звучит в ответ, – это ты сам решишь.

– Хм-м! А куда хоть идти? – удивляюсь я, ожидая типичного сказочного задания – идти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что. И искать это, пока рак на горе не свистнет.

– Да-да! – был мне ответ. – Сам разберёшься. У тебя это получается лучше, чем у меня.

Ух, ты! Даже режим свободной охоты! Я так совсем от рук отобьюсь! Свалю куда-нибудь на вольные хлеба, и поминай, как звали.

– Ты – свободен. Волен сам решать! – удаляющимся эхом звучит голос.

А как же морковка?! У ослика под носом должна быть морковка! Так не честно! Мне нужен мотиватор! Ау-у-у! Какой приз будет за выполнение задания?

Тишина. Ну, какое задание, такой и приз! Задание – гуляй, мальчик, и приз такой же – отвали! Мне нравится. Впервые я в режиме «сопли в свободном падении». Свобода! Я теперь как вольный казак. Посланный по аморальному маршруту.

Мир вокруг тускнеет, грандиозные развалины тают, как

мираж в Пустошах. И я оказываюсь в чреве опарыша. Где и был всё это время. Матрица, она же – всюду. Не забывай об этом, Нео!

Почему я не истерил по поводу смерти – конца жизни? Да, как чувствовал, что ничего ещё не закончилось. Слишком всё было радужно и перламутрово. Никакой боли, экскурсия в женском обществе, лекция на отвлечённые темы смысла бытия. Ага, как же! Никаких рогатых трудолюбивых кочегаров-джамшудов, никаких вечных мучений, никаких котлов с кипящим маслом! Да если каждый из тех, кому я своими руками прервал линию жизни, даст мне по пенделю – века буду мучиться в аду! А тут никакого чистилища, никакого ада! Не верю! Мой путь от Столицы до Чаши больше похож на расплату за грехи, чем это послесмертие!

Вижу, как переваренная опарышем смесь меняется. Меня с непреодолимой силой затягивает внутрь. В самого себя, этакого прикольного, прозраченького, как медуза в Крыму. И невидимого, как мои вежливые и зелёные братья по оружию. Видение раздваивается. Вижу себя и как бы изнутри, и как бы извне. Вижу, как на призрачное невесомое тело наползают мутные струйки иного состава. Как ползут от чайного пакетика коричневые струйки в прозрачном кипятке, только наоборот. Как прокрученная запись заварки чая в обратной последовательности, будто заварка втягивается в пакетик. Так и эти мутные струйки втягиваются в мою голограмму, принимают какую-то форму, уплотняются, матери-

ализуются.

И спустя какое-то время, какое именно не могу знать, ощущение времени мне отказало, уже можно было угадать кости. Рыхлые, пористые, но кости скелета под призрачной голограммой моего призрачного тела, к которому я уже начал привыкать. А сквозь рытвины костей угадывается губка костного мозга.

Ха! Как это похоже на работу 3D-принтера! Похудеть! Меня печатают на принтере! Ну, как тут не вспомнить фундаментальное – «сначала было Слово». Сначала был Образ. Та самая биоэнергетическая матрица личности. Вот тут изъян. Личности. При отсутствии личности.

Хотя...! Суслик же, сцуко, личность? Да и не важно уже, кем именно я был когда-то. И сколько «нас» было, ОНА же сказала о «свободных душах под рукой». Жалею, что слушал вполуха.

Я теперь я! Можно считать новой личностью! Безликой, но личностью!

Так вот, на этот «образ», информационную матрицу моей личности и материализуют материю. Плоть. Удивлён? Есть немного. Даже немного – ох...удел.

Почему только немного? Тут проще. Потому что это логичнее, понятнее. Хороший хозяин заботиться о своих инструментах. Чистит их, затачивает, ремонтирует. Я, Орудие Смерти, лопнул, и не по шву. Прямо по структуре. На осколки.

А ведь анандысь мне прямо было сказано, что я оказался орудием даже более подходящим, чем ожидалось. Как будто хотели резать аппендицит и с удивлением нашли, что скальпель – много более подходящий для этого инструмент, чем молоток, зубило и двуручная пила. Не считая уже танков и самоходных гаубиц. Ведь можно проблему решить и этими инструментами. И даже очень эффективно. В случае гаубицы особенно кардинально. Но скальпель – лучше. А скальпель лопнул. Зачем искать другой, а тем более точить молоток, имеющий заведомо не тот химсостав и структуру материала, если можно переплавить осколки в новый скальпель? Точнее, материализовать его, используя точную пространственную модель старого инструмента.

Как-то так, я думаю.

Пока я развлекал себя мыслительными забавами, скелет был уплотнён, покрыт чем-то, возможно – эмалью. Или перламутром. Чем я не ракушка? Я в анатомии не настолько силён, чтобы знать, из чего именно состоит кость. Мне хватает знания способов нварушить целостность этих костей. И состав инструментов разрушения я знаю много лучше, чем биологию мишеней.

Да, смеюсь. А что мне ещё делать? Плакать? Жаловаться на судьбу-злодейку? Кому? Мадам Смерти? Так она мне сама такую байку эпичную в призрачные в мои уши залила, что на свою судьбу жаловаться просто стыдно.

Теперь вот, скучая, жалею, что не дослушал их лав-сто-

ри до конца. До хеппи-энда. А может и верно. Какой это хеппи-энд, если она грустной тенью бродит по болотам? Одна. И даже не знает, её ли избранник подбросил ей в час потребности мою душу, али нет? Или винегрет из «моих» душ. Хорошая шутка, как раз в стиле Пересмешника. То есть Смерть даже не догадывается, где её Игривый Избранник и чем промышляет? Разлука. Она тень самой себя, он неведомо где. Не звонит, не пишет. Вот тебе и лав-стори!

Потому не надо. И так грустно от умозрительного наблюдения за ними. А если всплывут подробности и обстоятельства того, как он оказался неведомо где, да насколько обстоятельно загнали его в такие е...я, что эсэмэску скинуть некогда! Зачем мне узнавать, чем её в этот раз так шандарахнуло, что она опять в нематериальном статусе?! Плакать же буду! А я не люблю плакать. И сколько народу сложилось, когда на неё сбросили очередной планетоид со знаковым наименованием сердобольные коллеги? Птичку жалко!

А если узнаю, кто виноват? И решу, что делать? Тогда кому-то на свете станет не так хорошо жить, как им хотелось. Я ведь парень упёртый. И за державу мне тоже обидно! А это противоречит моему статусу «сопли в свободном полёте». Какой свободный полёт, если есть цель? Тогда ты и не сопля, а калибр! Крылатый!

Говорят, что если кости есть, то и мясо нарастёт. Растёт. Крайне любопытно, хотя и немного жутко смотреть на собственную сборку. Всё же это ад! Просто для каждого он свой.

Кому-то же и кипящие котлы сауна? Морда лица, обтягивающаяся волокнами плоти, очень уж жутковато выглядит.

Ох, блин! Чё происходит?! Что меня так колбасит?!

Фу-ух! Всё планово. Просто отвык от биения собственного сердца! Только вот не пойму, почему лёгкие надуваются не двумя мешками, а четырьмя? Подношу к носу ладонь. Просто я подумал, что принтер засбоил. Пальцев по-прежнему пять, как и должно быть. Значит, принтер сбоит не тотально. Не всё подряд удваивает.

Ей! Чудо-юдо-рыба-кит опарышевый! Ты мне конец-то не удвой! Мне и одного много. Он мне и один без надобности! Сделай его рудиментальным отростком, как слепую кишку. Чтобы не беспокоил. Я же, в рот мне ноги, однолюб, чтоб меня менты по Тверской всю ночь демократизаторами латексными гоняли! А абонент нынче вне зоны доступа. Да и системы связи у нас несовместимые. Как у Эф-Эм и Вай-Фай приёмников. Она человек женского рода и весьма приятной наружности, а я Орудие Смерти, искусственно созданный организм, костяной терминатор, обтянутый мясом и кожзамом, лазутчик в Мир Живых из Мира Мёртвых. Самонаводящаяся пешая торпеда с весьма развитым артефактным искусственным интеллектом, полностью самодостаточным. Тогда зачем мне антенна? Верно, рудимент ненужный.

Блин! Наверное, мои просьбы не перебивают начертанное в чертеже. Оби-идна, понимаешь! Придётся вырубать топором.

Ей-ей-ей! Что происходит?!! Не успел я, как следует, рассмотреть собственную морду лица, успел лишь понять, что я этого чувака впервые вижу, как кожа этой морды продолжила утолщаться. И когда стала похожа на панцирь черепахи я заволновался. Как мне растворяться в толпе с такой рожей? Я же не подросток-черепаха-мутант-ниндзя!

Но принтер работает равнодушно, как и положено тупому механизму. Я же, блин, не черепаха! Я теперь жук-навозник! Весь снаружи покрылся панцирем, как кузнечик. В крайней степени смешанных чувств смотрел, как плотное переплетение очень твёрдых, но тончайших волокон спрессовывается и покрывается каким-то сверхплотным слоем чего-то, как эмаль зуба кальциевыми соединениями или раковина перламутром.

Хоть плачь от обиды! Костяной голем получился! Рыцарь, гля, речной жемчужницы! С костяным панцирем наружу!

– Опять ты на меня наговариваешь! – рокошет вокруг.

Я вновь в развалинах Храма Истины. Только теперь я не призрачный дух, а костяной рыцарь в полном доспехе, без разрывов покрывающий всё тело. Там, где не особо надо, то в этих местах чешуя, тонкая и мелкая, а на груди плита анатомической формы в палец толщиной. Причём вижу я всё прямо сквозь костяную маску на лице. Сплошную, без каких-либо глазных амбразур! И вижу всё «от первого лица».

– Как мне скрывать свою сущность среди людей? – возмущаюсь я новым непривычным голосом. – С первого же взгляда

да любой поймёт, кто – я, что – я, зачем – я? И каждый будет знать, что со мной делать – убивать! Мне что, отбиваться от всех, кто меня увидит? И вести ночной, скрытный образ жизни?

– Пожелай снять защиту! – приказывает Смерть.

Ну, хочу!

– Не так! Сильно пожелай! Так пожелай, как ты хочешь поднять руки и сжать их в кулаки!

Поднимаю руки. Сжимаю их в кулаки. На кулаках костяшки пальцев заканчиваются небольшими наростами. Лицо противника при ударе ломает, будто кастетом. Опускаю руки. Снимаю броню.

Икать! Колотить! Большие щиты панцирей падают к ногам, малая чешуя сжимается до ворсинок волосяных, втягиваясь в кожу. Ещё раз! Обратно! Всё встаёт на место, кроме больших костяных бронеплит, что лежат у ног. «Выхожу из себя». «Вид от третьего лица». Убрать «боевой режим»!

– Это не «боевой режим», – поправляет меня куратор, – а режим повышенной защиты.

Я её и не слышу, почти. Смотрю, как сплошной костяной шлем на моём собственном лице лопается, образуя трещину, начинает раскрываться, как створки раковины, верхняя часть наползает на лоб, нижняя оборачивается желваками жука-навозника, истончается, превращается в седую бороду и усы. Хм-м! Бриться, получается, и вовсе нельзя. Хотя, может быть, что и не получится. Если у меня борода из бро-

невой проволоки. Чем её брить? Автогеном? И автономной чебурашкой.

Скребу пальцами свою бороду. Мягкая, как и положено бороде. А шлем стал волосами головы. Как у девушки, до копчика. И цвет седой. Как кость.

– А как будет не повышенная защита? Так сказать, «режим бдительности»?

Покрываюсь «гусиной кожей», чешуёй, пластинками. Даже под теми местами, какие должны покрывать большие панцири, что так и лежат у моих ног.

– Не пойдёт! Морда крокодила!

– Исправь. Это же твоё тело.

К кольчугам и кожаным панцирям тут, в миру, привыкли. К чешуйчатому доспеху если и не привыкли, то – привыкнут. К шлемам тоже. Делаю так, что в «режиме бдительности» желваки жука становятся нащёчками шлема, шлем становится более, так сказать, привычный – глубокий шлем, только костяной. С бровными дугами и небольшим козырьком. И наносником. Вот! Уже на что-то похоже! Тело покрываем куртками-плащами, ноги – широкими кожаными шароварами. А вот с руками и ногами надо что-то делать! Тут не принято ходить просто в броне. Нужны перчатки и сапоги! И вот моя же кожа оборачивается сапогами на тонкой мягкой подошве и тонкими, облегающими перчатками. Небольшое усилие моей воли, и всё это утолщается, грубеет до принятых сейчас нормативов качества, точнее грубости отделки

кожи, отделяется от самого тела, как и толстые бронеплиты, что на дне.

Кланяюсь в пояс на все четыре стороны, ибо не знаю, в какой стороне благодетельница моя.

– А «боевой режим»? – спрашивает она.

– В нашем деле главное – скрытность. Если тебя замети-ли, как цель, то уже никакое оружие не поможет. А в бою... разберусь. Как-нибудь. Кстати, ещё раз благодарю. Эти ваши биотехнологии – просто чудо! Если ваши бойцы были так экипированы, то почему вы проикали каким-то людишкам?

– В том-то и дело, что это биотехнологии. Я сама удивлена от того, что получилось. Это твоя экипировка, как ты сказал. И будет твоё оружие. И его не смог бы воссоздать никто из живущих. Нам не хватит твоих боевых...

Но она не договорила. Получается, что этот жук-скарабей, скрещенный с крокодилем, что из меня получился, моя генетическая модификация?

– Крылья же ты не захотел? И никаких усилителей ментальной мощи.

– Как не хочу? Хочу! – возмутился я. – И реактивный двигатель, да орудие главного калибра линкора!

– Личинка считала эти образы из твоей памяти. И лишь помогла тебе создать всё это. Но, как видишь, ошиблась. Воспринимая считанные с тебя образы через знакомые ей образцы и так и воспроизводя ракушки, раки, жуки. А таких вот, чтобы шлемы, перчатки и сапоги, в ней не было. В жи-

вом виде. Тем более двигателей и линкоров!

Смеюсь. Конечно же не было! Да и что опарыш мог считать с проглоченного моего треклятого сапога? Штрих-код производителя? Генетический код коровы и свиньи? А что этот биореактор мог считать со шлема или с клинка меча попавшего в него бойца? Структуру кристаллической решётки дрянной стали? А откуда взяться линкорам?

– Предупреждаю сразу, в личинке выращивание из себя... чего угодно ничего тебе не будет стоить. Все это делает личинка. Но вот вне её это будет стоить тебе твоей жизненной силы и твоей плоти. Потому подстраивай всё под свои представления именно сейчас. Потом это будет сделать не легче, чем отрастить себе новую ногу.

Храм Истины вновь пропадает. Следую божественному совету. Сколько это заняло времени – не знаю. Переделать броню, наделать шмотья. Кстати, даже плащ, сделанный личинкой из меня же и надетый на меня, ощущался мною моей же собственной кожей. Наверное, много времени прошло. Когда занят, да в отрыве от суточных циклов, время летит незаметно.

И вот я готов! Но вдруг для себя вновь стою в Храме Истины.

– Где твой меч?

– Зачем он мне? – пожимаю плечами. – Как-то же я обходился!

– Ты не был воином. Человек в броне, но без меча? Твоя

броня, даже если ты и скрыл её суть – привлечёт внимание. Но, приняв за благородного, не станут любопытствовать. А вот отсутствие меча на боку или топора на спине вызовет ненужные вопросы. Меч же не только, да и не столько оружие, сколько статусный признак. Знатного воина, без меча просто не бывает! Как не бывает и мужика в полном доспехе.

Признаю, болван!

Уважаемый опарыш, насколько хорошо вы разбираетесь в металлах, их сплавах, в сопроматах и прочих кибенематиках? Вот и я немножко. Из чего сделать меч, чтобы потом не грызть зубами его и собственные локти от досады? И чтобы без палева? Точно, ещё и нож нужен! Боевой, и хозяйственный тоже нужен. С пилочкой на лезвии, для подтачивания ногтей. Да-да, такой вот – маленький и нелепый. Ножны, говоришь? Меня сейчас стошнит! Давай хоть без щита, а? Я же не иду штурмовать дворец Шаха Абсурда Аминокислотного на Зееловских высотах! Так, лёгкая увеселительная прогулка, как я планирую. Пошёл, пришёл, нашёл, увидел – всех убил! Просто же! Как два пальца об асфальт!

Глава 3

В тёмном зале ресторана, среди веселья и обмана, в пристани загулявших поэтов ножа и топора, возле столика напротив входа, сижу я, вполоборота. В луче ночного света. Так само случилось вдруг, что занесло меня опять в этот городок Чаши Погибели Богов.

Когда меня оторыгнул опарыш на ту же поляну, где он меня и проглотил, я долго тоже оторыгивал. Воздух обжигал лёгкие, которыми я впервые дышал, сумрак Чаши выжигал глаза, которыми я впервые видел. Ноги, на которых я впервые опёрся, подкосились. Руки, на которые я упал, сложились. Голова шла кругом, мир мелькал калейдоскопом.

Но тем и отличается новорожденный человек от только что произведённого биореактором опарыша костяного терминатора, что новорожденный несколько лет беспомощен. А я уже спустя несколько минут сел на пятую точку и осмотрелся.

Сбоку от меня гладкое пятно всё ещё волнующейся ряски, вокруг бурелом наших с медведицей забав. Хм-м! Обломки гигантских папоротников и скверных деревьев выглядели очень свежими. Даже листья не подвяли. Не то чтобы совсем засохнуть! Конечно, в Чаше повышенная влажность. Но! Даже в повышенной влажности части растений, оторванные от самого растения, должны подвянуть, начать если не засыхать,

то загнивать. А тут всё как только что сорвано! Листья на сломанных ветках «стоят», как на живых! И мой сапог! Тот самый, треклятый! Лежит передо мной, заблёванный мною же. Никто его не спёр. Да причём тут сапог, если травы на огромных следах медведей ещё не распрямились?! Даже водой продавленные ямки не наполнились!

Как такое возможно? Я же железно уверен, что время, как и жидкость, не сжимаема! Я там, внизу, провёл самое меньшее несколько дней, если не недель! А получается, что всего несколько минут?

И словно в подтверждение моих опасений идёт колебаниями почва подо мной. Как землетрясение. Встаю. Рука, по старой привычке, ещё с той жизни, с немтырской, тянется к спине, к правой почке. И натывается на Штык! В ножнах, на портупее!

Смеюсь. Ничего не понимаю, потому смеюсь, как сумасшедший.

– Бьёё-ё-ё-р-р-р! – оглушающее рычит карьерный самосвал Медведицы.

Очень приятно! Помахал ей рукой в ответ. Ну, а я тогда – Хер! Херр Майор! Стандартный фуруер Стырлиц. Он же Гоша, он же Гога. Он же Чунга-Чанга, Большой Хрен, тьфу, Змей! Мы с тобой одной крови, ты и я! Оба – Хранители Руин Истины.

Не знаю, услышала чего Медведица али нет, но огромной своей головой припала к земле, на передние лапы. Динозав-

ровая задница, как у собачки, ходит из стороны в сторону. А вот не помню я, что значит эта поза у тварей – покорность, радость или вообще приготовление к атаке?

Но мне фиолетово. Встаю. Осматриваю себя. Свинья! Весь уделан чем-то!

Не успел я насладиться самокритикой, как вся грязь с меня стала спадать ошмётками, показывая тёмно-белый, серый, как старая кость, панцирь. Ха-ха! Функция самоочистки! Как у печки!

Меж тем, Медведица по имени Бёр, оглушительно фыркнув, видимо обиженная на моё равнодушие к ней, такой большой и грозной, решила ответить мне тем же, прыгнула, развернувшись в воздухе, пару раз скребанула лапами, отваливая грунт, как грейдер, ускакала. Для столь грандиозной туши она грациозна, как пантера. Невольно восхитился.

Но больше не думал о тварях. Задумался о смысле бытия. Об извечных философских тупиках – кто я? Зачем я? Что делать? За каким, собственно, горьким корнеплодом? И – вообще!

Правда, думал я недолго. Потому как Медведица вернулась. И притащила в пасти тушу другой твари. Бросив добычу на землю, Медведица отпрыгнула, постояла, смотря на меня выжидательно, фыркнула, начала изображать танец нетерпения.

Верно! Молодец, девочка! Да какая, к диким тварям, разница – ху из ху, за каким ху, и какой ху виноват?! Я же не

дурак, чтобы думать об устройстве вселенной! Вот мудрецы пусть голову и ломают. А я – боец. Потому с тихим шелестом из ножен выходит моя сабля, взлетая над головой.

Я решил, что раз уж опарышу доступен синтез почти любого материала в почти любом состоянии, то можно изготовить почти любое оружие. Но как и с тем самым жидким терминатором доступно только неделимое оружие, без движущихся частей, читай клинковое. Нужен меч. Экзотику отмёл сразу же. Часто то, что выглядит эффектно и даже эффективно в бою, между боями неудобно. Я про всякие мечи экзотических неправильных форм: волнистые, многоклинковые, серповидные и прочая ересь. Как их на боку таскать? А мне меч, по большому счёту, только висюлькой на боку декоративной и нужен будет. Надеюсь.

Но на тот самый случай «вдруг», да и на всякий пожарный, клинок надо было сделать по-максимуму. Раз уж имеется возможность, то не воспользоваться ею будет безумием и глупостью.

Потому только классика. Простое клинковое оружие. Чтобы в дороге было всегда рядом, но не мешало, легко и быстро извлекалось, и было всегда готово к бою, универсально в любом бою, при любом повороте событий. Под подобные ТТХ подходило только клинковое оружие. Меч.

Сразу же выбор встал – прямой меч, изогнутый? Конечно же изогнутый! Я не собираюсь таскать помесь топора, секиры и копья, как бароны-крестоносцы. Тогда и сталь была

такая, что прочность клинка достигалась только её толщиной. Как только появились технологии получения нормальной оружейной стали, так все эти дрыны в рост человеческий сразу же приняли вид тонких тросточек, шпаг.

Опять же из-за особенностей школы владения мечом, основанной на уколе. Возможно, из-за раннего и плотного облечения всех в кольчуги и доспехи. Скорее в кольчуги. Всё же она протыкается проще, чем рассекается. Возможно, из-за плотности заселения и пересечённости европейских местностей, откуда и родился этот вид оружия, что и породило бой плотным строем тяжеловооружённых воинов. А в толкучке особо и не размахнёшься. А вот уколоть в толпе и в давке – милое дело! Но в Мире я пока не видел ни плотного строя, ни массовых фаланг, давящих друг друга массой.

Тут больше подходит восточный тип боя – простор, легкая броня, секундная сшибка на высоких встречных скоростях. И тут колющий удар сильно проигрывает секущему удару наотмашь. А длинный и тяжёлый меч напрочь проигрывает лёгкому клинку. Тут же появился вопрос по изгибу клинка. Всплыли в памяти колесом изогнутые сабли воинов оазисов всяких Палёных Станов и прочих Святых Земель. И их сородичей. Но я посчитал это загибом ума. Декоративным и выпендрёжным. Равным их изогнутым до колен носам туфель и их собственных носов.

Да-да! У меня же новая голова, новый мозг. И обрывки знаний, как виноградная лоза, широко раскинули усы рост-

ков в чистой, как алмаз, моей голове, соединяясь между собой в обширные облачности памяти. Как всегда, решая часть вопросов и тут же этим порождая новые, часто ещё более тупиковые, неразрешимые вопросы. Соединяясь между собой, облачка воспоминаний образовывали взаимоувязки, привязываясь к географии и времени. И от этого, наоборот, лишь уныние.

Но, блин, если освобождение руин древнего храма рогатого Бога Земледелия Мира Пальм и тягучее освобождение Нелепого города в жаркой земле Перуновых Сынов от отмороженных тапочников, и мои «вежливые» братья, «зёлёные человечки» на непотопляемом авианосце, который вдруг вспомнил, что он – «наш!», легко увязываются между собой, там разбег времени укладывается в рамках статистической погрешности, то вот дворец Шаха Абсурда Аминокислотного в высушенных высокогорьях Гав-гана в увязке с предыдущими географически-временными чек-пойнтами – уже похож на сову, натянутую на глобус. А штурм под шквальным огнём холмистых врат медвежьего города, откуда визжал бесноватый расист-нацист-художник, никак в рамки одной жизни не лезет. А ведь они помнятся мне разом, в рамках моих личных воспоминаний. Как? Ну, как? Потому – нах! Нах! Да пох-пох!

Одним словом, изгиб клинка – классический. Нет, не катаны. Казацкой шашки. Я её почему-то физически помню. Будто брался с вольным народом характерников. Только

вот где и когда – не помню. И как меня тогда звали – тоже не припоминаю. Но в бой мы шли под алым, прострелянным и прожжённым флагом. Без знаков. Просто красное полотнище, которое мы поголовно целовали перед боем и клялись... не помню, в чём именно зарекались. Что мы за всё хорошее против всего плохого? Или что мы все дружно, если Родина потребует, то разом и все, до последней... Да и не важно. Уже. Мы же победили! Или? Конечно – да! А иначе не бывает.

И вот я взмахнул оружием. Удар получился с оттяжкой. Но сабля слишком лёгкая. Да, пластает – ум один! Сквозь плоть клинок проходил, как раскалённый нож сквозь масло. Но инерции маловато будет. Толстые кости не переламывал.

И что? Ничего! Я вообще могу работать дистанционно. Более того, именно дистанционно я и собираюсь действовать. Как высокоточным воздействием на одиночную цель, даже в толпе, и даже лучше снайпера, так могу и танком жакнуть, как из орудия. Сабля же сделана как побрякушка, вот и пусть болтается на боку, побрякивает. Поднимаю одну ногу туши и двумя ударами сабли, крест-накрест, отрубаю. С разворота (тяжёлый!) бросаю окорок, как спортивный молот, в сторону Медведицы. Ловит лодыжку пастью ещё в полёте, вихляет крупом. Хорошая... собачка?

Смотрю на лезвие клинка. Ни одной зазубрины, не затупилось ничего, жало острия ровное, с бритвенной остротой. Даже следа крови, плоти – никакой нет на серой матовой по-

верхности. Отлично! Бросаю саблю в ножны. Клинок если и похож на стальной, то на сталь, покрытую матовым серым лаком. Неплохо.

Невольно усмехаюсь – получил отличное оружие именно тогда, когда уже научился обходиться без всего этого. Вот и «мясной клинок с двойной гардой» получил от опарыша тогда, когда он мне уже не нужен. У меня и «ножен» для него нет. И не предвидится. Это что, усмешка богов такая? Получить то, что тебе очень нужно было анadaysь, прямо позарез нужно было, а сегодня твоя заветная мечта стала бесполезной побрякушкой. Настолько бесполезной, что её выкинуть жалко лишь потому, что исполнено неплохо. С высокой художественной ценностью, не имея уже для тебя особой функциональной нагрузки.

Помахал рукой зверю, развернулся на пятках и пошёл куда глаза глядят. Мне в этой Чаше больше нечего было делать. Так я и дохлюпал до стены осадочных пород. Конечно же, я не вышел к подъёмнику. Потому как и не хотел к нему выходить. У «крановщиков» обязательно возникнут ко мне вопросы. Потому как они не смогут вспомнить, чтобы спустили меня вниз. И узнать во мне того скрюченного нелепого уроды невозможно. Я стал выше, шире в кости, в плечах.

Ах, да! Самое главное – уникальная броня! Если мужикам ума и хватит в лицо не высказать своё недоумение моим появлением из ниоткуда, то вот к местному «молчи-молчи» побегут наперегонки, об заклад бьюсь! А то, что люди подоб-

ной нелёгкой профессии тут имеются, я даже не сомневаюсь. Но плодить им забот собственной персоной тоже не хочу. Потому лезу по отвесной стене, аки муха по стеклу. Перчатки отрастили небольшие когти, да и отвал осадочных пород не был гладкой стеклянной стеной. Новое тело не имело допнагрузки жировых отложений, мускулы и связки были как у юноши пылкого, кровеносная и дыхательные системы девственно чистые. Я же, ёпта, новорожденный! Даже не вспомнил.

Оказавшись наверху, осмотрелся. Пустоши, ожидаемо, были пусты. Вот я и пошёл, опять куда глаза глядят. На ходу трансформируя свой панцирь. В первую очередь открывая шлем. Глухой костяной лицевой щиток очень и очень нетипичная личина. М-да! Сам себя холай, не хлопай по лбу, но вот он локоть, а не укусишь. То, что в опарыше было секундным делом, в Пустошах было столь же скорым занятием, как и отращивание усов и ногтей. У меня, как у нежити, конечно, ускорены эти процессы, но лишь на порядок, которого мне всё одно мало. За несколько часов сплошной бронещиток лишь раскрылся узкой амбразурой для глаз и поперечной трещиной по линии носа – от «наносника» к подбородку.

Там, в Пустошах меня и нашёл Харлей. Сам от себя не ожидал, но я был рад животине. Обняв его лошадиную морду, долго стоял, уткнувшись в его лоб своим лицом. Харлей фыркал и тихо ржал, будто выговаривая мне нотации. Стыдил меня. Как ты узнал меня, животное? Я же технически

другой человек теперь. Ни один биометрический параметр теперь же не совпадает со мной же, но прежним.

Ну узнал – и узнал! Кто нас, Подручных Смерти, поймёт?

Только вот Харлей пришёл в чём кобыла родила. Ни седла, ни упряжи. Я, конечно, могу ехать и так – всё одно Харлей никогда узды не слушался, а толькомыслеобразы воспринимал. И я с его спины не свалюсь. Но рыцарь в полном панцирном доспехе и без седла? Так не бывает! Сначала седло для рыцарского скакуна, а уж потом броня для себя, любимого. Опять побегут доброхоты до «молчи-молчи». А оно мне не надо.

А что делать? Уйти в Пустоши? Усмехаюсь. Я Смерть, летящая на крыльях ночи. Кого мне в Пустошах убивать? Нет, мне надо к людям. Чтобы была Смерть, должна быть Жизнь. Нет живых, нет и меня. Как мне делать то, что я должен – убивать? Никак!

Потому к людям! И к нелюдям! Можно прогнать Харлея погулять. Но опять же, рыцарь в полном доспехе пешком? Так что конь нужен. А коню нужна упряжь. А её надо купить. А денег нет. Но мы держимся! Здоровья нам, счастья и лучей бобра! Как-то я не догадался заказать опарышу пару двухпудовых золотых гирь.

Усмехаюсь – ещё даже шага навстречу людям не сделал, уже наступил финансовый кризис! Типичный, человеческий кризис. Сразу же появилась острая потребность в деньгах. А мне даже продать нечего.

Невольно обернулся я тогда к Чаше. И спустя некоторое время разыгрывал спектакль перед нарядом лифтового устройства. Представился я Кихотом-Донским, посетовал, что проигрался в пыль и прах, даже седло и упряжь проикал. «Желваки» моего «шлема» к тому времени разошлись настолько, что мой рот полностью был открыт. Я и спросил, что там, внизу самое ценное, что мне позволит быстро вернуть седло и упряжь? Мужики иронично посмеиваются, но пряча усмешки в бороды. Двойное имя признак знати. Доспех, тем более уникальный, скорее всего артефактный, допотопный признак старого рода. Потому взгляды тех, кто помоложе, с едва скрываемым торжеством, а тех, кто постарше, с нескрываемым пониманием.

– Больше всего, Властитель, взять можно за Боярина, – степенно, как и положено самому старшему, говорит старшина наряда подъёмника.

– Это что за невидаль? – удивляюсь я.

– Бёрг, – мотнул головой старшина, – Скверный Медведь. Но одному его никак не взять. Тут сильный отряд по Боярина ходил. Никто не вернулся. Хотя Чаша сильно волновалась. Долго гудела! Да и не вынести Бёрга-Боярина одному. Вы, Ал, в тварях хорошо понимаете? Что у них ценно, что нет?

– Разбираюсь я в них так: увидел – убей! – отвечаю я.

– Тогда лучше тушу целиком поднимать. В граде Чаши и сдавать всю. Так многие делают. Дороже всего Скверный Волк. Но хитёр, ловок и осторожен. Глупее всего Клыккан.

Пользуется своей толстой шкурой.

И я выслушал целую лекцию по зоологии Тварей Чаши. Зато скучающие мужики опустили меня без оплаты. Под залог Харлея, которому я строго-настрога запретил трогать мужиков, зная его каверзный характер.

Чаша меня встретила опять восторженно, радуясь скрипу подъёмника. И вновь пришлось устраивать мясорубку. В этот раз, правда, твари быстрее сообразили, что съесть меня не получится. Зато примчалась Медведица. Опять на применение Штыка. И мне даже не пришлось охотиться. Притащила тушу в зубах. Опять отсёк ей заднюю ногу, опять пособачьи поймала мясо в воздухе, остальное поднял магией над почвой и поволок к подъёмнику.

Мужики удивились. Потому что тварь, которую я поволок, была не то что уникальна, но редкая. Тварь эта была очень осторожная, пугливая. Это Клыканы и Волки сами кидаются на охотников. Отсёк вторую лапу, переднюю, для симметрии, оставив её мужикам. Мужики говорят, что мясо этой Твари не только можно есть без каких-либо ограничений, но и оно как-то благотно влияет на организм. Конечно же повышая потенцию. Верю-верю!

Закинул тушу на Харлея, и пошли мы с конём, по Пустоши вдвоём. Об этом и запел. Что идём с конём по полю вдвоём. О том, что я влюблён в кого-то по имени Россия, петь не стал. Потому как не знаю, что это за девушка, где она живёт. А вдруг она курит? А вдруг пьёт? Любовь зла. А я полюбил,

козёл влюблённый! Нет, про любовь мою поют только волки. Воя на луну. Потому что у любви у нашей села батарейка.

В город вошли со свистом. На «таможне» на меня самого никакого внимания, а вот тушу добычи сопровождают удивлённым присвистыванием. Город был мне немного знаком, я уже был здесь. В прошлой жизни, уродом когда был. Сразу иду в центр города. И даже до биржи, где проводятся все сделки по купле-продаже добытого в Чаше, не дошёл. Налетели мещане-горожане, без моего участия стали торговаться. Как будто налетевшая стая ворон, каркая, выкрикивали цены. Мне и оставалось только дожидаться самой высокой цены и свалить тушу покупателю под ноги. И стоять на ней одной ногой, пока не получил кожаного мешочка с монетами. Как и принято в этом мире наивных и доверчивых людей, пересчитываю монеты, не заметив, точнее сделав вид, что не заметил усеченных монет. По чуть-чуть, но все. Драгметаллы есть драгметаллы. Сами по себе ценность. Даже без номинала на плоскости монеты.

И вот теперь я сижу в местном увеселительном заведении общепита и жду. Упряжь быстро не делается. Даже подгонка имеющихся заготовок под тело Харлея и мой собственный зад требует времени. Тут же всё – ручная работа, всё уникальное, неповторимое, сплошь дизайнерские, крафтовые изделия. И если упряжь просто набор ремней и карабинов, то вот седло самые высокие технологии для Мира. По сложности изготовления седло сопоставимо с самолётом, на-

пример. Учитывая технологический уровень Мира. Столько же деталей из самых разных материалов – кожа, дерево, металл. Металлы. Разные – сталь, медь, бронза. И всё это требует индивидуальной подгонки. Это тебе не табурет на спину лошади поставить. Можно, конечно, и табурет, как многие делают. Но, блин, полный доспех и простое, самое примитивное седло? Нет, раз уж имеется доспех, то и седло должно быть рыцарское. Кресло пилота, с подпорками и анатомическими выемками.

Культурная программа бродячих музыкантов и лицедеёв меня не заинтересовала, блюда и напитки тоже. Вкус вроде бы восстановился. Но лучше бы вся еда так и оставалась со вкусом жёванной бумаги или вываренной, до вкуса бумаги, курицы, как раньше, чем сейчас, когда с возвращением вкусовых чувств понимаешь, какие же помои тут подали! Потому и скучаю. Поставив локоть на стол и уперев подбородок в ладонь, накрытый капюшоном.

К входу в город большие плиты брони отпали от моего панциря, как отмёршие ногти, шлем тоже появилась возможность снять. Теперь всё это великолепие висело на крупе Харлея в объёмных мешках, сотканных из толстых и грубых ниток, как я подозреваю, из вываренной крапивы. А я сидел налегке – в кожаной куртке-плаще до середины бедра с капюшоном, в кожаных шароварах. Так максимально скрывалась моя внешность. А накидку опустил поглубже на голову, чтобы только подбородок и нос было видно.

И это не бросается в глаза. Большая часть сидящих в зале тоже не очень стремились явить свой лик свету. Запах риска всегда подманивает людей определённого склада характера – «романтиков с большой дороги». А от Чаши Погибели Богов смердило этой самой «погибелью» даже от названия. Авантюрист и есть авантюрист, обязательно шагнёт за грань дозволенного. Потому большая часть людей тут в таких же глубоких накидках-капюшонах, как и у меня, потому и свет чадящих факелов, редких светильников просто не даёт точно рассмотреть лиц. А вот оружие все выставляют напоказ. Не само оружие, оно может рассказать о владельце даже больше, чем лицо. Напоказ выставляется наличие оружия. Как предупреждение. Как собаки скалятся, друг дружке показывая зубы. Потому и у меня пола куртки заткнута за ножны шашки. Погоди, шашка колоть не может. Всё же у меня – сабля. Да, гля, какая разница – сабля, шашка, кривой меч?! Мне ли заморачиваться на таких мелочах? Если только со скуки?

За мой стол садится юноша задротского вида ботана-студента. Он уже полчаса крутился около моего столика, видимо не мог набраться решимости заговорить со мной. По его поводу я не напрягаюсь. Юноша как маг крайне слаб, даже с артефактами. Как боец ещё хуже, хотя таскает меч на боку. Лихорадочный блеск глаз, неухоженность волос и одежды, общая нервозность показывали, что это очередной стукнутый о ступени библиотеки ботан. Таких надо избегать, а не бояться. Они опасны только твоему мозгу, если ты тако-

го чёрта допустишь до своих ушей. Но, блин, мне скучно! Пусть расскажет мне, сколько демонов уместятся на наколочнике стрелы, научит стопудовому способу получения золота из свинца. Или чем там ёжанутые ещё страдают? А то маньячит вокруг меня. Что-то хочет, и явно не хлеба. На вора он тоже не тянет. Слишком благородное лицо и телосложение для тонкой и деликатной работы карманника. Да и меч как бы намекает. Особенно отделка ножен и рукояти. Старая работа. Знать. Отпрыск старого рода.

Я вспомнил, откуда такой типаж мне знаком. С такими лицами и с такими взглядами подобные же сведённые с ума мажоры с бомбами бросались под повозки чиновников и представителей царской семьи. Им тогда очень умело мозги промыли револьверными идеями. Или революционными? Ну, не суть! И тут же гоню от себя вопрос, а откуда я могу знать в лицо этих бомбистов?

Ну! Смелее, хватит мяться! Ты же не малолетняя девочка, что впервые продаёт себя! Глаза будто только что внюхал, лицо с нездоровой бледностью, пальцы тонкие, как у девушки, ногти длинные, но неухоженно длинные, грязные. На одежде не только давняя грязь и засаленность, но и остатки еды и пролитых жидкостей. В том числе и чернил. И целых три гусиных пера в спутанных волосах. Причём, похоже, он просто о них забыл. Через плечо – неопрятный баул. Мягкий. С теми же книгами, свитками, перьями. Но на боку тонкий и длинный меч старой работы, наследный. А на сапогах

шпоры. Всадник.

Сел так, чтобы быть в поле моего зрения. Я даже бровью не повёл. Решился, наконец! Парень оказался воспитанным, представился Чижиком (не птицей, а камышовым чижиком-пыжиком, коричневой такой колбаской, что забавно распушается, а если поджечь – дымит знатно) и, как я и ожидал, начинает нести благостную пургу про Древо Жизни и про устройство Мира. И ладно бы реальное устройство Мира, так нет же сказочное. То, каким оно было до Конца Света. Якобы. Ну, им, библиотекарям – виднее.

Хотя... Чушь полная, но занятная. Оказывается, Столица не в том городе, охваченном мятежом, откуда я сбежал. Столица – это то, чем была Чаша до, собственно, Погибели Богов. И все дороги всего Мира сходятся в эту Чашу. Так вот почему я на неё вышел! Потому что все Старые Пути начинаются отсюда. И потому они и называются столбовыми путями. Кое-где даже столбы сохранились. Не километровые, но с такой же функцией. Наверное. Где-то там, на глубинах нанесённых пород. А ближайший город людей просто перенял название погибшего поселения Небожителей. И «Столица» – неверное произношение слова «Столбица». Столб при этом ствол того самого Древа Жизни, на которое был намотан Мир. Шучу. Столб тот, мифический не только нулевой километр всех систем счисления, но и вообще альфа и омега всего на свете. По словам чахоточного юноши.

– Не видел я никакого там дерева до неба, – буркнул я,

этим вызвав смехи всего зала. И тут я понял, что этим супчиком и этой сказкой уже всем уши промыты. И просто сегодня моя очередь быть «свободными ушами». Но блаженный упёртый не унимается. Оказывается, что Древо Жизни не только физическое явление, но и образное. Столб может быть не только стволом дерева до стратосферы, а и «столбом знаний». И именно знания он ищет. Фух! Как он витиевато излагает! Уснёшь, пока до присказки дослушаешь!

Вздыхаю. Чуть мотнув головой:

– Там болото, полное разных тварей и Скверны, – говорю я ему. – Если там и были знания, то сгнило всё давно.

– Столп Храма Истины не мог сгнить! – горячится юноша.

Интересно, почему при всей его неухоженности у него нет ни усов, ни бороды? Он же не девушка, это точно. Его энергия мужская. Причем именно мужская, а не юношеская, когда юнец уже выглядит почти взрослым, но бритва ему ещё не нужна. И его гладкое лицо не только не сопоставляется с его глазами, но и с его энергетикой зрелого мужа. Не всё чисто с этим юношей со взором горящим. Вот чую подлянку!

– Это огромный кристалл, который держал Свод Храма многие века, – продолжает оглушительно шептать Чижик.

– Кристалл – это такой прозрачный камень? – вяло интересуюсь я.

– Да! Кристаллический столб до неба, в котором сохранены все знания Небожителей! – Чижик аж на стол навалился своей впалой грудью.

– Пусть так, – кивнул я, не отрывая подбородка от руки. Умник уже давно велел долго жить, а привычка рукой рот прикрывать – осталась. – Только вот я никак понять не могу – зачем ты мне всю эту сказку зачитал?

– Это не сказка! – воскликнул юноша.

Пожимаю плечами, чуть повернулся, больше не смотрю на него.

– Понимаете, – начинает Чижик. Невольно улыбаюсь. Так обычно начинают речь разные очковтиратели и кидалы. И «бомжи», просящие на опохмел. – Мне срочно нужно пройти к этому, как вы сказали «прозрачному камню».

– Иди! – киваю я.

– Мне нужна помощь! – просит юноша.

– Помолись старым богам, помогут, – отвечаю я.

– Я у вас прошу помощи! – говорит Чижик.

– А я не бог. Задаром не работаю, – усмехаюсь я.

– Я заплачу! – сдавленно воскликнул блаженный.

Усмехаюсь уже в открытую. Показывая, что я думаю о его платёжеспособности.

– Вы не понимаете! Те знания, что хранятся в том месте, могут изменить Мир!

– Охотно верю. Возможно, поэтому они в таком открытом доступе. Для всех желающих. На виду, никак не охраняются.

Уже многие ржут в голос.

– Кроме этого, – продолжаю я, – на самоубийство идти у меня тоже желания нет. Ладно, допустим, так, в порядке

брёда, что я согласился. И вот ты, да я, да мы с тобой, спускаемся в Чашу. Ставки будем делать, кто из нас и сколько проживёт, и сколько мы пройдем? В шагах.

Уже хохот стоит. Народ подходит. Видно, что наша с Чижиком перепалка была им забавнее представления лицедеёв и их сценок из пошлых прелюбодеяний знати.

– Ладно, без ставок, продолжим бредить. Вот нас с тобой так полюбила местная живность, что решила не замечать ни нас, ни своих урчащих желудков...

– Почему одни? – возмутился Чижик. – Я договорился с отрядом наёмников.

– Серьёзно? – удивился я. – И кто же эти благотворители? Если не секрет.

Чижик показывает. Как благородный – не пальцем тычет, а подбородком и взглядом. Вперёд выходит невысокий, но крайне корявый и угловатый мужик угрюмо-разбойничьего вида.

– Ты что-то имеешь против? – спрашивает он у меня.

Улыбаюсь широкой открытой улыбкой. Становится уже весело. Даже дракой попахивать стало. Прямо на душе посветлело!

– Я? – вновь удивляюсь я, ещё шире улыбаясь. – Против? Его жизнь, ему решать, где и как её закончить. Если ему сильно тесно в его шкуре, разве я ему нянька?

Угрюмого «наёмника» зовут Кочарыш. А кучка мужиков за его широкими плечами с ним. Большинство из них его

кровные братья. Тут и к энергетическим потокам приглядываться не надо, они как из-под одного штампа кузнечнопресового повывлетали.

– Слушай, малыш, а сколько с тебя запросили эти мужики? – спрашиваю я у Чижика.

Оскорбляю сразу и Чижика, и Кочарыша с братвой. И если юноша «малыша» проглотил, даже не поморщившись, то Кочарыша обращение «мужик» взбесило. Потому как на его бычьей шее висели цепи сразу и наёмника, и знатности.

– Ты что себе позволяешь, Тёмный? – ревёт он. – Я вызываю тебя на поединок!

– Видишь, книжная душа, – говорю я, усмехаясь, Чижик, – Этот выкидыш скверной свиньи даже оскорбить не может так, чтобы задело. Тёмным меня обозвал. Слышь, тупой конец дубины, а если я Тёмный? В самом деле? А? Ты бы, Чижик-Пыжик, шёл обратно в библиотеку и носа оттуда не казал. Принял душегубов за благородных наёмников! Ха-ха! Неужели ты не видишь, что цепь эта, как и части доспеха и меч с чужого плеча, под чужую руку сработаны?

– Бой насмерть! Немедленно! – ревёт Кочарыш.

– Да не спеши ты умереть, тупое животное! – отмахиваюсь я от него. – Успеешь! Хотя... Я даже предоставлю тебе, мерзкое ничтожество, право на выбор оружия. Даю тебе шанс, подлый душегуб. Выбирай условия поединка, исход и оружие, разбойник. Ясно же, что меч не самое сильное, чем ты владеешь, выродок. А это будет не честно. Порезешься

ещё! Да и пойдём, выйдем. Зачем твоим дерьмом пол марасть?

– Твоё дерьмо размажется по полу! – ревет Кочарыш, замахиваясь топором.

Верно я заметил, его меч остался на боку. Топор ему привычнее.

Хорошо замахнулся. Удар получился знатный. Только я же не чурбак дровяной, чтобы обречённо ждать удара. Просто отошёл на шаг. Удар, треск, лавка – в щепки. Ещё богатырский замах, боковой подсекающий удар, отхожу на шаг назад. А когда топор пролетает мимо, то добавляю ему ускорения ногой в обух. Кочарыша развернуло. А я уже у него за спиной. Подбиваю ему ноги, дёргая за его цепи на шее с такой силой, что оторвал все связки цепей. Звенья, со звоном, посыпались. И тут же и разбойник грохнулся на лопатки. Ногами раскидываю его руки, наступаю ему на горло и чуть придавливаю.

– Ты мёртв! – говорю я ему, но смотрю на его братву. Лица их то пылают, то бледнеют. Глаза злые и растерянные. Ухмыляюсь им. Показываю зубы. Опускают свои ножи и дубины.

– Ты мой! – повторяю я придавленному Кочарышу, который обеими руками пытается оттолкнуть мою ногу от своего горла, но тщетно.

Протягиваю руку к его сердцу. Мужик орёт, как горящий заживо. Собственно, так и есть. Как только я освободил разбойника, он тут же судорожно стал сдирать покровы со своей

груди, показав выжженное на левой грудной мышце клеймо – ухмыляющийся череп над двумя перекрещенными костями.

– Ты мёртв! – повторил я низким, гудящим голосом. – Теперь ты мой!

– Да я тебя! – взвыл Кочарыш, бросаясь на меня. Но тут же взыв от боли, схватился за сердце.

– Ты моё! – Тем же гудящим голосом говорю я. – Ты даже больше не человек. Встать! Сесть! Ты вещь! Моя вещь! Пшёл вон!

Кочарыш, корёжась от боли, вытянулся при команде «Встать!», рухнул при команде «Сесть!» и вылетел, как ошпаренный, когда я его прогнал.

Осматриваю исподлобья, из-под накидки, притихший зал. Смотрю не глазами. Смотрю «потоки». Рыбка заглотила наживку! Осталось грамотно подсечь. И не вспугнуть. Потому не спешу, возвращаюсь за стол к чахоточному утописту.

– На чём мы остановились? – уже обычным голосом спрашиваю я бледного юношу со взором горящим.

– Вы применяете магию, не снимая сокрытия магии! – выдохнул Чижик.

– Нет, – качаю я капошоном, ну и головой – соответственно, – мы остановились на том, что я тебе, блаженному книжнику, советовал вернуться в городское собрание книг и никогда больше не покидать уютного мирка свитков и переплётов. И остаток жизни посвятить мёртвому и мёртвым – ис-

тории былых эпох, давно умерших людей и делам давно миновавших дней. Реальность тебя убьёт, мой юный книгочей.

В это время подходит хозяин заведения. Добротный дядина с аккуратно стриженной бородой и в кожаном фартуке. Приносит мне две кружки.

– Это было впечатляюще! – басит бармен, ставя кружки передо мной. – Угощаю!

– Не нуждаюсь! – отвечаю я.

– Не побрезгуй, воин, – смотря прямо в глаза, отвечает трактирщик, – из моих запасов. Это не продаётся!

Усмехаюсь.

– За усмирённого мужика? – удивляюсь я.

– За то, что развеял скуку, – усмехается в ответ бармен, – напомнил, что Мир сложнее, чем кажется. Заставил положить голову.

Киваем друг другу глазами. После того, как трактирщик указал мне взглядом на Тёмного. А я уже знаю! Мальчишка этот так, щёлканье пальцами для привлечения внимания. И кивком этим своим успокаиваю владельца заведения.

Хм-м! Вот это уже более-менее! Не тошнит от вкуса этого напитка.

Но, похоже я перебдел. Переиграл, как плохой актер телеспектакля. Тёмный не предпринимает никаких действий. И вокруг меня толпа собралась. Как же его подтолкнуть, спровоцировать на действия? А?

– Никуда я не уйду, пока не попробую пробудить Столб

Истины! – упрямо талдычит Чижик.

– Удумал, тоже мне! – хрипит рядом со мной человек в опрятной, но потёртой кожаной жилетке с вшитыми в неё, с внутренней стороны, пластинами брони, квадратиками отпечатывающимися на поверхности кожи. – На Алатырь идти собрался! Хэ! Хорошо ты, чужак, не согласился. У Камня – Логово Боярина!

– Второй раз слышу про Боярина, – говорю я, ставя пустую кружку на стол и взяв вторую. Взгляды, которыми сопровождали кружку окружающие меня бывалые ходоки в Чашу, сделали перебродивший коктейль из ягодных соков ещё вкуснее, – Только вот так и не понял, кто это?

– Хозяин Чаши Погибели, – отвечает хриплый, – огромный Скверный Медведь. И Берлога его как раз у Камня. Этот прохиндей уже загубил кучу хороших людей, подбив их идти на Боярина! Никто не вернулся! А сам он – вот он! Цел и невредим! Удавил бы!

– Так удави! – усмехаюсь я.

Чижик сжимается. Да, если бы не цепь княжёнка, вывалившаяся из-за ворота от испуга, порвали бы уже давно. На родовой табличке тот самый камышовый пыжик. Не слышал о таком княжеском доме. Впрочем, это не удивительно, Мир большой. А я маленький. А вот рядом с табличкой камышовой артефактные безделушки – крестик с петелькой. Но не распятие, а символ того самого Древа Жизни, или Познания, наверное. Стилизованный такой. Ствол с кроной и по-

перечная перекладина, ветви, возможно. Их, стукнутых утопистов-революционеров, не поймёшь. И ещё знак. Паутинка из семи колец, вписанных друг в друга. А вот это я знаю. Выпитая мною память Светлого говорит мне, что это знак Тайной и Тёмной организации. Их тайных лож или диванов, кресел и прочей мягкой рухляди. Седьмой круг постижения их Самой-Самой Сокровенной, Самой Тёмной из Самых Сокрытых Тайн, чертовски непостижимой. Той самой тайной тайны, что вся жизнь дерьмо. И боги слепили людей из собственного навоза. Потому в дерьме всё и тонет.

Умник погиб смертью храбрых в неравном бою с коллегами этого вот гимназиста-революционера, но его функции опарышем старательно перенесены мне в правую руку. Не в перчатку, а прямо в руку. Поэтому на моей открытой ладони проецируется голограмма торчащего из переплетения корней куска огромного кристалла, из трещин которого истекает Скверна. Ну, поправил я чуть изображение. Отфотожопил.

– Это, что ли, твой Столп Истины? Этот грязный, лопнувший кусок хрусталя? – спрашиваю я. – Зачем людей губить? Лопнул он. Никакой истины от него уже не добиться. Какую истину ты искал? Скверную?

Всё! Чижик потух. А вот «старатели» вокруг меня, наоборот, оживились. Загалдели все разом.

– Нет, Медведя, Боярина вашего не видел. Я Чашу насквозь прошёл. С той стороны на эту. Не было медведя.

– Завалили Косолапого! – дружный рёв потряс перекрытия зала.

И собрались прямо тут же идти в Чашу. Все! Как глаза у них пылают. Как же я люблю обламывать людей!

– А вот Медведица была! – тихо говорю я. С интересом смотрю, как сказанное мной волной идёт по залу, как волны по воде от брошенного камня. – С медвежатами.

И последнее дополнение совсем бросило народ в отчаяние. Оказывается, что Боярин не самое страшное. Самое страшное – Медведица-Боярыня с малыми медвежатами-барчатами на загровке.

– А как же ты сам, мил человек, Медведицу не встретил? – спрашивает меня мужик с лисьими глазами и усами.

– Как не встретил? – удивился я, – Смотри, какая красота!

И показываю им зверя в полный рост. Это когда она встала на задние лапы и ревела, воздев передние лапы. Даже мне, даже сейчас жутко смотреть.

И тишина. Только что мёртвые с косами не стоят.

– И как же ты ушёл от Боярыни? – спрашивает тот же мужик с лисьими усами.

– Залюбил её до полного её бессилия. И ушёл искать новую щель. Но обещал вернуться. А она поверила, звала заходить в гости. Обещала ждать, пышек напечь.

Несколько минут оглушительной тишины закончились оглушительным грохотом смеха, топота ног, грохота кружек о столы.

– А на самом деле? – тихо спрашивает Чижик.

– А на самом деле, – говорю я ему, наклонившись к самой его голове, – я очень ловкий и бегаю быстро. А вот как ты, нелепость, оттуда сбежал?

– Артефакт, – буркнул чахоточный, – какой – не скажу.

А и не надо! Ты и так сдал себя с потрохами, дурень седьмого круга допуска! Ты уже даже подписал себе смертный приговор. Про твой артефакт знаю теперь не только я. Но лучше убью тебя я, последователь Тьмы, чем голодранцы с Большой Дороги. Хоть и накопитель с тебя будет, как маковое зёрнышко, но артефактов у тебя, как у дурака махорки, полно. Пригодятся. Потому на заливке у утописта-сказочника повисла моя метка. Метка Смерти. Невидимая ни людям, ни магам. И видеть её могут лишь такие же, как и я Орудия Смерти.

Владелец заведения принёс мне ещё ягодной настойки и мясо, запечённое с луком и травами. За счёт заведения. Потому как его прислуга уже была в мыле, запыхавшись закатывать в зал полные бочки пойла и выкатывать пустые, да бегать между гостями, разнося застоявшееся пиво и вино. Гулянка уже давно перевалила через какие бы то ни было рамки, опорожня кошельки гостей и кладовые трактирщика. Рванина гуляла. Отмечая радость от гибели Боярина и заливая вином печаль от вести о Боярыне с тремя будущими Боярами.

Чижик залился креплёной настойкой со вкусом старой са-

пожной стельки и спал прямо на столе сном пьяного библиотекаря. Его волосы меж тем приклеивались пролитой настоеккой к липкому столу. Веселье уже начинало отдавать отчаянным безумием. Народ разбился на кучки, орали в полный голос, стараясь докричаться друг до друга, но не слыша друг друга, да и не желая слушать. Кто-то горланил песни хором, но не в лад, обнявшись, раскачиваясь, но тоже не в такт. Про лицедеев и музыкантов все просто забыли, потому они и сами влились в пьянку. А кто-то уже бил друг другу лица. В отчаянии, непримиримости и решимости пьяного угара.

Похоже, я перестарался. Но, должен же я практиковаться в умениях разумника, раз уж они щедро загружены в мою голову? Я тоже изображаю пьяного, как кобра под дудку раскачивая головой в капюшоне. Даже спихнул ногой с лавки того самого тёртого «старателя» в бригантине. Освобождая место для «рыбки».

И вот поклёв! Рядом со мной плюхается Тёмный. Только не тот, кто мне нужен. Этот тоже прячет Тьму свою засветом светлых артефактов. У него шесть кругов на значке. Даже меньше, чем у Чижика. Причём, если у «эсера» Чижика безделушка тонкого исполнения, каждое колечко отдельно, все крутятся друг относительно друга, то у этого просто круглая медалька с мишенью на ней. Решено, я убью тебя прямо и точно в «яблочко»!

Начинает мутные подкаты, да уж слишком сильно издалека. На тему того, что жизнь несправедлива, вся жизнь дерь-

мо, все люди твари, а Светило – долбаный фонарь, движущийся по хрустальному куполу небосвода над плоским Миром, стоящим на спинах трёх слонов мироздания и плавающим на каком-то чудо-юдо рыбе-ките. Этак я не дождусь конкретики до второго пришествия Спасителя. Так и буду слушать дайджест мифов и легенд Мира? Сегодня что, день «В гостях у сказки»?

– Задрал, ежлан! – взревел я, ногой спихивая этого урода с лавки. – Ещё раз увижу твою рожу – завалю, как поросю! Шавка мелкая! Бегом, тварь!

Подходит трактирщик. Очень красноречиво, но упорно, молча, вытирая стол тряпкой. Смотрю ему в глаза. Указывает взглядом на лестницу наверх. Точно! Самого Тёмного из местных мерзотников уже и нет в зале. Трактирщик помогает мне подняться, я же пьяный, хэ-хэ! Но ощупать себя не даю, грубо отпихиваю его, ушлого сына юриста:

– Жену свою щупай! – реву я и плюю в него.

Ну, как – в него? Если слюна моя повисла на моём же подбородке, на котором только начала отрастать щетина? Похоже, я более пьяный, чем рассчитывал! Обманул сам себя! Вот так вот притворялся пьяным, притворялся, да и в самом деле окосел. И от этого злюсь. Отталкиваю бармена, иду, петляя, путаясь в ногах, к лестнице. Хорошо! Перила! В них можно вцепиться и втаскивать себя и свои непослушные ноги по ступеням. Хотя трактирщик мне и не успел показать, в каком именно кабинете мне назначен приём этих проктологов,

но я и сам видел. Потому лбом толкаю нужную дверь. Оказалось, что не заперто.

– Тук-тук! – басом говорю я. – Не ждали? А я припёрся!
И мерзко хохочу.

– Ждали, – отвечает мне Тёмный, уютно развалившийся в каком-то подобии кресла. – Проходите.

Ну, коль уж приглашают! Прохожу до стола, ногой отодвигаю лавку, перешагиваю через неё, сажусь, ставя локти на стол и наваливаясь на руки. Слева от Тёмного стоит боец, за моей спиной, у двери ещё двое. Все с ножами и с боевыми артефактами наготове. Боятся. И верно! А для чего я тут лицедея изображал? Медведицу Беру и Алатырь-камень показывал? Чтобы повисить свою значимость именно в этих глазах. А раз боятся, значит и уважают. Это же Тёмные. С ними нельзя, как с людьми. С ними надо, как с нелюдьми. Как с Харлеем. Дать хлеба, когда молодец, и дать по морде, когда занесёт и расшалиться.

– Ну? – спрашиваю я.

– Я – Мастер Тьмы Рык Сумерек. Как к вам обращаться? – представляется Тёмный. У него медалька с мишенью из девяти окружностей.

– Обращаться вежливо и обходительно. Отзываюсь на имя Мрачный Оптимист, – отвечаю я.

– Оптимист? Это имя что-то значит? – удивляется Тёмный.

– Весельчак.

– Мрачный Весельчак, – хмыкает Рык Сумерек, – многозначно.

– Ты для этого меня звал? – злюсь я. – Чтобы обсудить моё имя?

– Нет, конечно! – выставляет ладони Рык. – Вы нас заинтересовали. И мы бы хотели обсудить с вами условия сотрудничества.

Есть! Рыбка заглотила наживку, крючок уже впился в её розовые жабры. Теперь надо травить её к берегу. То отпуская леску, то подтягивая. Не спеша, чтобы не сорвалась.

– Мы? – удивляюсь я. – Ты о себе во множественном числе? А не слишком ли ты нос задрал, Тёмный?

– Мы – не я. Я лишь представляю наше сообщество. И веду дела от имени Нового Мира, – отвечает Тёмный, весь аж надуваясь от важности произнесённых слов.

– Нового Мира? – переспрашиваю я, демонстративно обводя пустой стол взглядом.

– Нового мирового порядка. – Рык Сумерек ещё больше раздувается от собственного величия. Мне противно даже стало. – Где не будет деления людей на знать и чернь. Где то, кем ты родился...

– Я тебя сейчас в окно выкину, – спокойно говорю я, вставая. Видя, что люди Рыка дёрнулись, добавляю: – Вместе с твоими холуями.

Тёмный жестом заставляет своих прихвостней убрать боевые артефакты. Смотрит на меня с недоумением:

– Почему?

– Ох, говорила мне мама не связываться с иканутыми на всю голову! – стенаю я, перешагивая лавку в направлении выхода. – Нет, ко мне всё время лезут эти блаженные дурачки. Одному истину давно умерших нелюдей подавай, другим новое мироустройство!

– Пойдите! – вскакивает Рык, ещё раз жестом останавливая своих людей. – Чем вас не устраивает новый мировой порядок?

– Да мне класть на него весь вчерашний, переработанный, ужин! – рыкнул я. – Вместе с существующим миропорядком. Ты мне золото дашь? Если нет – прощай!

Тёмный потух. Что, дядя, не прокатило задаром и красивой агиткой завербовать? То-то! У меня иммунитет к этому бреду. В моей памяти хранится столько вариантов развития этого вашего «нового мирового беспорядка»! Но я помню главное – «новый миропорядок» в первую очередь съедает своих родителей. И ещё точно помню, что если кто-то тебе втирает что-то о высоких материях, то сбережения пора закапывать, да поглубже.

– Сколько? – уныло спрашивает Тёмный.

– Две тысячи золотом. Сейчас! – отвечаю я. – Тогда и поговорим хоть о новом порядке, хоть о новом беспорядке.

– У меня нет столько! – воскликнул Рык.

Поспешил ты, дядя! Ох, и поспешил, с высказываниями! Лох ты, Тёмный, а не тайный манипулятор! А то я не знаю,

что у тебя нет! А были бы две тысячи, назвал бы – три! Было бы пять штукарей, я бы назвал – десяток!

– Бывай! – махнул я рукой, отворачиваясь. – Желаю успеха в этом вашем... как его? А, новый мировой беспредел!

– Не уходи! – кричит Тёмный. – Я не могу решать за такие крупные суммы! Но ты нам нужен!

Какой же лох! Ну, разве можно так явно сдавать свои позиции?

– А кто решает? – повернув голову, через плечо, уже в дверях, спрашиваю я.

– Это не здесь! – горячится Тёмный. – Там!

И указывает на юг.

– Бывай! Не кашляй! – говорю я, шагая через порог.

– Ты нам нужен! – кричит в спину Тёмный. – Рассчитаемся потом!

– Золото вперёд! – отвечаю я, вцепившись в перила, спуская себя руками по лестнице.

Всё! Есть! Все намеченные цели на сегодня достигнуты.

Пора на воздух, выводить эту гадость из моей крови. Пересекаю зал, где большая часть народа уже успокоилась, валлялась вповалку. Выхожу на улицу. Ночь хоть уже и скатилась к завершению, а до рассвета ещё не скоро. Но ночь не была темна. Кроме двух лун над головой в безоблачном небе, моё ночное зрение мертвяка было мне сохранено и в этом теле. Потому браткам Кочарыша с ним самим во главе не удалось подобраться незамеченными. Достая «концевой ру-

кав», начинаю мочиться прямо перед собой, прямо перед ними соответственно.

– Ну? – рычу я на них.

Мнутся. В драку тоже не бросаются. Почему? Единственный способ освободить Кочарыша – убить меня. Чего ждёте? Окончания процедуры. Вот, закончил, даже убрал всё.

– Ну? – повторяю я.

Кочарыш преклоняет колено.

– Что прикажешь, хозяин? – спрашивает он.

– Беги в сторону Столицы, пока не устанешь. – Отмахнулся я от него. – А как устанешь, ещё беги. Как не сможешь бежать – ползи. Как умирать будешь от усталости, разворачивайся и беги обратно.

Кочарыш встал. Мнётся.

– А людям моим? – спрашивает.

– Что людям твоим? – удивляюсь я.

– Им что прикажешь? – разъясняет Кочарыш.

– Ничего не прикажу. Ты моя вещь. А они мне не нужны.

Гуляйте! Да, ты, вещь, сначала сходи к тому мастеру, что для меня делает упряжь на моего коня, и поторопи его. Надоело мне ждать. А потом побежишь. Понятно? А вам что не понятно? Все вон!

Разбегаются. А так как мне полегчало, то лезу прямо по стене наверх, туда, к лунам и свежему воздуху. Не люблю средневековье. Оно вонючее.

Глава 4

Сидя на крыше, я и встречаю рассвет. Красиво! Ради этого стоит жить.

Смотрю, как просыпается город, как начинается деловая муравьиная суeta горожан. Запахло хлебом. Странно, вкусовые ощущения мне опарыш вернул, но чувства голода я всё так же не испытываю. Даже вкусный запах булочек не вызывает ни аппетита, ни желания, ни слюноотделения.

С крыши спускаюсь только тогда, когда мастер с подмастерьями, которым я заказал сбрую на Харлея, злые и невыспавшиеся, приносят мой заказ. Вывожу Харлея, креплю на него сбрую. Хвалю мастера. Расплачиваюсь и желаю ему здоровья и побольше заказов. Мастер буркнул благодарность, пнул своего подмастерья от избытка чувств и пошёл восвояси.

В это время прибегает запыхавшийся Кочарыш. Тут же отовсюду, как капли пота в бане, выступают его братки.

– Светлые! – выдавливает из себя Кочарыш, тяжело дыша, упираясь в колени руками, сложившись пополам, – Со стороны...

И машет в сторону Столицы.

– Много? – спрашиваю его.

Кивает, не в силах ничего больше сказать. Трактирщик, что стоял в дверях заведения, старательно натирая полотен-

цем кружку, развернулся, крикнул в зал:

– Чистильщики! Подъём! Все прочь! Живее, Тёмные отродья! Мне из-за вас не хочется на костре погреться! Вставай, рвань! Выметайтесь в свои тёмные земли!

Вот кто молодец! И нашим, и вашим! Нос, что флаг, всегда по ветру. Вчера был услужлив с Тёмными и прочими тёмными личностями, выдоив их кошели, а сегодня уже ярый приверженец Света.

Харлей запряжён, а так как багажа у меня и не было никогда (не считая мешков с доспехом), то я запрыгиваю на коня и поворачиваю к югу. Кочарыш, болезненно сморщившись, похромал следом. Братва как испарилась.

В южные ворота выезжаю первым. Харлей идёт шагом. Не из жалости к двуногой говорящей вещи. Мне бояться нечего. От Светлых я отбрешусь. По мне же теперь совсем не видно, что я их клиент. Первое, что я сделал, вывалившись из опарыша, накинул на себя прозрачность. Именно поэтому слабый, но умелый маг Чижик Камышовый и не увидел во мне мага. И Рык Сумерек, что Мастер Тьмы, не увидел. И Светлые не увидят. А бродячий воин весьма банальное явление для Мира. За что меня сжигать?

– Плохо бегаешь, – выговариваю я Кочарышу.

Он пожимает плечами. Но глаза горят. Он не без основания горд собой, мужик в хорошей физической форме.

– Мы это исправим, – завершаю я. Плечи мужика опускаются.

Спустя час меня догоняет Чижик. Он и так был как безнадежно больной, а с похмелья стал и вовсе бледно-зелёный. Но, блин, верхом! Княжье отродье!

– А тебе что надо? – спрашиваю я.

Мнётся. Как целочка нерешительная. Наконец, промямлил что-то навроде:

– Позвольте мне ехать в вашем обществе?

– Я тебе что, мамочка? Езжай, с кем хочешь. Только предупреждаю, у меня от всяких ваших высокопарных речей раздражение на коже. Понял?

Кивает, радостно. А как мне радостно! Я уже простился с твоим крайне редким и могущественным артефактом, а он сам пришёл, своими ножками. А как будет мне радостно от предвкушения момента, когда ты, балаболка, блаженно-утопическая, забудешь про моё предупреждение!

А потом нас догнали братки Кочарыша. У них оказалась повозка, запряжённая каким-то животным, что было меньше коня, но больше осла. С ослиными ушами. Говорят – мул. Помесь. Быстрая, как осёл, выносливая, как конь. Или наоборот. И жрёт как конь, а тупая как осёл. Но, благодаря повозке, ребята нас споро догнали. Они сложили свои пожитки и оружие в повозку и шли рядом спорым шагом, налегке. Восемь голов, не считая мула и самого Кочарыша.

– Очень символично, – бубнит Чижик, – от Древа Жизни идут восемь ветвей, от Столбицы восемь дорог. И восемь ветров.

– Вещь! – говорю я, смотря прямо, между ушей Харлея.

– Я! – весело отзывается мужик. А он смышленее, чем мне казалось.

– Всеки ему! – приказываю я.

Кочарыш, как пёс, прямо с земли, бросается на верхового Чижика, вышибает его из седла. Они оба падают на землю. Но Кочарыш оказался сверху. И бьёт студента кулаком в бледно-зелёное лицо, сразу разбивая ему и нос, и губы. Замахивается ещё раз. И тут же взвыл от боли, хватаясь за мою метку над своим сердцем.

– Один раз! – мой голос, с толикой внушения, рокочет. – Учись точно воспринимать команды, Вещь!

Кочарыш встаёт, держась за левую грудину, отходит с повинной головой.

– Вещь! – зову я, опять не смотря на них. – Если это недо-разумение ещё хоть слово вякнет, всеки ему вновь!

– С радостью! Ненавижу этих заумных! – отвечает Кочарыш.

– Вещь! – опять зову я.

– Я! – весело отвечает Кочарыш.

– Всеки себе! – велел я.

Кочарыш с огромными глазами бьёт сам себя в лицо кулаком. И сам же хрюкает от боли.

– Твоё мнение никого не интересует, – говорю я, – но, если я у тебя спрошу твоего мнения, а его не будет – накажу. Выскажешься ещё раз без просьбы – накажу. И тебя, книж-

ный червь, касается. Говорить тебе в моём присутствии разрешаю только тогда, когда тебя прямо о чём-то спросят. Понял? Я спросил. Вещь!

– Я понял! – закричал Чижик, выставляя вперёд свои руки с раскрытыми ладонями, – Не надо!

– Всеки ему ещё разок, чтобы запомнил, – велел я. Но тут же остановил: – Ладно, не надо. Он и так запомнит. А забудет, напомним. А захочет поболтать – Мир большой. И из любого места ведут восемь дорог, как восемь ветров, путь катится по любой!

И поехал. Кочарыш, хлюпая разбитым самому себе носом, зашагал рядом. Его братва чуть поодаль. А за ними Чижик. Бледной тенью своих предков.

Останавливаюсь. И все встали.

– Вещь! Что эти люди делают здесь? – спрашиваю я, указывая подбородком на братву.

– Они со мной, – отвечает Кочарыш, сжимаясь и заранее прижимая левую ладонь к отметке на груди.

– С тобой? – удивляюсь я. – Ты вещь. Вещь не может быть во главе людей.

– Не губи! – Кочарыш падает на колени. – Ну, куда они без меня? А-а-а!

Его корёжит от боли. Он забыл, что он вещь.

Подходят все восемь братков. На ходу раскрывая свои тощие грудные клетки. Встают на колени, склоняют головы, говоря:

– Хозяин!

– Вы хорошо подумали, люди? – спрашиваю я, – Вы станете вещами. Моими вещами. Вы будете в полной моей власти. Это даже хуже рабства! Если я захочу, то убью вас в любой момент. Сломаю, выброшу, как ненужную тряпку. Или принесу в жертву. Тёмным богам. А вы даже не сможете попытаться сопротивляться! Вы точно этого хотите?

– Да, хозяин! – отвечают хором.

– Вещь! Вверх! – приказываю я, поднимая руку.

Кочарыш тянется. Он уже стоит на носочках сапог, с хрипом и криком от раздирающей его грудь боли тянется вверх.

– Вы так же хотите? – спрашиваю я.

– Да, Владыка! – опять хором отвечают. Но в глазах ужас. Ёжатся.

Опускаю руку, Кочарыш падает и сворачивается зародышем в утробе матери, скуля, как побитая собака.

– Вещь!

– Я! – вскакивает Кочарыш. Его трясёт. И бьёт крупной дрожью.

– Почему? – спрашиваю я.

– Ты не убил меня, хотя мог! – стуча зубами, отвечает мужик. – Ты даже не подумал забрать свои трофеи, что были мои вещи! Ты самый великий человек, кого мы встретили! А кто мы? Мы и так всю жизнь рабы! Мы сбежали от своих хозяев. Искали лучшей жизни! Но нет у нас другой доли, кроме тягла! И ночью мы решили отдаться в тягло к тебе.

– Не лучший выбор, ребята, – качаю я головой, – не лучший.

– Да где его, лучший, взять? – вскипел Кочарыш, тут же потупившись.

– Встаньте! Я не беру вас. Идите! – отмахнулся я от братьев Кочарыша.

– Почему? – закричали они. И Кочарыш тоже. Хотя и съевшись в ожидании наказания. И зачастил:

– Не сочти за дерзость, хозяин, но ты сам велел иметь своё мнение. Мне надо понять почему?

– Я не обрастаю вещами. – Вздыхаю я, пожимая плечами. – За вещами требуется уход, забота. А зачем мне эти сложности? Нет вещей – нет забот. Потому валите-ка, ребятки, от меня! Я и тебя, Кочарыш, отпущу, когда-нибудь. Или убью. Когда ты мне станешь не нужен.

– Очень приятно слышать, что я всё же нужен тебе, хозяин! – говорит Кочарыш и падает.

Наказал его. Высказал своё мнение, когда его не спросили. И я поехал дальше. Кочарыш, держась за метку двумя руками, потащился следом. Проехал задумчивый Чижик. Потом ещё один всадник, с ехидным взглядом, с такой же ехидной усмешкой, насвистывая какую-то мелодию на дудке. Только тогда эта братва поднялась с колен, оправилась и, коротко посоветовавшись потащилась догонять нас.

К полуденному светилостоянию решил сделать привал.

– Вещь!

– Тут! – весело откликнулся Кочарыш. Я его больше не наказывал, потому настроение его оказалось повышенным. Видимо, мужик по натуре своей оптимист. Или пофигист.

– Привал, – говорю я и указываю рукой. – Вон там. Где столб торчит. С рунами. Если нелепость попытается по поводу столбового знака что прогнать – пресекай. Пусть учится молча жить. Молча учиться. А то за своим собственным треском жизни не видит. Сообрази пожрать чего. И вообще назначаешься завхозом.

– Это что за диковинка? – удивляется Кочарыш.

– Смотрящий за хозяйством. За всеми моими вещами.

– Понял, хозяин. Низко кланяюсь за доверие! – говорит Кочарыш, складываясь пополам, пальцами рук касаясь земли.

– Поговори мне ещё! – ворчу я.

Завхозом Кочарыш оказался толковым. Быстро организовал своих ребят, нашлись у них и припасы, и топливо, и котёл. Каша была, конечно, простая, но мне что, привыкать? Тем более что я и не голоден. Главное не сырая, не подгоревшая. Заправленная салом. Если этот кусок жирной плоти, который настрогали в котёл, сало.

За время привала нас догнала и остальная толпа. Про молчаливого дудочника с вечно смеющимися глазами я уже говорил. Кроме дудки ничего в нем не было примечательного. Одежда весьма простая, прочная, практичная и неброская, оружие – копьё, за поясом нож, больше похожий на короткий

меч, да топор на спине. И заговорённые стальные и не стальные кольца на пальцах, три штуки на каждой руке. Стандартный набор небогатого путника. Весь он такой неброско усреднённый. От угощения отказываться не стал, зато поделился своим набором молотых сушёных трав. Ароматных и подобранных со знанием дела. С приправами и каша стала другим блюдом. В беседах не участвовал, на вопросы отвечал только мимикой и улыбками. Сразу же присел в сторонке, а управившись с кашей, вновь задудел своей свирелью. И получалось у него неплохо. К каждому событию и к каждому человеку у него был свой проигрыш, короткий, но особенный. Ну, да и бог с ним! Будет магнитолой дорожной, музыкальным сопровождением.

А вот шумная толпа, которую привёл Рык Сумрака, что бродячий театр. Каких только клоунов не было! Так и хотелось сказать, что цирк приехал вместе с клоунами. Каждой твари по паре! Начиная от пахарей и сборщиков навоза, развесивших уши и поверивших сказкам про новый миропорядок, где не будет ни господ, ни рабов, заканчивая бежавшими из столицы молодыми мажорами, отпрысками знатных родов, спасающимися от гонений за их участие в пьяном бунте отпрысков знати. Ну и остатки всяких тайных сборищ любителей заморочиться и постичь тайное и неизведанное, подписчиков телеканала Бред-ТВ. Ну и, конечно, сами Тёмные.

И вся эта толпа к нашему котлу.

– Вещь! – тихо говорю я.

– С радостью! – отвечает Кочарыш, принимая из рук одного из младших братьев топор. Солидный такой. Секира, а не инструмент плотника!

Несмотря на всю безалаберность похмелившейся толпы последователей Тьмы, намёк они поняли сразу. Осудили, конечно, но мне на их слова и взгляды... Да я так и сделал – встал и помочился в их сторону. Очертив линию, за которую нежелательно им заходить. Дудочник изобразил что-то весёло-пафосное своей свирелью. Кивнул дудочнику, как признавая, что он молодец. Улыбается, тоже ответно поклонился.

Лёг я обратно на свой плащ, попытавшись вздремнуть. Какой там! Эти тёмные, но сильно грамотные козлы – устроили митинг! С хоровым обличением всех недостатков существующего мироустройства и коллективными грёзами по вероятному будущему и утопическому «новому порядку». А Рык Сумрака у них был проповедником. Пел складно да ладно. Как по-писаному. Заслушаешься.

– Мрачный Весельчак! – слышу я его голос. Ну, вот! Не поминай чёрта всуе!

– Чё тебе? – отвечаю я, даже не поднимаясь.

– Вы против нового порядка? – кричит Рык Сумрака.

– А в хлебало тебе давно не прилетало, а провокатор?! – отвечаю я, всё же поднимаясь. Этот урод что, решил на меня всю эту революционную толпу бросить?

Иду к ним, демонстративно переступаю через свою же

«демаркационную линию». Народ с моего пути расступается. Пока иду, говорю:

– Ты, псина, на кого хлебало разинул? А? Ты решил свою личную неудачу возместить, объявив меня врагом нового порядка? Да что ты знаешь о новом порядке, чернь?

– Как ты смеешь? – визжит Тёмный.

– Как смеешь ты?! Я не участвую в вашем глупом собрании не потому, что я против! – кричу я, останавливаясь и говоря уже не Рыку, а толпе вокруг: – А потому что не услышал от тебя слов, которые бы зажгли моё сердце! Ты не смог нанять меня из-за своего крохоборства и решил опозорить меня перед этими людьми? Так вот я опозорю тебя! За что я должен идти за тобой? За твои слова, что ты за всё хорошее против всего плохого?

Несколько человек прыснули. Я их запомнил. Важно ведь знать, кто именно в этой толпе обладает самым живым сообщением.

– И я против всего плохого и за всё хорошее. Я тоже хочу жить долго, есть сытно, спать мягко, баб крыть самых ладных да складных!

Уже хохот стоит. А я, меж тем, всё ближе подбираюсь к Рыку. Кочерыш с братвой клином за моей спиной. Гагара долеталась, а ты, Тёмный, доболтался!

– Но, я знаю, как мне добиться этого. Я многое умею, потому очень высоко ценю свои услуги. Мне платят полные кошельки золота, и это мне даёт возможность есть сытно, спать

долго и трахать не только Скверных Медведиц!

Уже ржач над всей толпой. Кто не был вчера в трактире, тому, видимо, пересказали этот прикол.

– Не заметно, чтобы ты жрал от пуза! – кричит кто-то.

– Но это же мои проблемы, не так ли? – Развожу я руками, опять поворачиваюсь к повозке, с которой агитировал Тёмный. – А вот я что-то не услышал твой способ, Рык, как всем этим людям есть от пуза, спать вволю и жить по справедливости! Ты не держи в себе, поделись с людьми! Или все твои слова обман? А?

– Новый порядок даст всем... – начал декларировать Рык.

– Бла-бла-бла! – передразнил я его. – Слова твои, что лай собаки. Сотрясанием воздуха полетели по ветру! Не знаю, как всем этим людям, но меня не зацепило, не проняло!

И вот я уже у повозки. Испугались. Готовы к бою. И вот Рык выкидывает последний козырь:

– Ты послан Инквизицией! – визжит он, брызгая слюной и тыкая в меня трясущимся пальцем.

– Серьёзно? – удивляюсь я, улыбаясь, снимаю с себя прозрачность. – Инквизицией? А это кто?

Подручные Тёмного пятятся. Да и остальные тоже. Только «выйдя из себя», увидел, что аура Смерти моя не просто сияние над головой, как у прочих магов, а раскинута за моей спиной, как крылья. Круто, чё! Вот такие нынче пошли «Ангелы Смерти»! Крайне хулиганские!

– Пшёл нах! – шиплю я змеёй, запрыгнув на повозку и

спихивая Рыка ногой. – И не стой у меня на пути, мусор!

Потом поворачиваюсь к людям, говорю настолько громко, чтобы все слышали. И вешаю на себя прозрачность, чтобы не отвлекались.

– Тут меня обвинили, что я против нового порядка! – кричу я. – Я буду честен с вами! Я вас не знаю, вы меня тоже, врать мне вам смысла нет. Да и обмануть вас я и не хочу. Не из корыстных побуждений, не как-либо ещё. Потому могу позволить себе такую роскошь, как откровенность!

Подождал минутку, чтобы волнение в толпе улеглось.

– Я не против нового порядка. – Я развожу руками. – И я не за него. Я пока вообще не знаю, что это за явление такое новый порядок? И этот говорун мне не смог доходчиво объяснить. Как я могу быть другом или врагом того, чего не знаю? А? То-то! Но! У меня есть своё представление о новом порядке. И вот я, собственно, и иду узнать, а что это за порядок? Но за свой порядок, за свои убеждения я готов убивать. И умирать!

– И что же это за порядок? Твой порядок? – кричит из толпы всё тот же мужик с лисьей мордой, что ещё вчера изводил меня своими вопросиками.

– Я не могу сказать словами, – вздыхаю я очень сокрушённо. Подождав, пока уляжется общее разочарование, я «приободрился». – Но! Я могу спеть!

Вставай, проклятьем заклеимённый!

Весь Мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой идти готов!

Признаю, приём нечестный! И вообще сворованный. Но кто меня осудит? Вы хотели о новом порядке? Вот вам:

Мы наш, мы новый мир построим!
Кто был никем, тот станет всем!

Поворачиваюсь к Рыку, говорю:

– Учись, студент! И не стой у меня на пути!

Потом поворачиваюсь к толпе. Они мои! А оно мне надо? Нет! Не надо оно мне!

– Я не буду вас убеждать, что новый порядок – это хорошо. И в обратном убеждать не буду! Вы свободные люди! И не дети уже, должны сами для себя решить, что такое хорошо, а что такое плохо. Раз вы здесь, то ваша жизнь, там, вас не устраивает. Как и меня. А каков он – новый порядок? Я не знаю. Но я узнаю! Потому и иду на юг. Разобраться, что же это за новый порядок? И с чем его едят. И даже никого не зову с собой! Более того, кто со мной заговорит об этом – побую! Познавать мироустройство предпочитаю глазами, руками, умом, хреном, наконец, но словам – не верю! К чему и вас призываю! Засим – откланиваюсь!

Спрыгиваю с повозки, иду на место.

– Что это было? – шепчет Кочарыш.

Пожимаю плечами, забыв наказать свою вещь. Сам не знаю, что это было. А главное, зачем? Появилось стойкое чувство сожаления. Как будто я в приличном обществе уронил штаны, показав всем стыд и срам. Палево, одним словом! Палево! И стойкое предчувствие будущего геморроя. Только головного.

Ввиду плохого настроения споро сворачиваем посиделки. Да ещё и Дудочник, с ехидной усмешкой играет подобранную им мелодию спетой мною в толпе песни, гад!

– Вещь!

– Я! – тут же отзывается Кочарыш.

– Помнится, я обещал тебя научить бегать, – говорю я.

– Да я и не настаиваю! – пытается шутить Вещь, но уныло. Хотя попытка засчитана. Ты, Кочарыш, много более ценное приобретение, чем я думал вначале. За грубой внешностью дубового отморозка скрывается довольно живой ум и сильный характер лидера, за которым люди готовы идти даже не на смерть, а вообще стать вещью. Вещь нужная, хорошее приобретение. Потому:

– Бросай всё. Бросай, бросай! Бегом!

Кочарыш побежал трусцой, оглядываясь. Братва подобрала его топор, ножи, части доспеха, которые всё одно сидели на нём, как седло на корове.

– Вы ещё здесь? – лениво интересуюсь я.

– Мы – как он! – упрямо нагнув голову, отвечает самый старший из них. И это тоже примечательно. Кочарыш не пер-

вый по старшинству брат. А по факту – первый.

Я тронул Харлея. Братва, поняв, что разговор не закончен, поспешила пристроиться, спешно закидывая в повозку наши вещи.

– Он – моя вещь, – говорю я. Лениво, негромко, будто размышляю вслух. – Мой меч. Мой молот. Моя стрела. И подобно наконечнику стрелы, я буду прокаливать в горне, закаливать ледяной водой, тереть острие жёстким камнем, снимая стружку, затачивая, так и его я буду пытаться, закаливать и затачивать. Возможно, для того, чтобы сломать в бою, разя врага. А может, и просто пропить его в пьяном загуле. Я пока не знаю. Но однажды я пошлю его на смерть. И он должен будет, как стрела, очень быстро добежать до врага и сразить его, только затем умереть. Но вы – как он! А вы сможете, как он? Он будет осматриваться на вас. Вы отстали, и он не успеет. И что это мне даст? Вещь пропала напрасно, цель не достигнута. А зачем мне вы? Загубить хорошую вещь?

Вся восьмёрка спешно скидывает с себя сбрую, бежит догонять Кочарыша. Невольно закатываю глаза – мула бросили. А этот тупой мутант ушастый сразу же встал и ушами с хвостом мотает. Мне его гнать?

Дудочник, всё так же язвительно поглядывая, привязывает своего коня к повозке, садится за управление. Тут же затянув долгую и тоскливую мелодию. Не прекращая ехидно улыбаться. Но мул под эту мелодию начинает резвее переставлять копыта. Блин! И этот вписался в обойму! Лов-

кий парень! Вон, вся эта полубезумная революционная толпа сразу отстала.

Хорошо-то как! Тихо, спокойно!

Только вот братва выдохлась почти сразу. Спешился. Хочешь чему-то научить? Не рассказывай, как сделать, а покажи. Помоги им самим научиться делать. Иду скорым шагом во главе братвы. Потом бегу лёгкой трусцой. Несколько минут. Опять иду скорым шагом. И пусть попробуют нас догнать!

И так до самого привала. Они и сами не знали, что такое вообще возможно. Бежать несколько часов подряд. Отмахав ногами конный переход.

– Вещь!

– Я! – уныло откликается Кочарыш.

– Как насчёт поужинать?! – невзначай интересуюсь я.

– Будет сделано, хозяин! Виноват!

И братва, трупамися валяющаяся в пыли, зашевелилась. Тот же! Подыхать они собрались! Так я вас и отпустил! Ваше время ещё не пришло.

А вот кто-то сильно зажился на этом свете!

Утром нас нагоняет испуганный Чижик. Весь его вид говорит, как его распирает поделиться с нами новостью, но нам некогда. Динамо – бежит, и мы тоже. Все бегут. Только самые хитрые на дудке играют и в ус не дуют. Остальные бегут.

– Ладно, – сжалился я. – Что там у тебя, нелепость?

– Тёмный Мастер пропал! – выдохнул Чижик, выпячивая глаза. – Бесследно! Вместе со своими людьми!

– Ай-ай-ай! – говорю и качаю я головой в такт шагам. – Какой нехороший человек. Редиска, буквально! Навухудоносер! Сбежал! Ай-ай-ай! Петух гамбургский! А создавал впечатление такого важного и степенного... козла!

И все ржут. Прямо на ходу. Вообще-то я был один в этом ночном промысле. Но, когда вернулся, встретила меня тихая трель дудки и вопрос Кочарыша:

– Как прошло?

Теперь новый камень накопителя в моём кармане. А золотые безделушки и монеты в поясном кошеле Кочарыша. Он же у нас завхоз?! Так и бежит с этим дополнительным грузом, боясь расстаться, хотя золото один из самых тяжёлых и плотных металлов. А шмотьё Тёмных в повозке. Вместе с их артефактами. Под задницей Дудочника. Который никак не изменил ехидной своей морды. Может, у него такое выражение лица врождённое?

– А что вы делаете? – спрашивает Чижик.

– Вещь!

– С удовольствием!

Но Чижик дал шпор коню, сбегая. Но через часок, а может, чуть больше вернулся. И стал, молча, ехать рядом с повозкой. С таким лицом, будто просто едет мимо. Попутно, так сказать.

Мне это не понравилось. Как знал, Чижик оказался лишь

первым. К вечеру пыль нашей повозки глотала уже целая толпа молодых верховых бездельников. Тоже делающих вид, что они просто едут по своим делам. А их нахождение рядом с нами, их движение в нашем темпе простое совпадение.

Утром уныло смотрю на всю эту толпу. Верховые все уже перешли к нам. А вот пешая голытьба остались где-то там, на дороге.

Молодцы, что сказать?! Сначала сбили мужиков с жизненной колеи, смутили им головы сказками о Тёмном Царстве Небесном, а как начались мутные непонятки с бесследным исчезновением лидеров, то бросили стадо мужиков на произвол судьбы.

Хотя! Так им, колхозникам, и надо! Сидели бы в своём навозе и не чирикали! Ишь, чё удумали! Как та скверная баба, задаром захотели судьбу поменять. Владычицей морскою стать! Думали, что устои общества так легко ломаются? Если ты родился расходным материалом, то и сдохнешь им же. Что могли эти мужики? Лишь поменять цвет. Были они мужиками Светлых Владык, станут рабами Тёмных. Только вот, похоже, что не только до мужиков, а даже до отпрысков знати этот простой закон мироздания не доходит. Они тоже решили «соскочить». Перейти «на мутную сторону силы». Познать её мощь.

Да я и сам до сих пор не понимаю, что их всех так манит эта «тёмная сторона»? И не понимал никогда! Добровольно стать изгоями, всю жизнь быть отбросами общества! Зачем?

Что бандиты и гопота, что гангстеры всех мастей. Ну, не понимаю я – зачем?

Всю свою я жизнь... жизни, получается, не одну жизнь, боролся как раз с такими вот уродами, выбравшими «тёмную сторону». Но так и не понимал их, что ими движет?

Ведь психологически много более комфортно причислять себя к «хорошим парням». И не испытывать сильный разрыв мозга от осознания, что ты «не на той стороне». Быть «правильным» – хорошо. Быть «плохим» – плохо. Ведь так? А вот и нет! Всегда есть и будут люди, что бандитами и преступниками становятся не по нужде, а из идейных соображений. И такие много хуже мужика с вилами на Большой Дороге.

Преступник же изгой в обществе. И он это знает. И ощущает душевный дискомфорт от этого. Подсознательно всем же хочется быть «хорошими»? Так ведь? Нести добро, желательно охапками, да домой, в закрома, лучи бобра, и всё такое. Так зачем вся эта шваль с радостным предвкушением летит, как мотылёк на свет, на юг, пожираемый Тьмой и Смутой? За мифическим новым порядком? Да им любую пургу по ушам прогони, всё одно же бегут.

Так что хорошего в «тёмной стороне»? Чем она так манит всех? Не понимаю. Ну, не понимаю я!

Братва сворачивает лагерь. Кочарыш стоит рядом со мной, тоже смотрит туда же, куда и я. Молчит, чувствуя моё скверное настроение.

– Сон мне приснился, – говорю я, – на восход Светила

идём.

Кочарыш лишь кивнул. И усмехнулся, когда увидел вытянутую морду Чижики. Братва вопросов вообще не задавала, Дудочник только наигрывал на своей дудке, ему, похоже, вообще всё равно, куда идти, лишь бы идти. Ехать. На козлах нашей повозки. А вот «тёмные», так их буду именовать, всей кучей – заметались. Чувствуя, что я просто кидаю их.

Противны они мне. Все! Даже Чижик. Тоже мне, княжич! Вместо постижения премудрости и хитросплетений управления вверенной ему судьбой землёй и людьми занимается умственным самоудовлетворением. Древами Жизни, оккультными науками, прочей дребеденью.

Как же он не похож на Волчонка! Хотя Волчонок второй сын. Наследником готовился стать Молодой Волк. Но и у Волчонка стальной лом всунут в зад, вместо позвоночника! Да, бухал. А кто в молодости не пропился, тот в зрелости сопьётся! Но, как только услышал, что Смута пришла в отчий дом – ноздри раздул, глаза загорелись, зубы оскалил и в бой рвётся. Это со мной он был просто молодым парнем. А как он вёл себя с теми же бойцами Дубняка? По осанке, по взгляду, по голосу, сразу видно – Владыка! Лорд, ёпта! Рождён повелевать! Готов принять ответственность за Княжество, хотя до кипятка по ногам боится этого. А ещё больше боится проикать Княжество, не оправдав доверия, посрамить предков.

А этот? Сопля зелёная! Вон, и сейчас мечется, не знает, с

кем ему – с умными или с красивыми?! И хочется, и колется, и мама не велит. Целочка, гля! Как можно быть таким нерешительным? Княжич! Какой, к демонам, он княжич! Не то что жена им будет управлять, вертеть им будут даже половойки! Такая рохля на престоле – скорый и кровавый раскол Княжества. Как так получилось, что рождены оба от князей, воспитаны одноподно, росли в одной среде, учились по похожим программам в одном учебном заведении, но столь разные характеры?!

Тьфу на него! Ничтожество! Всё же за нами увязался. С частью молодых бездельников. И даже с одним настоящим Тёмным. Контролит меня, что ли?

Да и пох!

– Слышь, Дудочник? – кричу я. – Споём?

Мы шли по тайге – дни

Живых нет нигде. И

Все земли в тиши.

Сотни вёрст и не души...

Мёртвый рассвет,

Как же много бед

Он нам принёс!

Здесь тайна, Мира окраина

Древний Ужас из глубин глядит на меня.

Эта Явь тает, Дьявол знает,

Что за Зло в своей глуши скрывают тайга?

Я не боюсь, я доберусь

До правды. Силы соберу
Не уступлю! Я зло сотру.
Я – помню! Спокойно, Смерть – понимай!
Путь Воина не покидай!

Путь вёл на восток. Там
Был Дьявол жесток. К нам.
Он нам озеро слёз
Показал. И я всерьёз,
Гневно сказал:

«Ты ответишь мне
Кровью за всё!»

Здесь тайна, Мира окраина
Древний Ужас из глубин глядит на меня.
Я и сам – Тайна! Злой Дух, Война.
Наши души навсегда поглотят тайга
Я – не боюсь, не отступлюсь
От правды. Силы соберу
Бой не сдаю! Пусть я умру.
Я – помню! Достоинно Смерть принимай!
Честь Воина не потеряй!¹

И так вот, под дудочно-песенное сопровождение аналога «Нашего Радио» для бедных и скверных миров, этим нашим бегающе-ходячим маршем бежим несколько десятков часов. Пока не упираемся в эпический такой овраг. Эпически огромный – длинный – от горизонта до горизонта, глубокий, с крутым обрывом и шириной в несколько десятков

¹ Павел Пламенев «Путь Воина».

метров. Будто и правда упёрлись в край этих Пустошей. Чижик невольно цитирует только что улышанное: «Тайга!». В этом языке, на котором тут все говорят, слово «тайга» тоже есть. Только означает оно не бескрайнее зелёное море хвойного леса, а как раз обратное – «место, где закончились все пути-дороги». Пустошь. Край Пустоши, где закончились все дороги.

Устроили привал.

– Вещь?

– Я!

– Кто у тебя самый ловкий? – спрашиваю я. Просто я «вышел из себя», чтобы осмотреться.

– Младший. Побег, – отвечает Кочарыш, выпрямившись, осмотрел эти бескрайние Пустоши, уперся взглядом в овраг. А пацанёнок тут же вскочил, как подброшенный пружиной.

– Да-да! – киваю я. – Внизу гнёзда каких-то птиц, хотя скорее ящериц крокодиловых, и норы грызунов. Они живые, не скверные.

Братва, только что помиравшая от марша, засуетилась. Потрошат повозку. Нашлись у них и лук, и силки, веревки и даже сеть. И всей толпой пошли к обрыву.

– И топор прихвати, – говорю я, – там деревья чистые стоят у источника. Надо древесины заготовить. У корня не руби, не губи живое. Да и водичку надо попробовать. Может, хорошая, не яд?

Пока братва суетилась, я отдыхал. Надо было подумать,

провести кое-какие изыскания. Будто чувствуя мой настрой, Дудочник затянул что-то очередное, но медитативное.

А «прилипалы» – мечутся. Вот ко мне направил стопы тот самый Тёмный. Встал надо мной. Смотрит презрительно.

– Я тебе сейчас гланды через зад вырву, – честно пообещал я ему, даже не открывая глаз.

– Что мы делаем тут? – спрашивает он меня.

– Я отдыхаю, – отвечаю я, не только не сменив положения, но даже не открыв глаз, – мои люди промышляют. А вот что ты тут делаешь? Иди отсюда!

Не уходит. Открываю глаза, смотрю на него, сняв прозрачность.

– Пшёл вон, падаль! – рявкнул я на него. Снесло, как пёрышко порывом ветра.

– Задолбали вы меня, уроды! – кричу ему вслед.

– Ты же обещал довести нас! – кричат из кучки «прилипал».

– Вы что, совсем мозгом размягчали? – кричу в ответ. – Я никому и ничего не обещал! Тем более таким ничтожествам, как вы!

– Ты сказал, что идёшь на юг, узнать, что такое новый порядок!

– Иду. Говорил. Но кто вам сказал, что я идти буду прямо по дороге и без остановок? А кто вам сказал, что я обязуюсь идти в вашем гнилом обществе?

– А почему ты оскорбляешь нас?

– А ты мне вызов брось! – усмехаюсь я. – Может, тогда я уважу тебя? Твой труп! И вообще, я вас с собой не звал! Не нравится моё общество – вон твой конь, вон дорога, вон он, юг! Вперёд! И с песней! А уж коли решили остаться, так соблюдайте тишину! Мне ваши младенческие пiski мешают.

Ребята достали из оврага дичь и яйца, наполнили все имеющиеся ёмкости свежей водой, а я их всех заставил вымыться и выстираться. В первую очередь на помывку загнал Чижика. И заставил собственноручно всё его облачение выстирать. К этому времени Светило уже припекало, ветерок дул слабый, тёплый, не гоняя пылевые бури. Толпой голых мужиков братва сидела вокруг котла, истекая слюной. Свежее мясо с травами и крупами, с накопанными в овраге корешками пахло столь одурманивающе, что братва истекала слюной. Да что братва, «прилипалы» стали жаться к нам!

Усмехаюсь. Проучить их, что ли?

– Ну, мужики, пришло время, – говорю я братве. Встают. Вслед за Кочарышем. Его метка уже не была красным ожогом. Выглядела старым клеймом оскаленного черепа. Кочарыш без слов, одним взглядом выстроил голых, прикрывающих стыд руками, братьев в рядок. По росту.

– Я дал вам время подумать, – говорю я, встав перед строем. – Кто ещё хочет стать моей вещью – шаг вперёд!

Все шагнули разом. Прохожу вдоль стоя. Открытой ладонью выжигая у них на груди знаки. Просто без знаков этих, оказалось, очень тяжело поддерживать их. Без подпитки их

сил с моей стороны разве они смогли бы бегать, как кони, целый день? И если Кочарыша я поддерживал не напрягаясь, на полуавтомате, он мой, то вот питать сразу восемь человек, преодолевая их естественной иммунитет на чужеродное ментальное воздействие – надоело.

– Вещи! – командую я.

– Я! – хором отвечают все, поднимаясь. Их всех трясло. Даже Кочарыша. Но стоят.

– С этого дня у вас начинается новая жизнь. По новому порядку, – усмехаюсь я. – Вы-то как раз до него уже дошли. Перво-наперво, мои приказы и указания не оспариваются. Осмысливаются – обязательно! Но лишь с целью полного раскрытия замысла для его полного и наилучшего исполнения, но не оспариваются! Принимаются на веру. Потому как первое – я всегда прав. Второе. Кто считает, что я не прав – смотри первое. Напоминаю, первое – я всегда прав.

Усмехаюсь. Дудочник выдал весёлую трель. Он понял юмор, а вот братва нет. Смотрят преданными глазами. Рождённые слугами. Рабами.

– Дальше... – говорю я, – с этого дня чистота – ваше второе имя. Не потерплю ни грязных тел, ни грязных рук, ни грязных слов, ни грязных мыслей. Сквернословить и придумывать пакости можно только мне. Понятно?

Кивают.

– Запоминаем простые истины: чистота – залог здоровья. Мне ваши болезни не нужны. Прибыю и брошу в ближай-

шую яму, чтоб не смердили. Надеюсь, поняли. Все занятия терпим стойко и мужественно. Про закалку и заточку моих стрел я вам уже говорил. Следующее, в здоровом теле – здоровый дух. До этого мы ещё доберёмся, обещаю.

И улыбаюсь так, что их опять начинает бить дрожью.

– И последнее на сегодня, перед тем как что-то засунуть в рот, морда лица и руки должны быть вымыты с мылом. Мне дристающие вещи без надобности. Исполнять!

Только вот мыла не было. Потратили всё на стирку.

– Вещь!

– Я!

– Я разве спрашивал, почему не сделано? Нет? Исполнять! Мне всё равно как! Добудь, достань, укради, роди, мне – едино! Но сделай!

Чижик поделился мылом. Добровольно. Братве даже не пришлось его бить. А с ним поделились нашей пищей. Упле-тал за обе щеки. Свежая крольчатина и «утка» из ящерицы водоплавающей это тебе не солонина конская.

После обеда оделись в подсохшее, но ещё влажное, выстроились.

– А посуда? – удивился я. – Чистота не может быть местами. Или всё чисто. Или нет.

Спускают вниз всё в мешке. Там натирают всё до блеска песком, промывая сточной водой.

Вот теперь можно возвращаться. Братва, на бегу, переглядывается. У меня, в новом теле, силы немеренно. Подпитка

их через мои знаки проходит полуавтоматически. Как и моя подпитка от окружающего мира. Если прозрачность снять. Ночами я «машу крыльями». Потому летят, как молодые жеребцы.

А какая морда лица была у Чижика! Прямо не кайф, а улада! Отдельное наслаждение наблюдать, как он давит в себе вопросы, давит своё любопытство. Но боится сам спросить. А я специально смотрю на него только из режима «вне себя». Демонстративно отвернув голову, чувствуя его эмоции через свою метку. Пусть думает. А то привык легко получать информацию из книг, да от ещё более начитанных книжных червей, пользуется опытом поколений. Даже не пытаюсь включать белковый центральный процессор, по ошибке называемый мозгом, в его случае по ошибке, чтобы осмыслить полученные данные.

Возвращаемся на дорогу. Бежим по следу «голытьбы». И к вечеру их догоняем. Для этого, собственно, мною и был устроен весь этот спектакль. Ну, не могу я бросить мужиков! Не могу! Они же, что овцы безмозглые, сгинут! А ведь я помню! Честь воина – не потеряй!

Хотя Светило уже склонялось к закату, проходим, не пробегаем, хотя могли, а именно проходим через расступающихся мужиков и редких баб крайне *глядского* вида, чешем дальше. Они, всей толпой, сначала окрылились нашим появлением, обрадованные, что мы не враги (они изрядно струхнули, увидев пыль за спиной), теперь были сильно озада-

чены. Потому смыкаются прямо за повозкой Дудочника и плотным потоком текут за нами, прибавляя шаг, боясь отстать. Ну, точно бараны! Стадо. Не могут без вожака. А кто их ведёт, баран или волк, не важно. Куда, на заливные луга или на бойню – тоже не важно. Лишь бы кто-то шёл впереди, избавив их от мук выбора и невыносимости мыслительного процесса.

На привале гул рассерженного улья. Братва делится впечатлениями, мужики передают байки из уст в уста. С неизбежными искажениями. Иногда до выворачивания изначального смысла наизнанку. И это тоже привычно и ожидаемо, потому я не вмешиваюсь.

Ко мне никто не лезет. Как и к верховым «прилипалам». Впитанное с молоком матери сословное различие не позволяет. Как бы ни кричали, что «кто был никем, тот станет всем». Сохраняют дистанцию. А кто был никем, тот ничем и сдохнет. Даже если родился из княжьего чрева. Это я про Чижика. Что всё ещё трётся подле меня. Пытается Дудочника довести до белого каления. Но музыкант хитрый. Только хмыкает. Ни слова от него не добится.

Утром, впрочем, ожидаемо целая толпа с голыми грудными клетками.

– Вы мне не нужны, – усмехаюсь я. И запрыгиваю на Харлея. Хватит, поиграли «в ротного Сашку», будет.

Еду верхом. Братва идёт колонной по двое. Быстрым шагом. Потому как темп задаю я. Пошли я Харлея в галоп –

и они побегут. Но мне надо, чтобы вся эта гольтьба шла с максимально возможным для них темпом. Да, я беру их под свою ответственность, ведь кто, если не мы? Но это не значит, что я буду с ними сюсюкаться и не буду их переделывать. Я им не нянька. Хотят следовать за мной, тогда пусть приложат усилия. Я неволить никого не буду. Пустошь открыта. Вали на все четыре... ах, да, ввиду открывшихся новых обстоятельств, на все восемь сторон света. Или на восемь сторон Тьмы.

Дудочник очень быстро смекнул, какой именно я выбрал темп. Конечно, привычный для меня темп хода, темп марша. И заиграл маршевую мелодию. Уже к вечеру народ шёл в шаг, маршируя. Ничё! Втянутся!

Мы ещё удивим весь Мир! Как армия крестоносцев ненецких, бравшая Елисейские поля, удивилась, что краснознамённый противник этих крестопродавцев от их танков уходит пешком. А как они удивились через полгода, что эта же кумачовая армия и наступает не менее шустро. С ещё более ходким темпом! По снегу, навалившему по поясной ремень. Настолько ох... и удивились, что так и околели все в излучинах великих рек.

Удивляюсь сам себе. Неужели я собрался из них армию лепить? Хотя... Верно говорят, что наш человек за что ни возьмётся, всё одно оружие получается. А кто-то другой из наших заклятых друзей сказал, что «нашего» и одного на целый мир много. И я, демон меня раздери, собираюсь утвер-

дить оба эти высказывания. Буду делать пулю из навоза, раз больше не из чего, и докажу, что меня для Мира много. Меня одного – для целого Мира!

Так, где мой губозакаточный карандаш?

– Великий... – обращается ко мне Чижик.

– Вещь!

– Готов!

– Ещё раз назовёт меня... оскорбительно – всеки!

– Понял! А можно сразу?! – Он же думает, сейчас оскорбительно.

– А как мне обращаться к вам? – удивляется Чижик, весь напряжённый в ожидании удара от Кочарыша.

– Вещь! Как ему ко мне обращаться? – спрашиваю я.

– Никак! – пожимает плечами Кочарыш. Он уже настолько освоился с маршем, что шёл в кожаном панцире и стёганке под ним, да ещё и свою секиру волок на плечах, как коромысло, повесив обе руки на древко.

Чижик опять надулся и отъехал.

– Прежде чем задавать вопросы, подумай, какие ты можешь получить ответы, – говорит Дудочник юноше. – Так, глядишь, и спрашивать незачем будет.

О-па! Дерево заговорило. Настолько все привыкли, что музыкант бессловесен, что обернулась вся братва, до единого. А Кочарыш даже удивлённо присвистнул.

– Вещь! – одёргиваю я его.

– Я! – подобрался Кочарыш.

– Вечером всеки им обоим, – вздыхаю я. – Музыканту за несвоевременность и болтливость, а Никчёмности за провокацию.

– Сделаю! – оскалился Кочарыш.

А Дудочник при этом поклонился мне так, будто я не избить его приказал своему палачу, а наградил его.

А на закате подошли к городку. Ввиду позднего времени суток ворота были уже закрыты. Настаивать мы и не стали, расположились лагерем подле стен. Прямо на стерне убранного поля. Загадим поле – сами виноваты. Что не пустили в город. И вообще, мы так обиделись на горожан, что утром обошли город полями и пошли дальше. Всё верно городская стража рассчитала, что навара с кучи мужиков никакого. Не с жиру мужик с насиженного места срывается. Ну, тогда и не удивляйтесь, когда обнаружите утром, что ваш город аккуратно ограблен. Мы-то – при чём? Мы же у вас на глазах и за валами городскими ночевали. Сами же не пустили нас в город! Думайте да коситесь на «прилипал», что успели в город проскочить. Нам они не товарищи. Как гусь – свинье.

Забыл! Блин! Гуситы!

– Вещь!

– Я!

– Бери братву, разворачивайте оглобли и бегом в город, что мы прошли. Купи тягловый состав. Ну, и припасы.

– Что купи...? А-а! Понял! У них теперь цены подскочат, – задумчиво протянул Кочарыш.

– Торгуйся, ругайся. Мы тебе всем миром последние медяки, слышишь, медяки, собирали. Торгуйся до хрипоты. Не выторгуешь, плюнь. Повозки, желательно, тяжёлые, крепкие. Как камневозам. И быки. Или такие вот уродцы, как это чудо ушастое. Коней мы не осилим. Бедные мы, кхе-кхе!

– Сделаю, Владыка!

Братва, расхватав дреколье, побежали по Пустоши, вдоль толпы, обратно в город.

Народ проводил их унылыми взглядами. И было от чего приунуть. В город нас не пустили, от «прилипал» остались только Чижик и несколько молодых пацанов, непонятно почему отколовшихся от остальных. Не считая того хитромордого. И этим утром многие доели последнее. У многих больше не было припасов. И большинству не на что было купить не то что кусок мяса, а даже недельную лепёшку из отрубей и зерновой шелухи.

На полуденный привал встали сильно раньше, чем обычно. И простояли сильно дольше, чем обычно. Но даже это не позволило дожидаться Кочарыша. Чтобы народ не скучал, я не стал отгонять Бродяг, как обычно, а наоборот, призвал их. И пускал их «в расход» на толпу по одному, и с разных сторон. Ну, чтобы наверняка избежать жертв среди мужиков. Уж навалившись кучей, одинокого мертвяка затаптывали относительно легко. Да и я не давал Бродягам разгуляться в полную силу, придавливал.

Что примечательно, я всё это время лежал с закрытыми

глазами, руки за голову, как на пикнике. Дудочник, видя это, тоже расслабился, продолжал помешивать варево, правда, держа топор на коленях. А вот Чижик и трое пацанов крутились вокруг с обнажёнными мечами, задёргав своих коней. В упор не замечая моего намёка, моей безмятежности.

Когда мне это надоело, а варево было готово, открыл глаза, сел.

– Владыка! – кричит Чижик, срывающимся от страха или от волнения голосом. – Нежить!

Похоже, он подумал, что я тупо проспал нападение Бродяг.

– И чё? – удивляюсь я. – Первый раз, что ли? Ну, Светило – в небе, ну, Пустошь, ну, день сегодня безветренный, ну, Бродяги. Чё орать-то? Ты ковырялку-то свою убери. А то потеряешь. Папенька заругает. Родовой клинок, небось. Иди лучше, каши пожуём. Музыкант, вон, на всех наварил, а братва ещё трётся где-то. И вы, молодые люди, перестаньте коней дёргать. Никогда Бродяг не видели?

– А если мужики – не сдержат? – удивляется один из них.

– Ну, не сдержат, так не сдержат, – пожимаю я плечами, кивнув Дудочнику, принимаю от него миску с кашей, доставая из сапога композитную ложку, выращенную анадысь из брони на бедре, разворачиваю тряпочку, в которую ложка была завернута.

– Эй! Народ! – кричу я мужикам. – Того вон Бродягу, красивого, ко мне пустите! Он совсем чистый, не будет вонять!

Мужики разбегаются. Бродяга прыгает. С визгом. И рассыпается на составляющие прямо в воздухе. Черепушка докатывается до моих ног. С гэканьем отправляю её, как футбольный мяч в ворота, в Пустошь.

– И незачем так орать, – говорю я набитым ртом. Под рёв торжества мужичьих глоток. Тем более что и поток Бродяг «иссяк». Остальные пошли бродить по своим делам. А мужики потянулись к нам. Дудочник каждому бросал по ложке каши. Причём не у каждого даже была тара столовая. Некоторым кашу накладывали в сложенные чашечкой ладони. А я морщился. Прямо в грязные руки! Даже у женщин грязные.

Кочарыш пригнал три воза уже на вечернюю стоянку. Три огромных воза, белых от остатков каменной пыли и камня, который на них перевозили, с мощной рамой, с крепкими и высокими бортами, с толстыми и огромными колёсами, оббитыми медными полосами-шинами. В каждой – по два быка.

– А кормить их чем? – вздыхаю я. – Где коров этих пасти? Потому и медленно шли, что бык – животное тягловая, а не беговая. Но наш темп марша и не сильно отличается.

– Вещь!

– Я! – отвечает сияющий Кочарыш.

– Народ весь извёлся, – говорю я и киваю головой на мужиков, – поработай с людьми, поясни им, что такое – хорошо, а что такое плохо. А я послушаю. Заодно узнаю, как ты сам усвоил урок. Вперёд! Стоп! Назад! Слушай новый урок.

Урок короткий. Кто не работает, тот не ест. Кто не ест, тот не есть. Улавливаешь логическую цепочку?

– Кто не работает, того нет! – хмыкает Кочарыш. – Кто не с нами, того мы в упор не видим!

– Урок окончен! Вперёд! – киваю я и махнул рукой, отпуская вещь.

Опять падаю на расстеленный плащ, руки за голову. Когда я «вне себя», тогда мне вовсе не надо глазами смотреть. Вижу не только, что все делают, не только слышу, что говорят, а даже чувствую, что при этом испытывают.

Хотел сказать «что думают», но оказалось, что не все присутствующие ведут осмысленный образ жизни. А я ещё хотел их поспрашивать, почему они перешли на «тёмную сторону»! А многие бы мне и ответить бы не смогли! Ничего кроме мычания и тупого ответа – «Потому что!» Оказывается, не все умеют не то что мыслить логически и хоть как-то анализировать происходящее, многие просто не умеют думать. Думать словами. Умея как-то разговаривать. Хотя поугай же тоже слова произносит.

Потому как не имеют привычки осмысливать свою жизнь, живут рефлекторно. Это не в минус этим мужикам. Просто так они живут. Так проще. А зачем им мыслить? Они всю свою жизнь жили по одной, довольно простой программе. Как и их предки. Примитивная тяжёлая работа от рассвета до заката. Пожрать, поспать, спариться. Жизнь, как в круговой колее ослика на привязи водяного насоса. Инстинкты.

Их деды прожили такую же жизнь. Зачем им лишние мысли? Зачем им вообще мысли? Все же уже придумано до нашего рождения, вырублено топором в традицию. Живи, не напрягай бестолковку.

Умственная деятельность ведь самая энергоёмкая. Она же, черепная кость, жуть какая энергозатратная. А их хозяйева знают лучше, куда потратить их энергию. На думание и ковыряние в носу у мужика нет не только желания, но и возможности. Да и не нужно ему это. Начал думать – в срок не справился с чудовищно важной работой «бери больше, кидай дальше». Зачем думать, если есть традиция – набор программ на все случаи жизни? От рождения и до похорон – всё забито в обряд. Не надо ничего придумывать, делай как положено и всё будет правильно сделано. И будет тебе почет и уважение среди таких же мужиков и баб.

А вот сейчас мужики выкинуты из привычной колеи. И растеряны. Ничего не понимают. Они просто не умеют думать. Их не научили. Потому чувствуют себя, как вышвырнутые голяком на мороз и в метель.

И не их это вина, что не умеют думать. Оно им и не надо было. И не они приняли решение покинуть традиционный путь предков. Покойного Рыка научили набору лингвистических программ, набору пламенных агиток, вышибающих мужика из колеи. И тут же мужик впал в панику, он же не понимает, что происходит. А мужик в панике – жертва. И тут его и ждали ушлые Тёмные. «Не надо думать, мужик, мы

уже всё придумали! Слушай нас, делай, как мы говорим, и будет тебе счастье и гармония на душе!»

Тёмные вышибают мужика из привычной среды обитания, воздействуя на естественные желания и страхи живого существа – желание всего-всего, да побольше, побольше. И чтобы ничего за это не было. А как мужик повёлся, он уже твой! Не способному мыслить мужику невтёрпёж всучить эту тяжкую ношу думания, выбора из множества неизвестных с неизвестными последствиями, страха этих последствий и осознания тяжести ответственности за принятое неверное решение на чужие плечи. Любые плечи, но лишь бы не на свои собственные. Готовая жертва. Лох. Которого ждут кидалы всех мастей. Тёмных научили, как выглядеть достаточно уверенными в себе, как и что говорить, чтобы создать впечатление достаточно разумного индивидуума, которому можно доверить свою судьбу. И вот нишу Хозяина в головах мужиков заняли Тёмные. К облегчению самих мужиков. Только вот Тёмные – не хозяева.

Хотя! Сами «хозяева» те ещё подгнившие овощи! Далеко ходить не надо! Вот они, эти четверо. Цепи знати на всех четверых. Но чем их путь отличен от пошедших по той же скользкой дорожке мужиков? Ничем! Те же «мужики», но на ступень повыше. «Манагеры среднего звена, офисный планктон». Мужики с цепями. И для них нишу хозяина – князя, императора, наместника Триединого – заняли Тёмные. А сами они так сильно не хотят занять нишу Хозяев му-

жиков, что сбежали во Тьму. Точно так же не хотят выбора из множества неизвестных, с неизвестными последствиями, страха этих последствий и осознания тяжести ответственности за принятые неверные решения. И если мужик ошибся, то его выпорят, то вот цена ошибки Знатного много, много выше.

Почему они выбрали «тёмную сторону»? Не знаю. Может, потому, что она «тёмная»? Пока неизвестная им. Просто другая. Любая другая. Тёмная сторона как альтернатива традиции?

И я их прекрасно понимаю. По себе знаю. Помню, с каким облегчением мы с... с *ней* – отказались от судьбы, от пути, спрятавшись за масками «обычных» мужика и бабы. Какую эйфорию дарило осознание отсутствия прессы ответственности на загровке! Кайф! Никакое вино не даст такого чувства лёгкости и такого чувства отрыва от земли, ощущения крыльев за спиной.

Вот откуда Смута! Вот откуда она зарождается, вот что её питает! Смута начинается не в землях за горизонтом. Она начинается в тёмных закоулках своей собственной души! Как в той песне, лишь дьявол знает, что за зло в своей глуши скрывает Душа.

И потому я верю, что в Тёмных Землях я найду не каких-то мифических демонов, а таких же мужиков и пацанов, убелённых сединами, но не повзрослевших, какие сидят вокруг меня и лопают кашу. Самые страшные демоны не где-

то в подземельях, не на той стороне Мира, и даже не в Преисподней. Они – в тебе. В тех уголках твоего сознания, в которые ты боишься заглянуть. И чем больше ты боишься познать себя, тем страшнее и сильнее эти демоны!

И это давно всё известно. Часто высказываются все эти выводы довольно прямо, не скрывая. Но, услышать их, понять – всё одно, что заглянуть демону прямо в лицо. В своё собственное отражение в зеркале. Невыносимо! Страшно!

Есть и технологии ухода от Смуты. Разработаны они всюду, где есть разумная коллективная жизнь. Для защиты тех, кто не способен защититься от демонов в себе, и придумана традиция. Набор простых действий, обрядов, следуя которым будешь вне власти демонов.

Самая наглядная в этом смысле армейская дисциплина. Начиная от регламентирования и упорядочения, полной загруженности всей жизни человека, каждой его секунды, разными заботами, пусть порой и пустыми, ритуальными, но ни на секунду не оставляя его наедине с собственными демонами. И заканчивая простой подменой одних демонов другими, своими, правильными, мотивирующими и двигающими барана в нужную сторону. Страх смерти, например, заменяется ужасом перед гневом собственного сержанта. И молодой баран бежит в полный рост на пулемёт, смерти от пули опасаясь меньше, чем крика и взгляда собственного сержанта.

Для более сообразительных баранов более продвинутые

программы. Та же образованная знать живёт в своей традиции, с гораздо более широкими колеями, но со столь же, если не более жёсткими рамками. И программы эти более заморочены, с ответвлениями неосновных квестов, например. И для них есть своя ловушка. Привыкшие к переработке информационных массивов, что подразумевает некую умственную деятельность, интеллигенты начинают получать некое удовольствие от умственного онанизма. Но, они точно так же боятся взглянуть в лицо своим демонам, как и мужик, загнанный в рамки инстинктивного следования жёсткой колее традиции. А им очень любопытно, а что там, в зеркале? И даже более любопытно, чем мужику, который тупо может и не заморачиваться такими «высокими материями». Но, взглянуть до жути боязно. А зудит. Аж череп изнутри чешется. И им надо занять чем-то голову. Испытывая удовольствие от легко решаемых уравнений и легко отгадываемых загадок. Отсюда оккультизм, мистерия, теории заговоров и прочее умственное самоудовлетворение. Подсознательное осознание, что вся эта мистерия никак не связана с реальностью, потому безопасна, успокаивает. А простые, извечные истины, нескрываемые и лежащие прямо перед тобой – пугают.

Как у Чижика его Древо Жизни. Знания и технологии погибшей расы, что могут его легко и не напрягаясь сделать всемогущим. Как он думает. Главное, легко. И не напрягаясь. Ничем не рискуя. Знания же эти уже никто ведь не за-

щищает, как он думает. Никто не будет за воровство чужой интеллектуальной собственности мстить, как он ошибается. И самому не надо ничего изобретать, вот же оно, дерево, готовое, на блюдечке. Приди, возьми! Главное, не влезать в муторное фамильное тягло. С неизбежными многоходовыми многолетними интригами всех против всех, постоянными тревогами и страхами, с навозом, углем, зерном, золотом, свитками отчётов и донесений. С мужиками-баранами, неспособными оценить твою искромётность и остроумность! Как всё это скучно! А тут – р-раз, и ты полубог, способный летать на энергетических крыльях, как легендарные воители небожителей, карать неугодных молниями с небес, подобно Зевсу Громовержцу!

А самый страшный демон Чирика ответственность. Ответственность за выбор. За выбор из двух бед. Не выбор между хорошо или плохо, а выбор между хреново и совсем звездац, выбор из двух, и более равновеликих бед. С одинаковыми кровавыми последствиями. Между невыносимо хреново и полный кирдык! Отсюда эта нерешительность. Болтливость. Неухоженность. Потерянность. Отрицание пути предков породило пустоту в душе, которую он стремиться заполнить чем-либо, любым хламом, типа тех же мистерий, но пустота в душе, хаос, как вакуум лишь разрастается, уже отражаясь на его хаотичной внешности оборачиваясь в неухоженность, потерянность, усталость, стресс.

И я его прекрасно понимаю. Потому что страдаю тем же.

Я сам должен расправить энергетические крылья и лететь к цели. Чтобы сделать то, что умею лучше всего, убивать.

Но! Я точно так же, как и этот юный книжник, не уверен, что это правильно. Что любое мое действие не вызовет лавины жутких последствий, по совокупности оказавшихся ещё большим Злом, чем жизнь и деятельность тех, кого я должен убить. И этому демону я и боюсь взглядеться в лицо. Самому себе, каким я могу стать с той мощью, что щедро отсыпана мне Матерью Смерти. Тому демону, каким я стал, каким могу стать. Вот что страшно! Для меня. А больше всего пугает то, что собственного превращения я не увижу. Как не вижу сейчас бревна в собственном глазу, но тычу в глаза Чижику его соринкой. Потому и вожусь тут с этими баранами, сам для себя пытаюсь разобраться: что такое хорошо, а что не очень. А лучший способ понять что-то – попытаться кого-то научить тому, чего сам не понимаешь.

Утром народ строится. Идём не на юг. На запад. Там ближайшая вода. Мыться будем. Заодно «прилипалы» проскочат мимо нас, как скоростной экспресс.

Народ изрядно повеселел. Как я и говорил, бараны, почувствовав твёрдость роговых черепных наростов жожака, и себя чувствуют более уверенно, более рогато. Как это в таких случаях гуманно именуется: «почувствовав твёрдую руку». А им и до этого было едино куда идти. Они же всегда за любую движуху, кроме голодовки.

Пока шла помывка, братва сгоняла до схрона с неспра-

ведливо нажитым. Ну, не могу я, приняв людей под начало, оставить их голодными. Чтобы заставить их потеть, надо им сначала выделить желудочный сок.

У реки и заночевали. Заодно начал приучать людей к двухчасовому ритму жизни, к смене караулов. Знаю, что ничего им, нам, не угрожает. Для тварей я – один большой засвет Смерти, пугающий до «медвежьей болезни». Бродяги же вообще бесхозные беспилотные дроны, попадая в поле моего «управляющего контура Нежитью», мною же, на автопилоте, и разворачиваются на сто восемьдесят градусов и отправляются бродить дальше, перпендикулярно к нашему маршруту. Был, конечно, соблазн разоружать их. Но какого-либо беспалевного варианта объяснения происхождения оружия я не придумал. Тупой, каюсь! Я и так раскрылся больше, чем планировал.

Так и пошли ускоренным маршем вверх по течению реки под красивым названием Светоносная. Не сразу, конечно, пошли именно ускоренным маршем. Но с каждым днём народ всё больше втягивался в ритм, всё большие отрезки отмахивали за переход. Тут оказалась дорога вдоль реки под названием Старая Дорога. Или Старая Светоносная Дорога. По ней и шли.

Проходя через города и городки, как узлы, висящие на этой дороге, понемногу сбывали несправедливо нажитое, покупая жизненно необходимое. Ну, и заодно несправедливо наживая что-то ещё. Но по мелочи. Сам я больше в подобном

не участвую, а кроме братвы, никому не доверяю. А много ли девять шпанят натаскают? И метки со смеющимся черепом ставить больше не хочу. На других людей. Я в ответе за тех, кого пометил. А оно мне надо? Не надо! Хотя ещё в то утро массовой помывки у реки было массовое поклонение народа с требованием перевести их из свободной неразумной формы существования в полностью управляемую форму биологической жизни. Послал всех. Не сейчас.

Может, позже?

Так вот, у нас уже приличный обоз имеется. Из прочных повозок, легко способных превратиться в опорные пункты мобильной обороны. Братва, наконец, обута в сапоги, а не в эти кожаные носки из сыромятной кожи или из меха. Часто, просто содранной с дичи шкурки, никак не обработанной. И приодета стала Братва. Каждая новая шмотка в моём народе вызывает круговорот вещей в толпе. Сапоги на ногах Братвы вызвали перемещение их сыромятных или меховых носков на ноги другим мужикам.

В виду того что всё больше «прилипал» окончательно прилипали к моей толпе, организовал два периметра безопасности. Дальний, из четырёх спаренных конных разъездов, впереди, позади и по бокам, и ближний в составе пеших дозоров. Все в пределах видимости толпы. Не для охраны. А чтобы привыкли. Чтобы это было данностью. И менять их почаще. Днём каждый час, ночами через два часа. Заодно и к часам привыкнут. Не имея часов. По дудке. Вместо скля-

нок флотских.

Народ уже пообвыкся, опять начались массовые пересуды, так и не складывающиеся в единое информационное поле надразума, слишком разные индивидуальные показатели мужиков и «прилипал». Да и мужиков между собой. Но всё одно, обтирали разные мысли. В два круга, попроще и приземлённее – мужичий, где сразу же выделились центры кристаллизации коллективного разума (например, тот мужик, с лисьей мордой), и более оторванный, «интеллигентный», с претензией не только на эзотерику и символизм, но и с уклоном в философию. Какую-никакую, но всё же.

Сам я не участвовал. На само это явление и его гул роя пчёл реагировал повышением ритма хода. Раз языки чешут, то уже не устают, делаю я вывод. Но прислушивался. Тем присматривался к людям.

Пустошь не была полностью пустыней. И песчаных дюн в ней было немного. А вот разных оврагов и промоин – полно. И местность стала всё более пересечённой, понемногу поднимаясь к югу, «радуя» всё большими перепадами высот. Большие покатые подъёмы обрывались оврагами и промоинами. Хорошо, что Старая Дорога была сделана так основательно, что промоины её просто не брали. Кое-где в этих низинках оврагов и промоин приживалась и жизнь. Чаше скверная, но была и чистая. Охотились. Строго-настрога запретил бить детёнышей и самок. Жизнь же! И чистые деревья под корень не изводили.

Древесину заготавливали не только на дрова. Посохи делали. Полутораметровые древковые палки. Мужики сообразительностью не блистали, а вот руки их были натруженными руками мастеровых и умели многое – посохи делали на раз-два. В дороге посохи помогали идти, как опора. И я вечерами учил братву, а они остальных, бою на шестах. А там от шеста до копья даже не шаг, а полшажочка. И это было очевидно любому, даже совсем не умеющему шевелить извилинами. Уже даже на марше шли с примотанными к посохам штырями или ножами. Один даже умудрился косу выпрямить (без горна и молота), да так и ходил, как с глефой.

Вот и в этот раз, когда конный разъезд с ближайшей высотки объявил тревогу, повозки застопорили, мужики стали выстраиваться в линии, скорее в кучки, вокруг повозок, ощетиливаясь этими палками.

«Выхожу из себя». Осматриваюсь.

Ну, слава богам! А я уж было заволновался!

– Егеря Светлых! – кричит юноша, что был в том разъезде, летя с крутого склона так, что грозил оступиться и сломать себе шею.

Прилипалы выхватывают мечи. Вздыхаю, закатив глаза. Ближе всего ко мне оказался Чижик. Ему и досталось быть показательно выпоротым.

Выпучив глаза, бледный, закусив губы, Чижик судорожно сжимает меч. Хватаю его меч за клинок у самого окончания, выворачиваю из руки этого недоразумения через большой

палец его кисти.

– Ай! – кричит Чижик от боли.

Как он удачно привстал с седла! Рукоятью меча, плашмя, бью его по заднице.

– За что? – изумился Чижик.

– Достал клинок – рази! А не разевай пасть! – выговариваю я.

– Так я... – начал Чижик.

– Что – ты? А? Где мой меч? Раззява! Собрался разить? Кого? – удивился я.

– Их! – кричит Чижик, чуть не плача, совсем сбитый с толку и доведённый до края моими придирками.

– Я никого не вижу. Светлые далеко. Ещё раз, где твой меч? Это первое, – говорю я, поворачиваясь к скачущим Егерям и бросая клинок Чижика на землю. Пусть спешивается, раз меча не удержал. – А второе, нам их не за что убивать.

Слова мои опять пошли по рядам. Сама постановка вопроса была шокирующей. Не «нам незачем с ними сражаться», не «нам нечего их бояться» и даже не «нам нет смысла с ними сражаться, нам их не одолеть». А именно что «не за что убивать». И каждый поймёт своё, естественно. Но такого явно никто не ожидал.

– Опустить оружие! – громогласно приказываю я.

– Что? – ожидаемо возмутился самый старший и самый сильный из Тёмных, его конь скачком сократил расстояние между нами. – Как ты смеешь? Ты же говорил, что с нами!

– Как смеешь ты?! – реву я, поднимаясь в седле, поворачиваясь к Тёмному.

Он выставил свою магическую защиту. Но, что его защита против меня? Листочек бумаги против гидравлического пресса? Тёмный wpłyвает своим горлом прямо мне в ладонь.

– Как смеешь ты назвать меня «своим», плесень? – объявляю приговор я.

Штык входит в солнечное сплетение Тёмного. Он осыпается прахом. Едва успел поймать камешек накопителя. А в это время братва поднимает на копья остальных Тёмных. Этот вариант событий был рассмотрен давно, обговорен. Нужен был лишь повод для выплеска нашей ненависти к Тёмным. Нет, не убивать, а именно поднять. Рогатинами, посохами, обухами топоров поднять, заблокировать и, уперев острие копья в кадык заставить тянуться, стоять на пальцах ног.

– Опустить оружие! – вновь приказываю я.

Оглянулся. Народ поспешно бросает оружие на землю. Тёмных валят, вяжут. Осматриваю себя, свою прозрачность. В порядке вроде бы. Сдираю с Чижика его подвески с крестиком и набором этих масонских колечек избранности, сминаю в руке, расплавляю до металлического комочка, бросаю ему под ноги.

Выезжаю навстречу лихим Егерям, выставив перед собой руки с открытыми ладонями.

Глава 5

Мы не пленники, но под конвоем. Всё моё стадо окружают ребята с эмблемой человека, держащего круг Светила над головой, так я прочёл этот герб. И хотя идём мы с оружием и даже сами ведём своих пленников, но под прицелами самострелов и внимательных глаз Егерей и Паладинов.

Всё верно я в тот момент решил. Редкая цепочка атакующих Егерей, взлетевших на гребень пригорка, была лишь приманкой, отвлечением внимания. Основной ударной силой были верховые Паладины в тяжёлой броне при поддержке дворянской княжеской конницы и пехоты. Ударили бы с тыла, когда мы бы выстроились против Егерей. Именно так был пленён отряд «прилипал», что так и шёл по параллельной Новой Дороге. Их-то как раз волокли связанными.

Весь день идём по землям неведомого мне князя, всё больше забираясь ввысь, взбираясь на складки местности и ныряя в эти складки, как по гигантской стиральной доске. Будто земля пошла волной, как водная гладь от рухнувшего в неё камня, да так и застыла – волнами сопков и низинок. Чем только Природа не удивит!

А я не устаю поражаться хватке местного князя. Городки на вершинах высоток у Старой Дороги, маленькие, больше похожие на блок-посты или замки баронские, подготовлены к бою. На башнях дозорные и флаги. С одного замка про-

сматривается другой. Земли вокруг замков не только возделаны, но и умышленно перекопаны рвами и валами. Причём в паре. За рвом вал. Поля уже убраны. Сады голые. Огороды чёрные, в зиму накрываются, прямо у нас на глазах, вязанками соломы, придавливаемыми камнями. Не знаю зачем. По довольно ухоженным дорогам селяне вывозят на Старую Дорогу и уволакивают в ту же сторону, куда идём и мы, возы с уже обработанным урожаем. Не снопы сжатого хлеба, например, а мешки с уже обмолоченным и провеянным зерном. Сухое сено упаковано в вязанки. Дрова, даже не колёсами чурок, а уже большими колотыми поленьями.

– Это самое образцовое хозяйство, какое я видел! – не смог удержаться я.

И командир отряда Паладинов не смог сдержать довольной улыбки. Но ничего не ответил. Ответил за него мужик с лисьей мордой:

– Стон мужиков в этом «образцовом хозяйстве» слышен далеко за пределы Светоносного Княжества!

И это высказывание встретило гул одобрения «моих» мужиков. Но Паладины лишь усмехались.

Может, с мужичьей стороны, с их, пролетарской, точки зрения, это и не их мечта о Земле Обетованной, не идеал, но с военной точки зрения так и есть. Восхищаюсь! Это не княжество. Это укрепрайон! Об него любой враг все зубы сточит, пока дойдёт до сердца княжества.

Тем более что сердце княжества оказалось два. Сам кня-

жий престол – Светоносный град. И его одноимённый Светоносный оплот – крепость и дом Ордена Воинов, Несущих Свет Триединого.

Город Несущий Свет стоял в довольно просторной долине, на холме, омываемый рекой Светоносной, сбегавшей с окружающих долину цепочек невысоких, покатых, но гор. Отсюда казалось, что холмики этих гор можно просто перешагнуть. Но всё одно, это целых два горных хребта, пусть и стёсанных до куч битого щебня и спрессованной каменной пыли.

Русло реки рукотворно было закольцовано вокруг городских стен, протекая по рвам, надёжно отсекая город и выводя из него все нечистоты. И оба выхода из долины запирались замковыми крепостями. Северные ворота, это крепость, через которую мы и проследовали, и самим оплотом Несущих Свет Триединого с юга. При этом в военном отношении оплот был шедевром. Самым совершенным укреплением, какое я до сих пор видел в этом мире. И это при взгляде отсюда, с северного края Светоносной долины.

Долина была относительно небольшая, её всю можно было охватить взглядом разом. Но уютная, не узкая, умеренно пересечённая. И она радовала сердце. Отсутствием Пустошей. Зеленью и золотом живых деревьев. То ли жителям долины повезло, и Скверна их минула, то ли они знали, как от неё избавиться, но распахана и разбита на аккуратные квадратички полей и садов была вся долина, накрытая сеткой дорог и

придорожных лесополос. И как узлы в этой паутине – деревеньки, обнесённые облицованными камнем валами и венчаемыми каменными башнями. Мини-крепости. Только что стены пониже. Да башни меньше, чем в крепостях. А подножия покатых гор со стороны долины были покрыты рукотворными ступенями циклопических амфитеатров – галереями садов и огородов.

– Южный щит Столицы, – пафосно заявляет Чижик. Как будто он как-то причастен к сему оборонительному укрепрайону.

Долина с небольшим уклоном идёт на понижение к югу. Собственно, река так и течёт. Это на северной стороне сглаженного хребта река текла под уклон на север. А с этой стороны воды бегут на юг. Как по мне, это другая река. Но название такое же – Светоносная. Не Северная и Южная Светоносная, не Верхняя и Нижняя, не Правая и Левая, а просто – Светоносная. Две разнонаправленных, но одноимённых реки. Чудны дети Света!

Кстати, вот тебе и пешком перешагнуть! Если горы вызывают образование рек, то только за счёт своей высоты, когда водяные пары облаков не могут «перешагнуть» горы и осыпаются осадками, питая реки. Перешагни! Хотя... В мире магии и меча... Чего только не может идти поперёк привычных законов физики! Может там заклятие какое? Вон как сильно фонит тут всё древней силой!

Ночуем на берегу реки, на утрамбованной площадке пе-

ред воротами города. Я, было, решил, что в выходные дни это место является рыночной площадью. Пока не увидел чёрные пятна кострищ на этой «площади». Оказывается, что это место казни, расстрельная площадь имени «Утра стрелецкой казни и Камня I, Великого».

В город нас не пустили. И мы даже буйнить не стали. С Паладинами связываться, под прицелами башенных стреломётов и камнемётов, да на черных пятнах кострищ интуитивно понятного происхождения – нет желания.

Мы вообще-то мирные перелётные птицы, ввиду осени перелетающие на юга, на зимовья. Этой легенды и будем придерживаться.

Ночуем, сменяя караулы. Утром строимся нестройными шеренгами и ждём князя.

В этом поколении Дома светоносных князей так совпало, что у старшего брата, по старшинству и принявший пост князя, народилась целая куча девочек, а у младшего, что по традиции принял стезю духовного служения – мальчиков. Но случилось так, что младший брат князя, Настоятель Ордена, вынужден был принять ещё и престол княжества себе на хребет. До замужества племянниц. Князь отбыл в мир иной, не оставив наследника мужского рода. А его брат, приняв духовный сан Настоятеля, лишился тем прав на престолонаследие. И лишил того же всех своих сыновей. Вот так и получилось, что княжичам, лишённым права наследования, не быть князьями до того, пока жива хоть одна их двоюродная

сестра. А сам Настоятель мог быть только престололюбостителем. С чем он и справляется, с блеском. Как на мой взгляд. А мог бы плюнуть на всё, всех девок, как котят... Но всё идёт по Уставу. Караульной службы. И прочих почитателей Света.

Вот и он сам. Невысокий крепыш преклонных лет с твёрдокаменным взглядом, в ширине плеч, наверное, такой же, как и весь он в высоту. Этакий квадрат. Было бы пузо – был бы куб, но пуза нет. Его губы и бритый подбородок столь же тверды, как его светло-серый взгляд, стальной, как его стальной нагрудник под белой накидкой со Светоносным знаком.

Выслушал меня. Мою ахиною, что мы птицы перелётные, летим догонять лето, наняты мягким на голову наследником княжеского рода Тростника (это я про Чижика), для сопровождения сего неразумного детины в его блаженных происках неведомого дива дивного. Но ввиду юношеской педальности, то есть недальновидности и общей дубиноголовости и мякиномозговости, Чижиком были наняты Тёмные, обманом втеревшиеся к нему в доверие. И при проверке нас Егерями Светоносного Дома всё сразу выплыло наружу Тёмные собрались биться со Светлыми. Чего мы, естеснено, допустить не могли. Повязали их, и, собственно, вот они, небольшой такой мычащий в кляпы презент уложен у ваших ног.

Не сказал бы, чтобы мне поверили. Но никто ни в чём не возразил. Вообще никто ничего не сказал. Лица, что крепостные стены, время идёт, а они не меняются. Глаза, что стволы гаубиц, столь же смертельно невыразительны. Как,

гля, киборги!

Хотя Чижик то бледнел до мелового цвета, то заливался пунцовой краской от моих тонких оскорблений. Но тоже промолчал.

Приводят какого-то древнего, как эти горы на горизонте, старика. Он водит перед собой руками с ладонями, открытыми в нашу сторону, вглядываясь в нас белыми, слепыми глазами. И уверенно тычет скрюченными пальцами в Тёмных, что и так – сложены у его ног. И... в меня.

Нет! Не верю! Но даже не дёргаюсь. Выдержка имеется. Хотя колокольчики очень отчётливо отбили склянки паники. Широкоплечие Паладины обходят меня и вытаскивают к ногам князя-настоятеля одного из «прилипал». Даже я не замечал за ним Тьмы. Бывает!

Никаких пафосных обличительных речей, никаких обвинительных приговоров, молча, как я люблю, складывают костры, молча, у нас на виду, сжигают Тёмных. Дров не жалея. Мы толпились на речном обрыве, спасаясь от жара костра и вони сжигаемых людей. Но всё закончилось быстро.

– Советую вам покинуть мои земли! – сказал князь-настоятель.

Он развернулся и ушёл обратно в город. Последним. Показав нам беззащитную спину. Провоцирует? За ним подняли мост. И это единственные слова, какие мы услышали от него. Блин, уважаю! Скала, глыба, а не человек! Эх, таких бы!..

По губам бы! Чтобы не отвисали! Это я на Чижика посмотрел. М-да!

– Храни тебя Триединый! – искренне посылаю я «квадратного» князя. Квадратиш, практиш, гуд! Зерг гуд!

А теперь веду своих зергов на юг, также под конвоем «улыбчивых и разговорчивых» Светоносных. Это я язвлю по поводу реакции на мою невинную просьбу, что «нам бы закупиться пожрать, а то так выпить хочется, что переночевать не с кем». Реакция была бурной и мгновенной. А если честно, то никакой. Игнор. Ложки не существует. Нас тоже.

Через Светоносный оплот проходим по тоннелю щитов и копий Паладинов, что шеренгами своими нам показали габарит прохода. А арбалетчики на стенах и башнях отводят нам габарит нашего любопытства и высоту наших взглядов.

А их маги нам совершенно случайно не попались ни на пути, ни на глаза. А вот их, магов, работа выставлялась напоказ. Множество заговорённых предметов, дыхание магии в воздухе, вперемешку с повсеместными остаточными следами заклинаний, свежих и совсем древних, но мощных и с реликтовым дыханием мощного фона допотопного поселения Небожителей, труха Роши чудесных Древ которых и образовала двойную цепь гор, излишняя экипировка всех встречных и поперечных заговорёнными предметами и амулетами, пустые боевые посты магов на башнях, обилие магических светильников в качестве уличного освещения. И множество прочего сказочного антуража, тонко, как удар молота в лоб,

чтобы до самого тупого дошло, намекающего, что с магами тут очень и очень всё крепко и обстоятельно. А вот сколько именно магов и каких именно, не догадаешься, не просчитаешь. Как не просчитаешь и количество штыков и полков долины. Понятно только одно, что по пояс будет и великану.

Разумный подход. С нами, Тёмными да мутными, так и надо. Интригу нагоняют. Чтобы боялись связываться.

Когда прошли через укрепления оплота, вечер уже. Но конвой нас гонит подальше от себя и своих стен, как чумных. Уже совсем в темноте Паладины дружно разворачиваются и растворяются в темноте. И мы тут же, прямо на этом же месте и останавливаемся. Этот марш-бросок под конвоем защитников долины даже мне дался нелегко. Не только психологически, но и физически. За три дня отмахали чуть ли не декадный километраж! Это от стен Северных ворот долина лишь выглядит так, будто можно её перепрыгнуть с хорошего разбега. А вот ножками да шажочками её отмерить совсем другие объёмы измерительные ощущаются. Потому и падаем кто – где.

– Вещь!

– Сделаем! – стонет Кочарыш, с кряхтением и треском суставов вставая. Идёт организовывать караулы. Не стесняясь ни в выражениях, ни в количестве ударов ногами по бокам людей.

Когда Кочарыш вернулся с докладом и обнаружил, что докладывать некому, не смутился ни на секунду, доложил, что

«Всё – хоккеей!» пучку соломы, накрытому моим плащом. Дудочник при этом сыграл проигрыш «Прощание Славных Дев».

Идём мы давно, а я насвистываю в пути, Дудочник подбирает мотив. У него теперь три дудки, он вырезает себе забаву из подручных материалов. И даже один ученик, младший браток с говорящим именем Побег, поступил в это походное музыкальное училище по классу духовых инструментов. У мальчишки уже сносно получается побудка и проигрыш команды «Оправиться!». А ещё эти двое заготавливают материалы для чего-то ударного. То ли бубна, то ли барабана, не понял ещё. А спрашивать не хочу. Самому догадаться интереснее.

Иду очень осторожно. Егеря долины – хитрые ребята. Мало того, что одежда их сливается с каменистым глинозёмом корки Пустоши, так ещё и на каждом амулет искажения. Даже «Вне себя» их обнаружить сложно. Но я точно уверен, что они есть. Вот, кстати, один. Двое. Чуть за гребнем высоты. Так что даже в темноте ночной торчит только голова над почвой, с места стоянки даже днём не заметишь, а сегодня и луны заволокло облаками. Обхожу понизу, по подножию возвышенности. На мне две прозрачности, я совсем невидим. Но это не делает невидимыми и неслышимыми мои шаги, а точнее, сдвигаемые ногами камешки и черепки растрескавшейся корки Пустоши. Ха! На соседнем гребне ещё голова. Тоже – двое.

Миновал оцепление Егерей. И чуть не нарвался на ещё один пост. Эти просто лежат под плащами. То ли слушают «эфир», то ли отдыхают. Не было бы у меня такого видения «поток», когда я «вне себя», точно наступил бы одному из них на что-нибудь. Прямо у меня на пути их секрет оказался.

Куда меня нелёгкая понесла? Ну, как же?! Уйти не отблагодарив за гостеприимство? Не по-людски это! Не по-человечески! А как же нагадить на порог? Вот-вот! Так у них, в долине, всё хорошо и ладно, что аж чешется всё тело под панцирем костяным! Настолько мне понравилась организация жизни долины, что аж тошнит, как хочется пакость какую сделать! Ишь, блин, устроили они тут Царствие Небесное! Чистенько всё, аккуратно всё, как у немых и немых бургеров! Не по-нашему это! А где элемент свободы и широты душевной? Это у вас, в неметчинах, по-нашему не понимающих, это называется элементом хаоса, а чаще бардаком. Какой это беспорядок? Это живое колыхание жизни, художественный порядок свободного артиста по-жизни. Ха-ха! Ха-ха-ха!

Говорю же, горы, что кочки, только высокие. Перешагнуть можно! Ну, а прыгаю я хорошо ещё со времён предыдущей версии моего тела, того варианта сборки, что был недоурод, недобродяга, недонебожитель. Кстати, потому так и колбасило меня всё время, потому, собственно, в теле том и не было умственного порядка и душевного покоя, что слишком отличаются энергетическим потенциалом толика че-

ловеческой крови и крови Небожителей. Иногда они гармонично сливаются, скрещивание же возможно. А иногда помесок идёт вразнос. Собственно, тем Небожители с людьми и отличались. Не внешностью, не генетически. Внешне это был один вид. Они отличались внутренней, точнее, энергетической сущностью. Как смотанная в катушку медная проволока и индукционная катушка в работе, под напряжением.

Отвлёкся я. Какое это имеет значение? Никакого. Просто смотанная медная проволока без заряда в себе – легче перенесла апокалипсис. А вот тонкие волновые и колебательные приборы сторели. Все. Биоэнергетическая разумная жизнь уступила Мир мясной форме жизни с гораздо меньшим биоэнергетическим потенциалом, но с гораздо большей агрессивностью. Ну и История им Судья!

Даже устал я взбираться на эти циклопические осыпи. Собственно, поэтому я и вспомнил этих канувших в летах безобидных, как бабочки, существ, что магия их была так сильна, что горы эти ещё поддерживают реликтовые заклинания Небожителей, фонят их потоками. А так как опарыш мне подправил тело и мозг, они уже не идут в разнос, толики разных кровей синхронизированы меж собой, биоэнергетика Небожителей для меня не чуждая. Не родная, но и не враждебная. Могу использовать.

Потому запитываю проклятие реликтовой энергетикой и зацикливаю. Получилось что-то настолько грандиозное, истинно достойное былых хозяев этой когда-то рощи. Просто

божественной мощи заклятие получилось!

Блин! Палево же! И хотя я и использовал реликтовое излучение этих «гор», но и своей силы ушло столько, что на ноги встать не смог. Кувыркался, ковырялся, возился я слишком долго. Естественно, что нарвался. На СОБР – спецотряд быстрого реагирования Оплота Ордена Воинов, Несущих Свет Триединого.

От неожиданности... да что скрывать? С перепугу (я не ожидал, что реакция Светлых будет столь молниеносной) резко замораживаю воздух вокруг себя. Они застали меня «со спущенными штанами», настолько обессиленного, что не то что на поддержание прозрачности сил не было, тупо ноги подгибались.

Как-то я маху дал с этим проклятием! Слишком сильным оно получилось. Моя сила потребовалась только на запуск заклинания, но ушла вообще вся сила! Даже с «минусом». Жизненная сила была переработана в *силу* и тоже израсходована. Потому-то моим первым побуждением было пополнить силу. А иного способа, кроме преобразования окружающих потоков в силу, просто не осталось. Или я иного способа не увидел. Но вокруг меня образовался купол мороза. Да такого крепкого, что влага воздуха пошла снегом, а камни под ногами трескались, как будто их раскалёнными бросили в воду.

Зато за моей спиной раскрылись крылья, я почувствовал свою силу. То есть полегчало мне. И в голове прояснилось,

отступил мрак бессилия.

И потому, смотря на идущих в отчаянную атаку Паладинов, я понял, что не хочу забирать их жизни.

Не хочу.

– Стоять! – сказал я. Точнее, глухо пророкотал, как сход камней со скал.

И выставил руки в останавливающем жесте. И вовремя. Меж рук я почти автоматически, неосознанно, выставил Щит Разума, где и увязли заговорённые болты самострелов и заклинания Паладинов. Хорошо, что Щит Разума, а не Стихий. Стрелы увязли, потеряли ударную силу. А Щит Воздуха они бы просто пробили, ведь на это они и были заговорены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.